

«ОДНА ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЦИТАТА»

Э. Г. БАБАЕВ,
доктор филологических наук

Анна Ахматова однажды сказала: «Свои стихи — это как Бог даст, а вот эпитафии и цитаты иногда попадают, действительно, великолепные». И у каждого из них, добавим, есть своя история.

Цитата, превращаясь в эпитафию, переходит из одной художественной системы в другую.

При таком переходе возможны некоторые трансформации и изменения текста.

Для своей повести «Станционный смотритель» А. С. Пушкин взял эпитафию из стихотворения П. А. Вяземского «Станция». У Вяземского:

Досадно слышать: «*Sta viator!*»
Иль, изъясняясь простей:
«*Извольте ждать, нет лошадей!*»,—
Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(Ему тигун бы на язык!),
Сей речью ставит вас в тупик.

Пушкин выбрал из этого отрывка всего две строки, заново «отредактировав» красноречивый текст Вяземского в стиле своей «смирненной прозы»:

Колежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Удивительное превращение текста: все сказанное Вяземским сохранилось, но уже звучит по-пушкински.

Нечто подобное происходит и с эпитафией из стихотворения Н. А. Клюева «Клеветникам искусства» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. У Клюева в его патетическом памфлете, направленном против «худителей поэзии» и написанном в 1932 году, сказано:

Ахматова — жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,

Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел, и воздух густ,
И нимфа лён прядет хрустальный!

Из этого развернутого и пророческого по времени текста Анна Ахматова взяла всего две строки, изменив одно лишь слово и убрав свое имя:

... жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.

Ахматова вспоминала Клюсова и его стихи в годы гонений, когда она слышала «суконные речи» душителей искусств, похожие на «серый асфальт», «обжигающий все живое», когда уже и самого поэта не было на свете. И там, где было «стерто» ее имя, остался лишь жасминный куст, как напоминание о дороге, по которой прошел Данте: «Он и после смерти не вернулся...» (Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 193).

В «Поэме без героя» над стихами Анны Ахматовой возникло целое созвездие эпитафий. От латинской надписи на воротах Фонтанного Дома: «Deus conservat omnia» до элегических строчек Пушкина из «Домика в Коломне»: «Я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость».

Каждая такая строчка была «великолепной цитатой». Но она не казалась «повторением известного», все читалось заново. Даже хорошо знакомые пушкинские строчки читасшь будто впервые в поэме Ахматовой.

У нее было удивительное умение находить необходимые строки и слова, которые, будучи поставлены «во главе» произведения в качестве эпитафии, ярко освещали исторические пространства ее замысла. Так, в «Поэме без героя», где столь сильны отголоски двух мировых войн, появляется эпитафия из романа Хемингуэя «Прощай, оружие!»: «I suppose all sorts of dreadful things will happen to us...» («Я уверена, что с нами случится все самое ужасное»). Эти две прозаические строки рядом со стихами Ахматовой звучали так неожиданно и ново, что один известный знаток и переводчик знаменитого американского писателя спросил ее: «Анна Андреевна, откуда эти строчки: „I suppose...“?»

* * *

Эпитафия — это нечто такое, что превращает двух поэтов в собеседников, даже если их разделяют века.

Юрий Олеша в своей книге «Ни дня без строчки» вспоминает о своем знакомстве с Анной Андреевной. Было это в Ленинграде, в 30-е годы. Тогда Олеша, как подобает писателю, который уже

«вошел в известность», хотел сказать что-нибудь веское и значительное. Но как-то оробел перед Анной Ахматовой, которая «пользовалась славой», когда он был еще гимназистом. Между тем она заговорила о том, что переводит «Макбета». Герой этой трагедии говорит, «что люди на его родине умирают раньше, чем вянут цветы у них на шляпах» (Олеша Юрий. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 159).

Ни о чем не рассуждала, просто процитировала, привела на память несколько строчек из Шекспира. Это была ее манера говорить о книгах и писателях. Никаких рассуждений «вообще», никакого желания «блеснуть» парадоксом или неожиданным суждением. Все просто и тихо, но слово или мысль ослепляют, как молния.

Строки из «Макбета» о цветах на шляпах бедных современников — как раз то, что Ахматова называла «великолепной цитатой», соизмеримой с масштабом и личностью великого писателя. Соизмеримой с целой эпохой.

Слушая Анну Ахматову, Олеша забыл, что он хотел сказать. «Я чувствовал себя,— признается он в своих записках о встрече с Анной Ахматовой,— все тем же мальчиком, гимназистом...» (Там же. С. 159).

* * *

По своему мироощущению Анна Ахматова, видевшая две мировые войны и три революции, была человеком истории. В ее стихах есть черты, сближающие ее с Кассандрой. «Ах! почто она предвидит то, чего не отвратит...» (Жуковский В. А. Сочинения. М., 1954. С. 120). Как будто эти строки из старой баллады написаны про нее. Все это определяло ее отношение к книгам.

Как-то она спросила меня:

— Что вы читаете?

Я сказал, что читаю книгу Вячеслава Иванова «По звездам».

— Что он говорит? — спросила Анна Андреевна. Памятуя о том, что Ахматова не любит разговоров о книгах «вообще», а предпочитает хотя бы одну, но точную цитату, я вспомнил одно замечательное высказывание Вячеслава Иванова.

— Он говорит,— сказал я,— что мировые события, прежде чем ступить на землю, бросают на нее свою тень.

Анна Андреевна как-то насторожилась. Некоторое время она молчала, а потом переспросила: «Он в самом деле так говорит?»

Не поверила?.. Пришлось раскрыть книгу. И оказалось, что это говорит не Вячеслав Иванов, а его учитель Моммзен, автор знаменитой «Истории Рима».

«Мировые события,— читали мы в „Кормчих звездах“,— не замедлили надвинуться за тенью их, ибо, как говорил Моммзен,

они бросают вперед свои тени, идя на землю...» (Иванов Вячеслав. По звездам. СПб., 1909. С. 311—312).

Анна Андреевна тогда работала над воспоминаниями о Модильяни. Она в раздумье закрыла книгу Вячеслава Иванова. Но мысль Моммзена ей запомнилась.

Рассказывая о своей встрече с Модильяни в 1910 году в Париже, Анна Ахматова пишет: «Будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны» (Ахматова Анна. Избранное. М., 1974. С. 479).

«Как известно...» Когда я читаю эти строки, я вспоминаю ее комнатку на Ордынке, открытое окно и старую книгу «По звездам».

Так острая мысль Теодора Моммзена, сохраненная в одной «великолепной цитате» Вячеслава Иванова, отозвалась в исторической прозе Анны Ахматовой.

* * *

Нет, цитаты Анны Ахматовой не были повторениями. У нее есть особое четверостишие на эту тему:

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

Можно почувствовать связь между эпиграфом и произведением, случайно увидеть, как совершается выбор в пользу того или иного слова, но «великолепная цитата» всегда остается столь же загадочной в своем возникновении и бытовании, как «поэзия сама».

Слово в драматургии

ПОЖАЛУЙСТА, БЛИЖЕ К ТЕКСТУ

С. В. МОЛЧАНОВА

Одноактная комедия Александра Вампилова «Двадцать минут с ангелом», по традиции объединяемая на театре с его же «Историей с метранпажем», чаще всего исполняется как разудалый водевиль. Но мы знаем, что автор пьесы не так прост и немудрен, недаром же его маленькую «человеческую комедию» сплошь пронизывают евангельские мотивы. При этом Вампилов намеренно создает произведение не на основе высоких христианских постулатов, а, напротив, «опускает» свое авторское знание и понимание их до бытового уровня. Вместе с автором мы становимся свидетелями того, какие аналогии могут иметь «низкие» житейские ситуации.

Ключ к верному истолкованию пьесы — цепь опорных слов и выражений; с их участием — начиная и завершая действие — на наших глазах творится драматургическое чудо. Уже название пьесы отсылает нас к Евангелию: «Как написано у пророков: „вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим...“» (Марк., 1; 2).

Обратимся к вампиловскому тексту. Два командированных — Анчугин и Угаров, — спустившие все до копейки, маются с похмелья. Анчугин — дремлющая слепая сила, одинокий медведь-шатун. Угаров не лишен пророчности, наблюдательности; он — экспедитор, в людях кое-что понимает, не оборваны и его семейные связи. Застигнутые в чужом городе «жестоким» безденежьем, они мечутся в поисках банальной трешки и делают четыре попытки.

Первая — на заводе. Угаров, понимая, что нарушает этикет («У нас ведь как? Экспедитор дает, а экспедитору никто ничего не дает — закон...»), все-таки звонит начальнику сбыта («строгая женщина»). Не отвечают. Звонок на проходную, и выясняется: «Сегодня в о с к р е с е н ь е... выходной...» (Вампилов Александр. Прощание в июне. Пьесы. М., 1977. С. 261; в дальнейшем цитируется это издание; здесь и далее разрядка наша. — С. М.). В этом эпизоде — «Выпрашивании милостыни» — возникает слово, которое обозначит иное измерение сюжета.

В соседних номерах гостиницы остановились молодожены и скрипач: к молодоженам Угаров посылает Анчугина, артиста берет на себя. Попутно он пробует уломать коридорную Васюту: «Анна Васильевна, голубушка! С п а с и. Дай три рубля до завтра». Получив отказ всюду, не зная на ком сорвать зло, мблодцы «отыгрываются» на скрипаче.

Проходная, на первый взгляд, сцена с Базильским — назовем ее «Зовут черта» — очень важна: «эхом» отзовется она в главном эпизоде пьесы. Известно, что в бытовом смысле произносить «черное» слово — значит «звать» черта. И уж что-то, а это наши «герои» усвоили. Поэтому, когда за две минуты сатана помянут четырежды, такое не могло не зацепиться даже в похмельном чаду.

Б а з и л ь с к и й. ...какого же ч е р т а вы стучите в стену?

А н ч у г и н. Ваша музыка нам о с т о ч е р т е л а. {...}

Б а з и л ь с к и й. {...} Не пугайте меня, ч е р т подери! {...} И не мешайте мне работать, ч е р т в а с в о з ь м и! (*Уходит стремглав.*)

Так с «чертом» он их и оставляет. В первоначальном варианте пьесы, опубликованном в журнале «Театральная жизнь» (1987. № 17) под названием «Сто рублей новыми деньгами» «чертовы» домыслы выражены откровеннее и проще:

С в я т у с. Иди ты к черту. Возьми хоть у него. По-моему, ему мы еще не должны. {...} заявился бы, {...} вы мне совесть — я вам валюту. А?

С е р о ш т а н. Отобрали бы денежки и вытолкнули бы черта в шею.

Стук в дверь.

С в я т у с. Это не старуха. Кто это?

С е р о ш т а н. М е ф и с т о ф е л ь.

Зовут Мефистофеля, а «черт принес» добродушного Петрика...

В окончательном варианте пьесы все развивается сложнее. Тема «бешеных» (бесовских) денег уйдет, а «страдальцы» вернутся к мелочным расчетам: сдать бутылки — дать телеграмму. Но кому? «Подать в управление — протянут дня три {...} Жене — не поймет». Среди этих прикидок возникает тема матери, которая останется в пьесе до последнего мгновения, когда драматическое действие будет полностью исчерпано.

У г а р о в. {...} Остается матери... ей...

А н ч у г и н. Мать — конечно. Мать не подведет.

Легко пишется адрес, привычный текст. Но деньги из родного Белореченска — это, как говорят медики, отдаленные последствия, а первая помощь необходима сейчас. Распахивается окно и...

У г а р о в. {...} Смотри, сколько народу. Полна улица...

Анчугин. (...) Вот и попроси у них. (...) Люди добрые! Граждане! Минуту внимания!

Через реплику: «Помогите! Тяжелый случай! Безвыходное положение!» И еще через реплику: «Граждане! Кто даст займы сто рублей?» Называя эту сцену «Глас вопиющего в пустыне», мы помним, как торжественно звучит в Евангелии от Марка: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

Следующая сцена — «Явление ангела». Сюжет выходит на новый виток: «пытавшим» жизнь и так, и этак, всюду получившим отказ «страдальцам», томимым жаждою отнюдь не духовною, остается уповать лишь на высшие силы — зла ли, добра ли — выбор ими еще будет сделан. Явившийся невидный мужчик предлагает помощь — 100 рублей — «бешенные» деньги в их ситуации. Разговор идет как бы «мимо друг друга». «Ангел» по фамилии Хомутов повторяет как заклинание: «могу вам помочь»; «собрался вас выручить»; «всем нам, смертным, бывает нелегко, и мы должны помогать друг другу». В ответ ему: «А по шее ты получить не желасшь?»; «он предлагает на троих»; «не придуривайся». Деньги, желанные пять минут назад, возникшие из воздуха, из «ничего», пугают просителей. Анчугин бросается в коридор вслед за ангелом, а Угаров произносит: «Не было печали...» (вспомним присловье: «Не было печали, черти накачали»), суетится и заключает: «Черт знает что...»

Мотив закладывания души дьяволу, изящно начатый в сцене со скрипачом, окончательно оформляется. Завершается малый сюжетный круг возвращением ангела, ведомого Анчугиным. Последний прямо заявляет: «Забирай ссуду. Ну тебя к черту». Друзья считают, что «искушение» они преодолели, теперь надо разобраться с этим бессребреником.

Первый вариант — безумие, побег из сумасшедшего дома:

Угаров. Послушайте, вас как — совсем отпустили или так... Ненадолго?

Хомутов. Откуда отпустили?

Угаров. Ну ... Из дома ...

Хомутов. На неделю. Какое это имеет значение.

Именно Угаров, с которым в пьесе появляется тема матери и дома, произносит ключевое для Хомутова слово *дом*. Потом друзья предполагают, что деньги фальшивые или ворованные, на худой конец — подъемные: «Лензолото»? Или «Мамслюда»?

Хомутов отвечает: «Какое „Лензолото“? Какая „Мамслюда“? Бог с вами». Кажется, обычный фразеологизм. Если в интонации произносящего не будет слома, «трещинки», в которую может проникнуть надбытовое, то победит выражение упрека, зацепится

только внешний слой текста, будет упущен подтекст, возвышающий пьесу над уровнем анекдота. Бытовая интонация заставляет реплику играть лишь роль «петельки» для следующего «крючочка» (Угаров. Так... А между прочим, вы в бога верите? (...)) В секте случайно не состоите?), тогда как восклицание это надо ощутить в контексте всей пьесы. Тут переломный момент, переход от темы искушения, «бешеных» денег к теме искупления. В развитии ее, переплетении и противоборстве с темой бескорыстия (первый вариант) Вампилов шел к психологическому симфонизму, скрытому от неразвитого слуха.

Анчугин, узнав, что Хомутов — агроном, решит, что он пытается заманить их к себе в колхоз и поэтому навязывает им аванс в счет будущей каторжной работы. И опять Хомутов отзовется таким нелепым для них вопросом: «Скажите, у вас родители живы?» Приятели от денег наотрез отказываются: «Угаров. Я чувствую, возьми я эти деньги — и на мне потом долго будут возить воду». Бытовое *возить воду* рождает в похмельном воображении «адскую» картину в духе Босха: черти возят на грешниках неизвестно что, а уж грехи за ними водятся — это-то наши «мученики» от сантехники знают. Потому на хомутовское «не поминайте (слово, важнейшее в его сквозной линии действия) лихом» Анчугин, положив на плечо агронома тяжелую длань, уговаривает: «Объясни (...), признайся. А то ведь я и спать не буду, ну в самом деле. Сто рублей просто так, за здорово живешь — ну кто тебе поверит, сам посуди...» Получив прежний ответ, взрывается, скручивает ангелу руки, а Угаров связывает их полотенцем.

Начинается сцена «Распятия». Привязав Хомутова к спинке кровати, ражие молодцы уговаривают его покаяться. И когда выведенный из себя агроном срывается: «Украл! Это вас устраивает? Украл! Это вы понимаете», Анчугин возмущается: «Богородицу из себя выламывал, доброго человека!» Жестокую сцену осеняет возвышенный образ матери.

После потасовки, окончившейся классическим русским вопросом «Что делать?», участники решают позвать людей. Анчугин (вспомним его вопль в окно) приглашает: «Проходите, граждане. Помогите, если можете». Настал черед сцены «Судилища».

«Присяжным заседателям» — молодоженам Ступак, Базильскому и Васюте — «истец» Угаров представляет ангела — «подсудимого»; Анчугин свидетельствует: «(...) бьемся мы тут с ним, а он на своем — просто, говорит, даю, бескорыстно ...» «Истец» ищет сочувствия: «Он (Анчугин — С. М.) шофер, я добываю унитазы для родного города — может, мы жизни не понимаем?» Каждый из «присяжных» даст характерный для него ответ: Васюта высказывает сомнение в трезвости «ангела», Ступак безапелляционно утверждает

ет — «жулик, аферист, пройдоха», Базильский восклицает: «Нет, не верю я в вашу доброту! Это чертовщина какая-то — на-верняка!»

Крепкий позитивист и прагматик Ступак назвал все это: «Идеализм, но, скорее всего, жульничество». И еще так: «Бред. И притом религиозный. Бред и вранье». А вот его молоденькая жена Фаина верит пришедшему незнакомцу: «Слышите, я вам верю. Верю, что вы делаете это просто так...», и наивностью своей она чрезвычайно раздражает мужа. «Прозревшая» Васюта робко предполагает: «Уж не ангел ли ты небесный (...)». Но после стычки молодоженов даже толстокожий Анчугин почувствовал опасность этого «явления Христа народу»: «Смотри, агроном. Смущаешь ты людей...» — и, не соглашаясь отпустить «подсудимого» просто так, уточняет: «Пусть скажет сначала, за чем приходил».

Сцена достигает крайнего накала. Среди воплей: «Говорите, черт возьми!», «Псих!», «Пьяница!», «Жулик!», «Врешь!», «Покалечу!» Базильский припечатывает: «Маньяк! (...) Он вообразил себя спасителем». Парадокс в том, что Хомутов, немало лгавший в своей жизни, грешивший перед людьми и матерью, на этот раз говорит чистую правду: «Приходит час, и мы дорого расплачиваемся за свое равнодушие, за свой эгоизм». В час исповеди, покаяния (а по внешнему выражению в пьесе — элементарной расплаты) истина, открывшаяся «ангелу», кажется такой ясной: главное — «поймите другого, того, кто помогает. (...) Это же так просто».

Как бы нам ни хотелось сложного и высокого, истинные побудительные мотивы поступков Хомутова весьма прозаичны, и речь он все-таки ведет не об искуплении вины, а о расплате. «В этом городе жила моя мать... Она жила здесь одна, и я не видел ее шесть лет... (С трудом.) И эти шесть лет... я... я ни разу ее не навистил. И ни разу ... ни разу я ей не помог. Ничем не помог ... Все шесть лет я собирался отправить ей эти самые деньги. Я таскал их в кармане, тратил... И вот ... (Пауза.) Теперь ей уже ничего не надо... И этих денег тоже».

В а с ю т а. Господи!

Х о м у т о в. Я похоронил ее три дня назад. А эти деньги я решил отдать первому, кто в них нуждается больше меня...»

«Грех какой...», — шепчет Васюта. Грех всех и объединяет. Анчугин впервые, кажется, произносит человеческие слова: «браток, друг», Базильский просит прощения, Угаров негромко, обращаясь к Васюте, подытоживает: «Вина». И хотя по исчезновению Васюты мы понимаем, что речь идет о спиртном, но ясно — омоним вина здесь совсем не случаен.

С появлением стаканов оживившийся Анчугин заговорит афоризмами: «Деньги, когда их нет, — страшное дело». «Бог с ними, с

проклятыми», — отвечает ему Васюта. В последний раз возвращается тема «бешеных» денег. Угаров завершает другую тему — материнскую, делает это неуклюже, выдавая свое похмельное нетерпение, оговариваясь: «За вашу маму...», поправляясь: «Так сказать, за помин души... Извините». Сквозное действие, связанное с внутренним конфликтом главного героя, с его чувством вины перед матерью, завершено. Хомутов произносит невыразительную фразу: «Жизнь, как говорится, продолжается...». Другой драматург с этой житейской сентенцией и покинул бы своих героев. Не то — Вампилов. Анчугин с Угаровым начинают петь:

«Глухой, неведомой тайгою...
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой...»

Базильский подыгрывает им. «Так они поют: бас, тенор и скрипка», — последняя ремарка в пьесе. Но если хватит у режиссера и актеров терпения допеть, а у читателя — любопытства, и отыщет он в каком-нибудь сборнике текст песни полностью, то яснее станет замысел автора. Вот ее последние строчки: «Жена найдет себе другого, А мать сыночка никогда».

Атмосфера раздражения, зла, бесовства побеждена атмосферой покаяния, материнской соискательной жертвы. И тогда пьеса Александра Вампилова станет, наравне с «Ваней Датским» Бориса Шергина и «Калиной красной» Василия Шукшина, русской притчей о блудном сыне.

Вампилов не глумится над падшими, не стеклянный треск стаканов венчает его пьесу, а песня.

*Реутов
Московская область*

**Все мы выросли из пушкинских сновидений,
или
Два слова о пушкинской эссеистике Ремизова**

Самобытный писатель — характеристика давно избитая и опошленная, потерявшая глубинный смысл и превратившаяся в расхожую анкетную оценку. Наверное, надо будет когда-нибудь написать о ее историко-культурной деградации. И завести речь (в качестве одного из примеров) об Алексее Михайловиче Ремизове (1877—1957) — писателе и в самом деле самобытнейшем, оригинальнейшем, ни на кого не похожем и, кажется, не имевшем предшественников в русской литературе. Его словесная вязь и причудливое слово- и строкоткачество далеко не всех приводит в восторг, но вряд ли кто — даже из отрицателей — рискнет поставить под сомнение самобытность Ремизова. Подлинную самобытность, отличную от анкетной.

Ныне многие творения Ремизова, созданные на чужбине, уже переизданы в России. Наследие его огромно (в том числе и рукописное) и чрезвычайно многообразно. В меньшей мере известно нам творчество Ремизова-филолога, в частности, пушкиниста (кстати, он являлся членом Центрального Пушкинского Комитета в Париже во время знаменитых всемирных торжеств 1937 года). А между тем и здесь у писателя были свои нетрадиционные «самостояния». Назовем хотя бы некоторые. Это этюд «Легенда» в однодневной газете «Пушкин» (Париж. 1937). Это и «Сны Пушкина», опубликованные в «Новой России» (Париж. 1937. № 21). Отметим и очерк о поэте на сербском языке для журнала «Руски Архив» (Белград. 1937. № 40—42). А в более поздние годы — «Дар Пушкина» в нью-йоркском «Новоселье» (1944. № 11) или «Живой воды» в его книге «Морозная тьма» (Париж. 1954). Уже сами названия этих трудов Ремизова свидетельствуют о необычности его пушкинистики. А ведь были и другие, столь же необычные и ценные.

О публикуемом ниже очерке «Сны Пушкина» из ремизовского цикла «Морозная тьма» можно поговорить и поразмышлять, наверное, предостаточно. Сам посыл автора, весьма недвусмысленно выводящего русские литературные сновидения из сновидений пушкинских героев, видимо, неоспорен. Но споры вокруг Ремизова — едва ли плодотворны. Можно спорить о концепциях, но далеко ли

мы уйдем, дискутируя о самобытных интуициях? Поэтому — лишь два слова об интуиции Ремизова применительно к «Снам Пушкина».

Сновидения издревле волновали людей, ощущавших в них нечто неподвластное разуму. Именно р а з у м у — посему все рациональные и психоаналитические толкования при всей их изощренности далеко не разрешили проблему. Быть может, именно литература, имеющая иные горизонты и исследующая иные миры, достигла здесь большего? И, быть может, иррациональность сна потому так и влекла р у с с к у ю литературу прошлого, что она в высших своих проявлениях познала власть иных желаний? И тогда, быть может, все-таки прав Ремизов, ведя и здесь счет от Пушкина?

Впрочем, это мнение самобытного Ремизова.

М. Д. Филин ©

Алексей Ремизов

Сны Пушкина

I. Редкое произведение русской литературы обходится без сна. И это говорит за кругозор и память. В снах не только сегодняшнее — обрывки дневных впечатлений, недосказанное и недодуманное; в снах и вчерашнее — засевшие неизгладимо события жизни и самое важное: кровь, уводящая в пражизнь; но в снах и завтрашнее — что в непрерывном безначальном потоке жизни отмечается, как будущее, и что открыто через чутье зверям, а человеку предчувствием; в снах дается и познание и сознание и провидение; жизнь, изображаемая со снами, разворачивается в века и до веку. Сон в русской литературе — с библейских видений пророка Аввакума, описанных в последнем *Послании к царю Алексею Михайловичу*, и «мутного» сна Святослава в *Слове о полку Игореве*. Загоскин в *Юрии Милославском* вводит сон, как литературный прием, но сон Юрия, как потом сон Обломова у Гончарова, вне реальности сновидений: такое может и во сне присниться, но может и на яву представиться. Сны, как особая действительность («сущ-

ственность») по-своему закономерная, со своей последовательностью, но вне дневной бодрственной логичности, впервые появляются у Пушкина: «морозная тьма» Пушкина. И эта «тьма» завевает жутью Толстого и Достоевского, а через них заморозит поколения за границы русской земли до океана и за океан. Поэзия стихов Пушкина, как поэзия прозы Гоголя, звучит лишь по-русски, не передаваема; из переводов можно только догадываться и только чувствовать, но для русской литературы своим звучанием она озаряет. Имя Пушкина, как имя Гоголя, не может стать мировым подобно Данте, Шекспиру и Гете, но через свое озарение русского — через Толстого и Достоевского — безмянно входит в мировое — в путь блистающего свода человеческого слова. Со светом поэзии от Пушкина идет и «морозная тьма» его снов — зловещее; ужас, угрызения, горечь, которые вскипят горчайшей тоской у Лермонтова, докатятся грустью до Некрасова и пронизуют тревогой стих Блока, а в прозе отзовутся, как бунт и мятеж у Толстого и Достоевского. Символисты, как Брюсов, а затем Кузмин, провозгласившие Пушкина литературным вождем, напомнили в годы общепризнанного литературного «как попало» и самодельщины о занимательных конструкциях Пушкинских рассказов, в этом значении их «пушкинизма»; их собственные примеры в форме стилизации бесследны в русской прозе, и это, как у Андрея Белого Гоголь, сведенный им в его собственной словесности к перезвучанию гоголевского поэтического слова, но указание Андрея Белого на Гоголя, как на поэта в прозе, сгладившего грань между «стихом» и «прозой», имеет огромное значение; и разве не ясно, что для поэзии — всё формы и нет особых форм. А от стихотворной риторики Маяковского, однажды в футуристическом манифесте «сброшившего Пушкина, Толстого и Достоевского с корабля современности», если что и сохранится, то лишь его площадные плакаты, овсянные зловещим Балдой Пушкина. Сны, как вторая, всегда трепетная и не «безответная» реальность, с Пушкина займут необходимое место у Гоголя и Лермонтова, Толстого и Достоевского, Тургенева и Лескова. Мартын Задека, сонник которого держал в руках Пушкин, и до недавних пор, я помню из моего детства, ходовая на Москве книга, должен гордиться своими учениками, рассказавшими о таких «бурях и ежах», — ему, Задеке, в звездном колпаке волшебника, и в голову не приходило.

II. Шесть снов Пушкина: сон Татьяны, сон Григория, сон Марьи Гавриловны, сон гробовщика Адриана Прохорова, сон Германна, сон Гринёва. И каждому из этих снов будет отклик.

Сон Татьяны *Евгения Онегина* представляется, как семь зеркальных отражений: 1) Снеговая поляна и кипучий поток; 2) Взъерошенный медведь; 3) Погоня в лесу и в медвежьих лапах; 4)

На пороге ведовского шалаша, подглядывание в щелку: чудовища и среди них Онегин; 5) Приотворяет дверь, дуновение ветра, все встали, Онегин оттолкнул дверь, появление Татьяны среди чудовищ: «копыта, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавы языки, рога и пальцы костяные: мое!»; 6) «Мое» — Онегина: в углу на шаткой скамейке и над нею Онегин «клонит голову свою к ней на плечо», появление Ленского и Ольги — «свет блеснул», Онегин хватает длинный нож — Ленский повержен (зарезан); 7) «Страшно тени сгустились, нестерпимый крик раздался, хижина шатнулась». Конец сна. Этот семигранный зеркальный сон, под подушкой у Татьяны зеркальце, откликнется в семипоясном сне пана Данилы *Страшной мести* Гоголя: пан Данило уводит через окно свое глубочайшее единственное видение: душу Катерины, которую соблазняет отец, и которая видит свою зарезанную отцом мать, по тому же зрению, как Лермонтов, увидя себя убитым в долине Дагестана, видит, как где-то в Петербурге «одна из жен, увенчанных цветами», видит его лежащего в долине Дагестана: «и кровь лилась хладеющей струей». И в *Воине и мире* у Толстого вспомнится Татьянино зеркальце: Соня, гадающая на зеркале, ничего не видит и «вдруг отстранила то зеркало, которое она держала и закрыла глаза рукой. Она сама не знала, как и вследствие чего у нее вырвался крик, когда она закрыла глаза рукой. И она невольно сказала: „видела его“ — „вдруг вижу, что он лежит... веселое лицо и он обернулся ко мне...“». И в ту минуту, как она говорила, ей самой казалось, что она видела то, что говорила. «Тут я не рассмотрела, что-то синее и краснос...» И эта зеркальная выдумка Сони оказалась зловещей. Наитие, это «невольно», выдумка — одной откровенной природы со сновидением: судьба князя Андрея и судьба Ленского — сочинение Сони и сон Татьяны. А чудовища в шалаше у медвежьего кума: рогатый с собачьей мордой, петушья голова, бородатая ведьма, человеческий остов, хвостатый карла, полужуравль-полукот, рак на пауке, череп на гусиной шее, ветряная плывущая мельница — отзвучатся в *Пропавшей грамоте* Гоголя во сне деда, когда он попал чуть ли не в самое пекло, где рожи на роже не видно, где ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадает снегу, где черти с собачьими мордами, на немецких ножках, где «музыканты тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в вальторны» (Пушкинское: «лай, хохот, пенье, свист и хлоп, людская молвь и конский топ»), где, завидя деда, «свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла — все повытягивались и вот так и лезут целоваться», ржа, лая и хрюкая.

«Бсовское мечтание» Григория в *Борисе Годунове* с двумя сонными пробуждениями или сон в два погружения — «и три раза

мне снился тот же сон»: по крутой лестнице взбирается на башню, с башни — Москва, что муравейник, на площади народ указывает на него со смехом — «и стыдно мне и страшно становилось и, падая стремглав, я пробуждался». Этот сон изображается с перевернутым рисунком: подъем—падение—подъем. Такое же «мечтание» будет в *Портрете* Гоголя: те же пробуждения во сне — двухступенное углубление Чарткова, когда он «лег в постель, а между тем глаза его невольно глядели сквозь шелку ширм на закутанный простынею портрет; сияние месяца усиливало белизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину»

Сон Марьи Гавриловны из *Метели* — те же «мечтания» с падением стремглав и открывающейся со дна судьбой, как у Григория, предрасветные после хлопотливой бессонной ночи в день рокового решения. «Перед самым рассветом она задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, когда она садилась в сани, чтобы ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротой тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелье... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца... То видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться». Видела она это окровавленное и пронзительное, очутившись на дне «бездонного подземелья», куда сбросил ее отец. Этот четырехглубный звучащий — с пронзительным голосом — вещей сон найдет отклик в «несвязном» сне Ивана Федоровича Шпоньки в *Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке* Гоголя, с теми же пробуждениями, углубляющими до видения судьбы: сон Ивана Федоровича четырехстворный, звуковой, с превращениями-подменой, вызванный роковым решением — Иван Федорович по настоянию тетушки должен жениться. Крик Ивана Федоровича, как пронзительный крик Владимира, — голос обреченности и по «морозной тьме» сравним с «нестерпимым» криком Татьяны — криком крови.

Сон гробовщика Адриана Прохорова — сон наркотический пропадной: у Прохорова от выпитого у немца сапожника на серебряной свадьбе («пьян и сердит»), у лейтенанта Ергунова в *Истории лейтенанта Ергунова* у Тургенева от какого-то одуряющего курева и примеси к кофю, под музыку, песню и танец Колибри. Начало такого пьяного сна — всегда исполнение желания: наконец-то купчиха Трюхина скончалась, привез известие нарочный от ее приказчика; затем суетня — «хмель бродит» — Прохоров у покойницы, хлопоты о похоронных принадлежностях, весь день в разъезде с Разгуляя на Никитскую и обратно. Наконец, утомился, отпустил извозчика и пешком домой. А дома — гости: комната полна была мертвецами — «луна сквозь окна освещала их желтые и синие

лица, ввалившиеся рты, мутные полузакрытые глаза и высунувшиеся носы», все это были его клиенты, приглашенные им попить в отместку сапожнику, булочнику, переплетчику, которые задели его: «пей за здоровье своих мертвецов». И опять все кажется в порядке и ничего неожиданного. Но такие сны так просто не кончаются: отставной сержант гвардии Петр Петрович Курилкин, которому гробовщик продал первый свой гроб и не без обмана: сосновый за дубовый,— напомним о себе, простер ему костяные объятия. Гробовщика это задело («кураж»), он оттолкнул Курилкина, а тот несчастный не выдержал, упал и рассыпался. И вот конец: мертвецы, заступаясь за Курилкина, набросились на гробовщика — «оглушенный их криком и почти задавленный, сам упал он на кости отставного сержанта и лишился чувств». А у Тургенева Ергунов должен влезть в подзорную трубу, «и труба та все уже, уже, вот и двинуться нельзя... ни вперед, ни назад, и дышать невозможно, и что-то обрушилось на спину... и земля в рот...»

Сон Германа *Пиковой Дамы* — сон Раскольникова *Преступления и наказания* Достоевского: «ты — убийца». Герман проснулся ночью, а значит, погрузился в более глубокий сон, луна озаряла его комнату, он сел на кровать и думал о старухе: видел, как ее раздевали после бала, видел ее, как сидела она, освещенная лампадой, вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево, видел, как это мертвое лицо изменилось неизъяснимо, когда она увидела его, видел ее, как она закивала головою и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела, потом покатила навзничь... видел ее в церкви в гробу и видел, когда он наклонился, прощаясь, и ему показалось, что она насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом... (В *Вии* у Гоголя вспомнится: «философу казалось, как будто она глядит на него закрытыми глазами; ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатила слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови»). В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко и тотчас отошел. Через минуту он услышал, что отпирали дверь в передней и услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Явление старухи: «тройка, семерка и туз». И она пошла к дверям и скрылась, шаркая туфлями. Он слышал, как хлопнула дверь в сенях. И увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко. Значит, не только «кровавые мальчики в глазах», а и этот лунный следящий глаз: «ты — убийца». «Сумерки сгущались, полная луна светила ярче и ярче» — это на Раскольникова, она заставит его, вымучивая, и не раз повторить убийство: «из всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шопот из спальни раздавались все сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота».

Сон Гринева *Капитанской* дочери — сон с подменной-превращением: «комната слабо освещена; у постели стоят с печальными лицами; я тихонько подхожу к постели; матушка приподнимает полог и говорит: „Петр Андреевич, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его!“. Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж? Вместо отца моего, вижу, в постели лежит мужик с черной бородой, весело на меня поглядывая». Это найдет отклик у Толстого в его приемах описания сна, особенно ярко — в *Двух стариках*, да и в *Анне Карениной* для Облонского в его сне — маленькие графинчики оказываются и женщины. Сон Гринева — вещий: «мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела, и скользил в кровавых лужах. Страшный мужик ласково меня кликал». Так оно все и будет, а страшный мужик — Пугачев. И про это вспомнится в *Анне Карениной* в ее зловещем сне: все так и будет, как однажды приснилось, и сон — ее беспощадная судьба раздавит ее колесом.

III. «Морозная тьма» снов — «налившееся сердце ядом» и свет поэзии — дуновение тонкого вея и воли. И в этом правда жизни? И для человеческого гения, человека в существе нечеловеческом, и свет и яд неразличимы по-человечески; другими словами судит он дело своей жизни и на вопрос «зачем», ответит: «так» — так, как все совершается в мире от рождения до встреч, и до смерти. Голос, поднятый в русской литературе гением Пушкина — голос самой жизни с ее многоцветной тайной, переливающейся то горечью, то светом.

Константин Случевский

Литературная судьба Константина Константиновича Случевского (1837—1904) была не похожа на большинство судеб русских поэтов XIX века. Он родился в Петербурге в год кончины Пушкина, в семье сановитого чиновника, сенатора. Готовился к военной карьере, с отличием окончил кадетский корпус, потом после службы в лейб-гвардии Семеновском полку поступил в академию Генерального штаба. Офицером начал писать стихи, в конце пятидесятых выступил со стихами (в том числе переводными) во второстепенных изданиях. Они прошли незамеченными критикой, но в первом номере Некрасовского журнала «Современник» за 1860 год появилась подборка стихотворений Случевского — и его имя стало известно читающей публике.

Эти стихи попали в «Современник» через И. С. Тургенева от Аполлона Григорьева, который, встретившись со Случевским, пришел в восторг от его поэзии и принялся его продвигать и пропагандировать. «Появиться в „Современнике“ значило сразу стать знаменитостью», — вспоминал впоследствии о своем дебюте Случевский. И вдруг над головой молодого поэта собрались черные тучи. В сатирическом журнале «Искра», под пером Добролюбова и Курочкина, стихи Случевского подверглись осмеянию. На них сочиняли даже издевательские пародии. В стихах Случевского критиков отталкивал прежде всего их непривычный стиль, алогичные образы, прозаические обороты, мотивы «загробного» мира, а также отстраненность от злобы дня, от социально-общественных проблем, столь важных для «шестидесятников», хотя, надо сказать, юный Случевский отнюдь не придерживался реакционных взглядов, а был скорее прогрессистом.

Язвительные эпиграммы и враждебные разборы стихов язвили для молодого автора жестоким ударом. Он не пытался больше печататься, оставил военную службу и уехал за границу. Изучал философию в университетах Парижа, Берлина, Лейпцига, Гейдельберга и в этом последнем получил степень доктора философии. Вернувшись в Россию в 1866 году, поступил на гражданскую службу — в Главное управление по делам печати, а затем в министерство государственных имуществ. Он успешно делал чиновную карьеру, к концу жизни стал членом совета министра внутренних дел, членом ученого комитета при министерстве просвещения, гофмей-

стером двора. В течение многих лет редактировал «Правительственный вестник» — большую официальную газету. Как писал об этом сам Случевский, на служебных постах он не выступал на стороне прогрессивных сил, но и не был их душителем. Однако в своей публицистике и прозе он часто отстаивал реакционные позиции, отрешившись от юношеского свободомыслия. Этот солидный, достаточно важный и благополучный чиновник продолжал писать стихи, но вновь стал печататься только с 1871 года.

В восьмидесятых — девяностых годах, в эпоху наступившей в стране реакции, лира Случевского неожиданно обрела популярность. Вышли четыре книжки его стихов, а в 1898 году появились шесть томов «Сочинений», в 1902 году была издана последняя стихотворная книга «Песни из Уголка» («Уголком» поэт называл свою усадьбу в курортном местечке Усть-Нарва). В кризисные годы крушения прежних идеалов и поиска новых духовных путей — Случевский называл восьмидесятые—девяностые годы «духовной полночью» — читатели находили в его поэзии, полной антитез, сомнений, дисгармонии и небывалых образов, богатую пищу. Глубокий скептицизм, душевная раздвоенность, вера и безверие, мечта о светлом будущем человека и самые горькие предчувствия о грядущем — все это вместила в себе противоречивая и самобытная поэзия Случевского.

В одном из стихотворений Случевский сравнил себя с колючим и искривленным кактусом — столь шероховат, неровен, порой неуклюж, прозаичен был его поэтический почерк — и вместе с тем, как часты в его стихах до дерзости неожиданные и прекрасные, меткие словосочетания и метафоры. Валерий Брюсов говорил, что в лучших стихах Случевского все звучало «пророчески сильно, огненно ярко». Надолго запоминается его определение стогов как большого гербария, скал и утесов русского Севера как «каменного сна»; любовную страсть в старом сердце у него олицетворяет оживший, вставший из былого воинственный аул кавказских горцев, где «сверкают клинки, и играют курки пистолетов».

Диапазон тем и мотивов у Случевского обширен. Он умел нарисовать оригинальный, вполне реалистический пейзаж (циклы «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски»), создать интересную балладу на исторический сюжет («Мемфисский жрец», «Петр I на каналах»), жанровую, окрашенную юмором картинку о деревенских девушках и постояльцах-драгунах или редкостные по выдумке строки о том, как в комнату автора, задевая своей высокой короной за притолоку, явился поговорить египетский фараон.

Богата и необычна у Случевского и лирика. Особенно сильное впечатление производят его стихотворения о черноземной полосе и мурманском побережье, которое он осмотрел и объехал, путешест-

вужа в свите одного из великих князей. В этих стихах есть и некрасовское святое чувство народа, и множество чрезвычайно интересных подробностей, поданных так свободно и оригинально, как только мог это сделать Случевский. Хронологически принадлежит к XIX столетию, поэзия Случевского смотрела вперед, разрабатывая многие приемы и мотивы, подхваченные поэтами позднейшей поры.

В старости Случевский дружил с Майковым и Полонским, пока они были живы, но внимательно приглядывался и к новому литературному поколению, которому предстояло творить искусство XX века. На «пятницах» Случевского хлебосольно принимались почти все молодые символисты и литераторы-несимволисты — и Бальмонт, и Брюсов, Бунин и Щепкина-Куперник. Наш старший современник поэт Михаил Зенкевич рассказывал мне, что и он посещал «пятницы» Случевского. По натуре скептик, Случевский осознавал свое ущербное положение в современной ему литературе: «А теперь я что? Я — песня в подземелии... Я ошибка жизни, не в последний раз...». Но в то же время он верил, что когда-нибудь в будущем читатель возьмет в руки и его, Случевского, книги.

Поэзия XX века немало училась у Случевского. Ей было что черпать в его интеллектуально насыщенном, богатом по художественному спектру творчестве, с бросками явной новизны. Учился у него, в первую очередь, Валерий Брюсов, но ближе всего к старому поэту, пожалуй, стоит Иннокентий Анненский, вторивший ему своим острым психологизмом и мотивами печали, осени, увядания — ведь Случевского не раз называли в критике не только поэтом противоречий, но и поэтом осени. Немало отзвуков стихотворений Случевского слышится и в строках русских поэтов советской поры, хотя его творчество в целом в широких читательских кругах ныне почти неизвестно.

Н. В. Банников ©

Я видел свое погребенье.
 Высокие свечи горели,
 Кадил несправшийся дьякон,
 И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
 Лежал я, и гости съезжались,
 Отходную кончил священник,
 Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
 Мой сморщенный лоб целовала
 И, крепом красиво прикрывшись,
 Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
 (Как в нас непонятна природа!)
 Рыдали при радостной встрече
 С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безоответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

* *
*

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь,— блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движение,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,—
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

Рассвет в деревне

Огонь, огонь! На небесах огонь!
 Роса дымится, в воздух отлетая;
 По грудь в реке стоит косматый конь,
 На ранний ветер уши наостряя.
 По длинному селу, сквозь дымку темноты,
 Идет обоз с богатой кладью жита;
 А за селом погост и низкие кресты,
 И церковь древняя, чешуйками покрыта...
 Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
 Смотрит и крестится на первый луч рассвета;
 А вот и девушка извилистой тропой
 Идет к реке, огнем зари пригрета.
 Готово солнце встать в мерцающей пыли,
 Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
 И тянет от полей гвоздикую и медом
 И теплой свежестью распаханной земли...

Из «Мурманских отголосков»

Какие здесь всему великие размеры!
 Вот хоть бы лов классической трески!
 На крепкой бечеве, верст в пять иль
 больше меры,
 Что ни аршин, навешаны крючки;

Насквозь проколота, на каждом рыбка бьется...
 Пять верст страданий! Это ль не длина?
 Порою бечева китом, белугой рвется—
 Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег — а это ль не напасти? —
 Не день, не два, с терпеньем без границ
 Артель в морской волне распутывает снасти,
 Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
 Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
 Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
 На гнойных нарах мрачных становищ.

По крутым по бокам вороного
Месяц блещет, всю озарил!
Конь! Поведай мне доброе слово!
В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
Ох, и ночь-то глубоко синя!
Да и я безмятежно настроен...
Конь, голубчик! Побалуя меня!

Ты скажи, что за девицей едем;
Что она, прикрываясь фатой,
Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим,
И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
Это сказка, чтоб конь говорил!
Но зачем же бока вороного
Месяц блеском таким озарил?

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит сл.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прошу, и ты прости.

Шарманщик

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Нот не хватает — а всё ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пилит и хохочет,
Песня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты — сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик все смотрит в окно!

Мало свету

Мало свету в нашу зиму!
Воздух темен и не чист;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист.

Он мешается с туманом;
В нем снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...

Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дрмоту
Чуть заметного денька!

Осенний мотив

Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист.
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,
Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты —
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет — твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной.

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвою своей всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

Для нас — не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

* *
*

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

Воспоминанья — вечные лампы,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут,—
Погаснет все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Вспоминанья могут задавать.

Беда, беда, когда среди них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Банко сядет за столом.

* *
*

Ты не гонись за рифмой свосравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Стони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

«Что было выражено словом, то было и в жизни...»

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ,
доктор филологических наук

Многие, если не каждый из нас, обратили внимание, что за последние годы в русском языке происходят явные изменения. Некоторые из этих новаций, в особенности возросшая (по сравнению с предыдущим десятилетием) употребительность иностранных слов, «раскачивание» литературных норм, прежде всего в устной речи, вызывают обоснованную озабоченность нашей общественности. Попытаемся разобраться в этих явлениях.

Известно, что язык находится в постоянном движении, что в своей эволюции он тесно связан с историей и культурой народа — носителя данного языка. Каждое новое поколение вносит что-то свое не только в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в формы, способы выражения средствами языка такого осмысления.

Естественно, это требует, наряду с традиционными, привычными для старших поколений речевыми средствами, создания новых слов и словосочетаний, модификации синтаксических конструкций, иных, непривычных способов передачи мысли, самовыражения, подчас необычной манеры речевого поведения.

На ход языковой эволюции не могут не влиять условия социального существования литературного языка, та социально-культурная среда, ситуация, в которой разворачиваются (в письменных текстах и в устной речи) содержательно-смысловой потенциал и выразительные возможности, заложенные в словарном составе и фразеологии, в звуковом и грамматическом строе, в сложившейся системе стилей, в сформировавшейся за многие десятилетия (а в широкой исторической перспективе — и за века) стилистической структуре русского литературного языка. Под влиянием этой социально-культурной ситуации выдвигаются на первый план одни «участки», фрагменты стилистической структуры, соответственно, отходят на второй план другие ее стороны, наблюдается движение в лексико-фразеологическом составе, в словообразовании, отчасти в синтаксисе литературного языка. Модифицируются его нормы.

Бурные события последнего времени — развал тоталитарного государства, отказ от командно-административной системы, крушение сложившихся за 70 лет социально-экономических и духовных основ общественной жизни — внесли коренные изменения во все области нашей жизни. Все это сопровождается сложными процессами становления новой демократии, политической свободы, многопартийности, свободы слова, новой государственности России и других государств (республик бывшего СССР), принципиальными преобразованиями экономики и т. п. В поисках твердой опоры общество все чаще обращается к историческим истокам русской духовности.

Такая «крутая» (как теперь говорят) ломка всего и вся не может не отразиться прежде всего в лексике и фразеологии, в словообразовании, в стилистической структуре русского литературного языка, т. е. в его самых чутких и подвижных «участках». «Почва для усиленного хода языковой эволюции, — писал советский лингвист Е. Д. Поливанов в 20-х гг., — в революционный период самая благоприятная» (Поливанов Е. Д. Избр. работы. Статьи по общему языкознанию. М., 1968).

Поистине революционный характер всего происходящего в обществе решительным образом влияет на интенсификацию языковых процессов. Они прежде всего заметны в «поверхностных срезах» лексики, фразеологии, словообразования (внутренняя динамика их состава и количественный рост единиц).

Появляются новые слова и фразеологические сочетания, в которых находят отражение явления и события, характерные для современной действительности. Например: *аппаратчик, гекаченист, многопартийность, наработки, обвальный, разгосударствление, рыночник* и т. п.; *единое информационное пространство, гуманитарная помощь, период застоя, номенклатурная приватизация, экологическое воспитание, экология культуры, командно-административная система, архитектор перестройки, антиперестроечные настроения, пакет предложений* и т. п.

В связи с возникновением новых лексических единиц активизируются словообразовательные процессы, особенно в сфере номинации — обозначении предметов, понятий, явлений. Так, возрастает продуктивность моделей с активным суффиксом *-изация*; с одной стороны: *либерализация, суверенизация, коммерциализация, дебилизация, натолизация, ваучеризация* и под.; с другой стороны, образования на *-изация* с приставкой *де*: *департизация, декоммунизация, деноменклатуризация* и т. п.

Весьма интенсивно развивается словосложение, особенно в сфере научно-терминологической и технической лексики. Это связано, главным образом, со все расширяющимся внедрением достижений

НТР в жизнь современного общества. Активные процессы образования композитов научно-технического и производственного назначения устойчиво наблюдаются в русском литературном языке примерно с конца 50-х годов. В этой области словообразования наиболее активны лексические единицы, в первой части которых фигурируют основы *авто-, авиа-, био-, гено-, гидро-, интер-, космо-, кино-, макро-, поли-, радио-, ракето-, ультра-, фоно-*, такие суффиксоиды, как *меж-, само-, сверх-*; со второй частью *-дром, -тека, -фон*. В последние годы развивается тенденция к максимальному количественному росту сложных слов на *видео-, микро-, пост-, супер-, транс-* (например: *суперагент, суперзвезда, суперпрофессионал, супер-шоу, постперестройка, посткоммунистический, поставангард* и т. д.).

Среди новых слов немало прямых иноязычных заимствований: *андеграунд, дистрибьютер, имидж, инжиниринг, маркетинг, мониторинг, консалтинговый, ноу-хау, популизм, плеер, ракет, рэп, трейлер, фьючер, холдинговый, шоумен* и т. д.

Есть значительное количество слов, созданных «на русской почве» при помощи или на базе когда-то заимствованных корней, суффиксов и приставок. Например: *видеобар, дистанцироваться, инициировать, межрегиональный, многомандатный, машинерия, партократия, партсовноменклатура, телефакс, коррумпированность, перограф, реприватизация* и т. п.

Конечно, не все такие слова одинаково значимы по своему смысловому, понятийному содержанию и культурной ценности. И далеко не все останутся в русском языке. Есть среди них экзотизмы — слова, обозначающие понятия, реалии «чужой» жизни; *яппи* — «преуспевающий молодой человек до 30 лет», *чизбургер, гамбургер* (кулинарные изделия), *саммит, сейшен, тинейджер*; варваризмы — неосвоенные иноязычные слова, обычно имеющие эквиваленты или близкие синонимы в заимствующем языке (например: *чуингам* — жвачка, *триллер* — фильм ужасов, *ноу-хау* — новая технология, *брейн-дрейн* — утечка мозгов), а также иноязычные термины из прогрессивных отраслей науки и техники. Таковы термины компьютерной техники: *драйвер, модем, файл* и т. д., см. также из финансово-коммерческой сферы: *аудитор, брокер, дилер, тендер, траст* и т. д.; окказионализмы — слова, образованные под влиянием конкретного контекста по «готовым» образцам: *неформалитет, репрессанс, суперпушка, деконфликтация* и т. п.

Возражения против активизации иностранных слов, против их «засилья» нельзя игнорировать хотя бы потому, что злоупотребление такими словами, в большинстве своем малопонятными, мешает полноценному восприятию текстов, особенно устных.

Между тем сам факт иноязычных заимствований и их интенсификация в речевом общении свидетельствует об открытости лексической системы русского языка, о его жизненной активности и готовности творчески, «с разбором» воспринять из международного опыта полезную информацию. Со временем станет ясно, что принял, а что отверг язык. Оставшиеся слова, войдя в систему литературного языка, лишь обогатят его лексику. Так уже неоднократно бывало в истории русского языка. Например, в эпоху Петра I в русский язык вошло 1500 слов из голландского языка. В современном же языке сохранилось немногим более 250. Подсчитано также, что около 74% слов из французского языка, попав в русский, сократили 2—5 значений сравнительно со своими прототипами, 18% — стали однозначными, 35% приобрели самостоятельные значения.

Уходят из живого употребления целые пласты лексики, служившей обозначением реалий, характерных для определенных периодов советской действительности: *агитбригада, актив, комсомол, октябренок, партком, передовик, соцсоревнование, ударник* и т. п. Та же участь постигла сложившиеся за десятилетия советской власти стандартизированные клише, штампы, устойчивые сочетания, относящиеся к ритуальному «языку» политической пропаганды: *великие стройки коммунизма, советский образ жизни, маяки пятилетки, исторические решения партийного съезда, верный помощник партии, ленинский стиль руководства* и т. п.

Значительно сократилось переносно-метафорическое применение военной лексики к понятиям из «гражданской жизни»: *армия просвещенцев, ударные бригады, командиры производства, атаки империализма, форпост мира, лагерь социализма, штурм знаний, битва за урожай* и т. п.

Вместе с тем возвращаются к жизни слова и словосочетания, оказавшиеся в условиях советской власти в глубинных «запасниках» языка, где сохраняется историческая память народа. Здесь можно наметить три основные группы: лексика культуры, образования, религии: *благотворительность, милосердие, покаяние, пророчество, гимназия, лицей, меценат* и т. д.; новых экономических условий: *предприниматель, биржа, торги, аукцион, инвеститор, средний класс, частная собственность, валютная интервенция* и т. д.; некоторые наименования из социальной структуры дореволюционной России и старые обращения: *атаман, казачий круг, дворянское собрание, купечество, господин, сударь* и т. д.

В современной лексике (и фразеологии) наблюдаются качественные изменения, отражающие глубинные процессы в семантической структуре слов и устойчивых сочетаний, в их экспрессивно-эмоциональной тональности, в стилистической характеристике, в

лексической сочетаемости. Этот комплекс вопросов требует специального освещения. Здесь лишь наметим некоторые аспекты языковой эволюции.

Во-первых, в последние годы заметно активизировалось семантическое включение. Этот процесс состоит в том, что слово приобретает новое значение, которое «вбирает» в себя семантику словосочетания или даже описательного оборота (например, *перестройка* — из «перестройка социально-политической и экономической жизни советского общества») или новое слово наделяется таким «комплексным» значением (например, *аппаратчик* — из «работник партийного аппарата»). Нередко полное понимание такого слова предполагает знание «внешних» деталей, разных политических, житейских обстоятельств, мотивировавших его семантику. Так, *департизация* — устранение органов КПСС из учреждений и предприятий; *декоммунизация* — отказ от коммунистической идеологии, от структур компартии в общественной и политической жизни страны.

Во-вторых, следует отметить изменение в статусе, в семантической структуре и экспрессивной оценке, с одной стороны, тех слов и устойчивых сочетаний, употребление которых в советский период обычно сопровождалось отрицательной оценкой (например: *аристократ, гимназистка, институтка, предпринимательский, сделка, частнособственнический* и т. п.), или они были лишены присущих им еще в начале XX в. культурно-исторических осмыслений и соответствующего употребления (например: *вера, воскресение, евангелие, лик, преображение, праведник, пророк, пустыник, святой, спасение, храм* и т. п.).

С другой стороны, приобретают отрицательную оценку или ироническое осмысление слова и устойчивые сочетания из ритуального «языка» советского периода: *светлое будущее, счастливое детство, родное советское правительство, мудрый вождь и учитель, гегемон* и под.

В-третьих, слова ограниченных сфер распространения перемещаются из периферических зон лексического состава в область общелитературного употребления. Так, с одной стороны, *беспредел, гебист, отказник, лагерник, обвал, невозвращенец* и т. д.; с другой — *автономия, алиби, диаспора, консенсус, плюрализм, подвижки, суверенитет, путч* и т. д.

В заключение подчеркнем, что современное состояние русского литературного языка неразрывно связано с предшествующими периодами его развития. В сфере лексики это находит отражение в таких процессах, как, скажем, упомянутое семантическое включение (такова история слов *самодеятельность, атомный, ядерный, разрядка*), достаточно активное освоение общелитературным упот-

реблением научно-технической и производственной лексики, наблюдаемое последние 40 лет.

Можно говорить и о преемственности настоящего периода в развитии нашего языка, имея в виду экспансию разговорной речи в книжные стили и ораторскую речь, что отмечается на протяжении XX века, и не только в русском литературном языке.

Известный исследователь истории русского языка И. И. Срезневский (1812—1880) любил повторять мысль о том, что слово есть представитель понятия, бывшего в народе, что было выражено словом, то было и в жизни. Дополняя одно другим, слова передают быль о жизни народа тем полнее, чем обширнее и разнообразнее их собрание (см. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1887. С. 103).

Но не только о прошлом говорят слова. В них радость и боль, заботы, тревожения дня нынешнего. И раз появляются новые слова, новое их применение, взаимные сочетания — значит, живет язык. А с ним жив и народ — его носитель и хранитель.

Слово в парламентской речи и культура общения*

С. И. ВИНОГРАДОВ,
кандидат филологических наук

Одним из «лингвистических завоеваний» перестройки можно считать переход в сфере политического общения от ритуального к нормальному стилистическому тексту. Ритуальный текст, который десятилетиями «озвучивался» в выступлениях на съездах, сессиях, конференциях и прочих «форумах», создавался по раз и навсегда созданной модели коммунистической риторики, словословия по адресу очередного «вождя» и «градоначальника», пространное описание «грандиозных достижений», скромное упоминание об «отдельных недостатках», призывы к решению новых, «все возрастающих по масштабу задач». Этот текст не предназначался для передачи достоверной информации о положении дел или для самовыражения человека, который был его автором (или которому авторство приписывалось). По существу это был кавзистекст, поскольку ему отводилась роль лишь одного из компонентов обрядового действия.

Рудименты ритуального текста встречаются и в «постзастойной» парламентской речи. Один из них — пристрастие к диффузным, семантически опустошенным словам, скажем таким, как *вопрос, проблема, работа, задача*, которым в ритуальной речи отводилась роль универсальных замснителей целых фрагментов текста. Подчас их употребление в ограниченном контексте, буквально в одном предложении, превышает все мыслимые нормы стилистической ПДК (предельно допустимой концентрации): «Верховный Совет, продемонстрировав широкий спектр мнений, всесторонне рассмотрел комплекс вопросов, связанных с переходом к рынку, но *работа еще не завершена*. В дискуссии справедливо отмечалось большое совпадение подхода (может быть, все-таки совпадение подходов или общность подхода? — С. В.) к *решению проблем на переходном этапе*» (Сессия Верховного Совета СССР. Правда. 1990. 22 сент.); «Я хотел с этой трибуны еще раз подчеркнуть, что мы на съезде при *обсуждении этого вопроса* заслушали нескольких

*Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1993. № 2.

докладчиков по проблемам шахтерских забастовок (...) Мы с самого начала съезда выступали за то, чтобы эта проблема стояла отдельным вопросом» (III съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет).

Столь частое употребление подобных слов обедняет текст, делает его стилистически ущербным. И хотя, по словам Пушкина, «русский язык нестоим в соединениях слов», это не значит, что слово *вопрос* может быть вставлено в любые сочетания, например такие: «Хочу еще раз сказать о дачном вопросе, раз уж он поставлен» (I съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет); «Вопрос Иванова и Гдяна перерос не только в сегодняшнюю проблему для рассмотрения на съезде» (Там же).

Неоднократно высмеян (например, К. И. Чуковским в его книге «Живой как жизнь») такой гибрид канцелярита и просторечия, как сочетания *заострить вопрос*, *заострить внимание на вопросе*, но и они нет-нет да и мелькнут в речи депутатов: «Но мне хотелось бы заострить ваше внимание на вопросах питания детей» (I съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет). Иногда не вполне уместное употребление слова *вопрос* приводит к непреднамеренной, а следовательно, и нежелательной аллюзии (аллюзией называется намек на какой-то факт или другой текст): «Весьма велика и острота жилищного вопроса» (I съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет). Вспоминается булгаковское: люди-то после революции остались прежними, но их немного испортил квартирный вопрос. Но ведь Булгаков писал это явно иронически, пародируя советско-канцелярский стиль.

Помнится, в «Собачем сердце» М. Булгакова между Швондером, пришедшим «уплотнять» известного ученого, и профессором Преображенским состоялся примечательный диалог:

«— Мы — управление дома, — с ненавистью заговорил Швондер, — пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома.

— Кто на ком стоял? — крикнул Филипп Филиппович, — потрудитесь излагать ваши мысли яснее». По-видимому, этот призыв не потерял актуальности и сегодня, поэтому вполне может быть адресован некоторым современным политическим деятелям.

А как разобраться в соотношении «вопросов» и «запросов» (причем воспринимая текст на слух) в такой, например, синтаксически запутанной фразе: «Прошу включить дополнительно в предложенную повестку вопрос о запросе Съезда народных депутатов Российской Федерации Конституционному Суду Российской Федерации о даче заключения о соответствии Конституции Российской Федерации»

Федерации действий и решений президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, которое служит основанием для отрешения его от должности?»

Причиной лексической бедности может стать примитивная структуризация картины мира. Скажем, непоколебимая верность догматам марксистской теории с ее постулатами о приоритете материального перед духовным, главенствующей роли «базиса» по отношению к «надстройке» может приводить к созданию таких, например, стилистических монстров: «Нельзя по-прежнему считать народное образование сферой непроемчивой, социальной: у нас производится наш важнейший продукт — человек» (Оживление в зале.—Сессия Верховного Совета. Радиотрансляция. 1990. 17 ноября).

Не обогащают, а обедняют речь, лишая ее естественности и простоты, не к месту использованные термины. В демографии, может быть, вполне приемлемы обороты *воспроизводство человека, воспроизводство нового поколения*, но в парламентской речи их чужеродность становится вполне очевидной: «Рассматривая проект социального развития села и одобряя расходы на соцкультбыт, мы даем „добро“ *увеличению издержек на воспроизводство человека*» (II съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет); «Мы сегодня женщину рассматриваем только как рабочую силу, забыли, что *она предназначена для воспроизводства нового поколения*» (I съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет). Строй и лексика последней фразы таковы, будто речь идет о каком-то орудии или приспособлении.

Антитезой лексическому примитивизму и штампованности являются факты творческого использования языка — и их немало в парламентской речи. Встречаются здесь слова, создаваемые по известным моделям, но отсутствующие в общем употреблении: *вечнострой, врагомания, неостольпицы*. Значительная часть новаций представлена составными наименованиями: *размистифицирование власти, суверенитет личности, тоталитарно-мафиозный рынок*. Один из распространенных способов создания таких номинаций — это замена компонентов в привычном устойчивом словосочетании: *центр народного недоверия* (ср. *правительство народного доверия*).

Выразительны сочетания, построенные по принципу оксюморона (так называется объединение контрастных по значению слов), типа *слаборазвитая сверхдержава*. Некоторые из таких словосочетаний входят если не в язык, то в историю. В свое время много шума наделала характеристика, которую дал Ю. Афанасьев депутатам первого съезда народных депутатов СССР: *агрессивно-послушное большинство*. До сих пор эта номинация, что называется,

«на слуху», порой ее можно встретить в газетах и журналах. И это не случайно: дело в том, что наименование объединило в себе такие качества, как парадоксальность и точность. На первый взгляд определения *агрессивный* и *послушный* несовместимы, но все было сказано верно: *послушное коммунистическим лидерам, президиуму, Генеральному секретарю КПСС большинство* в то же время оказало *агрессивным* по отношению к политическим оппонентам — «демократам», «москвичам», будущим членам Межрегиональной депутатской группы.

Получил достаточно широкое распространение и «штучный» фразеологизм-оксюморон *вляпаться во власть* (из стихотворной строки Е. Евтушенко: «Не дай бог вляпаться во власть»), действительно, глагол *вляпаться*, то есть по оплошности попасть в неловкое, неприятное положение, вряд ли входит в круг привычных словесных ассоциаций, которые связаны с приходом к власти.

Слова и устойчивые словосочетания могут не только называть (предмет, лицо, действие, признак), но и выражать оценку. Поскольку на сессиях и съездах постоянно вспыхивают споры, а иногда заседания вообще напоминают «великое стояние» сторон друг против друга, потребность в оценочной лексике неизменно оказывается высокой.

Конфигурация полей политической оценки со временем претерпевает изменения. До эпохи «гласности и демократии» оценочные знаки имели симметричное распределение: то, что было у «нас», при «развитом социализме», сопровождалось знаком «плюс» (*трудовая доблесть, труженики полей, правофланговые пятилетки*), то, что было у «них», в «загнивающем капитализме», имело жирный «минус» (*мир чистогана, прислужники империализма, продажные наймиты денежных мешков*). После «апрельской революции» симметрия оценки сохранилась, но теперь она стала проявлением политического противоборства «демократов» (левых, радикалов, неформалов) и «коммунистов» (правых, реакционеров, аппаратчиков).

Очертания оценочного пространства оставались весьма четкими, что, например, позволило «Литературной газете» опубликовать на 16-й странице «Краткий политический словарь (пособие агитатора)» (автор С. Шиндарук. 1991. № 1). Хотя это «пособие» носит шутивно-пародийный характер, оно достаточно верно подмечает некоторые особенности оценочного парламентского узуса того времени. В колонке «Для правых против левых» в нем зафиксированы такие слова и словосочетания: *бесчинства, вседозволенность, демагоги, деструктивные силы, жалкая кучка, злобный, клеветуют, крикуны, подстрекатели, политические амбиции, провоцируют, разгул, рвутся к власти, так называемый, экстремисты*. Во второй ко-

лонке «Для левых против правых» помещены наименования: *агенты КГБ, большевизм, идеологический дурман, имперское мышление, номенклатура, партаппарат, партийная верхушка, партийная мафия, партократия, сталинисты, тоталитарный режим, центр и под*. И действительно, можно было без особого труда определить, какой политической ориентации придерживаются депутаты, в устах которых звучали такие слова и обороты, как *империалисты, империя лицемерия, безнравственная власть, сталинско-брежневский Верховный Совет*, с одной стороны, и *авантюристы, невежественные радикалы, националы, регионалы, толстосумы, компрадоры* — с другой. В речи государственных деятелей, которые занимали (или стремились показать, что занимают) центристскую позицию, одинаково неодобрительно звучали слова *ретрограды и авантюристы*.

После разрушения Коммунистической партии как государственно-политической структуры система политических оценок хотя и утратила былую стройность, в значительной степени сохранилась. Лексика политической оценки тяготеет к одному из двух полюсов, сниженными названиями которых могли бы послужить резко-отрицательные по оценочному знаку, не лишённые едкого сарказма слова *коммуняки и дерьмократы*, появившиеся в результате преднамеренного видоизменения известных нейтральных наименований. Активизировалась лексика, тематически связанная с идеологией национальных отношений и национально-государственного устройства: *националисты, национал-патриоты, шовинисты, сепаратисты, этнократический режим*. Появляются и новые наименования, такие, как сложное слово *красно-коричневые*, служащее обозначением сторонников коммунистической идеологии в её националистическом изводе. Не отстают в хлесткости характеристик и оппоненты, запустившие в оборот слова *демофашизм, демофашисты*.

Использование оценочной лексики и фразеологии нередко вступает в противоречие с этическими нормами, общепринятыми представлениями о приличии. Вполне можно представить, что чье-то выступление или сам ход заседания парламента может вызвать активное неприятие, но это вовсе не значит, что свое отношение следует выражать с помощью таких характеристик, как *болтовня, безответственное словоблудие, неистребимое невежество, атмосфера истерии и коллективного помешательства, это бред* и под. Между тем изъясняются таким образом люди, казалось бы, вполне интеллигентные, в том числе и депутаты с академическими и профессорскими званиями. И совершенно прав был депутат, потребовавший от своего коллеги принести извинения Председателю Верховного Совета РСФСР, деятельность которого тот охарактеризовал как *политическое мошенничество*, так как усмотреть

в этом что-либо иное, кроме прямого оскорбления, было нельзя (II съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет).

В последнее время объектом инвектив часто становилось правительство Гайдара. Каких характеристик мы здесь только не услышали: и «мальчики в коротких штанишках», и «червяки», и «оккупационное правительство» и многое другое в том же духе. Вот, скажем, как «дружелюбно» говорил о деятельности правительства с высокой трибуны VII Съезда народных депутатов один из парламентариев, «Народ, Россию лишили будущего, обрекли на вымирание и уничтожение. Проводимая правительством политика — это политика геноцида против собственного народа. Ради этой политики и осуществляется невиданное в истории человеческой цивилизации ограбление собственного народа» (VII Съезд народных депутатов РФ. Стенографический отчет). Обвинения, что и говорить, тяжелейшие как с политической, так и с нравственной точки зрения. Но если уж вспоминать о цивилизации, то в цивилизованном обществе подобные инвективы принято убедительно доказывать, или за них отвечать как за оскорбление и клевету.

В свое время император Александр I говорил об огорчении, с которым он узнал о том, что некоторые члены Государственного совета на заседаниях одного обмениваются колкостями. И далее высочайше повелевал: впредь замеченных в этом на заседания Совета не допускать. Совершенно очевидно, что до рукопашной в этом почтенном органе не доходило — чего не скажешь о некоторых современных «судьбоносных форумах». Сейчас на дворе демократия, но давно стало трюизмом утверждение, что демократия — это не вседозволенность, в том числе и речевая. Тем не менее утрата этических ориентиров в общении — весьма заметная деталь современного политического ландшафта. Нередко забывается, что неразборчивость и несдержанность в речах, вряд ли допустимые для политика сами по себе, могут привести, как это уже не раз бывало, к серьезным политическим осложнениям и конфликтам.

Продолжение следует

Наши консультации

ВСЁ (ВСЕ) И ВСЯ

Т. А. ИВАНОВА,

кандидат филологических наук

Включаем ли мы телевизор или радио, раскроем ли мы журнал или газету, непременно услышим или прочтем устойчивые выражения *всё и вся* и *все и вся*, ставшие в наше время журналистским штампом. Вот некоторые примеры их употребления: «Ненавидят всё и вся» (Василь Быков. Попытка устыдиться//Моск. новости. 1990. № 47); «Стали печатать всех и вся» (Памяти А. Н. Стругацкого//Книжн. обозрение. 1991. № 42); «Без ... экспертов из академиков, бывало, растолковывавших всё и вся насчет перестройки» (Ст. Кондрашов. Момент истины//Известия. 1992. 7 мая).

Как видно из приведенных примеров, устойчивые сочетания *всё и вся*, *все и вся* «употребляются с усилительным значением исчерпывающей полноты чего-л., полного охвата чем-л.» (Словарь русского языка. М., 1981. Т. I). При этом данное значение может конкретизироваться введением в текст грамматических уточнителей: *от...до, начиная... кончая*: «... у старика можно увидеть всех и вся — от солидных докторов наук до практикантов и девчонок из вивария» (А. Крон. Бессонница//Новый мир. 1977. № 4. С. 14); «... опасен... своими насками на всё и вся, начиная от правительства и кончая прессой» (Н. Андреев. Президент России постоянен в своей непредсказуемости//Известия. 1992. 7 мая).

Заметим, что *вся* в этих сочетаниях восходит к архаичной форме именительного/винительного падежа множественного числа среднего рода местоимения *все*. Считается, что по происхождению она является церковнославянской (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934. Т. I). Сравните в речи игумена: «Вам мирянам, да еще в пути сущим, разрешение на вся, а нам, грешным, не подобает» (П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах), а также в славянизированном «послании на Керженец от московского общества старособрядцев» в том же романе П. И. Мельникова-Печерского: «Аще восхощете о чем знати, той наш посланник вся по ряду уста ко устам да глаголет» (Кн. 2. С. 384).

Вместе с тем в современном языке постоянно отмечается употребление формы *вся* и в других падежах. Естественно, чаще всего в родительном, близком и семантически и формально винительному падежу. Вот некоторые примеры подобного употребления в устной речи: *род. п.* — «деградация всего и вся», «разгон всех и вся», «неожиданность для всех и вся»; *д а т. п.* — «равнодушие ко всем

и вся»; творит. п.— «недовольство всем и вся», «солидарны со всеми и вся»; предл. п.— «нехватки во всем и вся» (Центральное, Российское и С.-Петербургское телевидение и радио).

Конечно, подобное употребление легче всего может быть расценено как одна из речевых ошибок, которых, к сожалению, достаточно в современном русском языке. Однако, как кажется, это не совсем так. И дело заключается не только в том, что «неизменяемое» словечко *вся* в этих устойчивых сочетаниях употребляют наши лучшие и наиболее известные публицисты и писатели, упрекать которых в незнании русского литературного языка вряд ли справедливо. Сравните: род. п.— «... в этой связке всего и вся» (Ст. Кондрашов. Ожидая помощь «семерки»//Известия. 1991. 29 мая); «... тотальная регуляция всего и вся» (Евг. Стариков. Фараоны, Гитлер и колхозы//Знамя. 1991. № 2. С. 217); «... переименование всего и вся» (Ст. Рассадин. Голос из арьергарда//Знамя. 1991. № 11. С. 200); «... мода на дележку всего и вся» (Н. Шмелев. Шанс на спасение//Известия. 1991. 23 окт.); «Вместе с тем новые времена обернулись... нехватками всего и вся» (И. Овчинникова. Молодые учителя запросились в село//Известия. 1992. 8 мая); да т. п.— «... радость возрастного... вызова всем и вся» (В. Маканин. Там была пара//Новый мир. 1991. № 5. С. 84); «.. „Ц.Т.“, служившее всем и вся» (А. Бовин. Победа! Что дальше?//Известия. 1991. 24 авг.); предл. п.— «... футляры, чехлы, тенты на всем и вся» (В. Чаликова. Крик еретика//Вопросы философии. 1991. № 1. С. 24).

Думается, что подобное употребление, то есть превращение первоначальной формы именительного/винительного падежа в неизменяемое *вся*, обусловлено его вхождением в устойчивое (фразеологическое) словосочетание. Именно процесс фразеологизации свободных сочетаний слов в устойчивые (связанные) может приводить к закреплению в них разных архаизмов, как лексико-семантических, так и грамматических, что и наблюдается в данном случае.

Санкт-Петербург

Язык прессы

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ГАЗЕТНАЯ РЕЧЬ

Б. В. КРИВЕНКО,
доктор филологических наук

О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову. Подтверждается точность формулы, высказанной еще на заре века известным датским языковедом Отто Есперсеном, который назвал фразеологию «деспотически капризной и неуловимой вещью».

В самом деле, почему в одном случае соединение в новом выражении частей разных фразеологизмов принято считать ошибкой, например «играть значение» из *играть роль* и *иметь значение*, а в других это будет словесной находкой, например «непутевые заметки» из *путевые заметки* и *непутёвый человек*? Почему в одном случае добавление нового слова в устойчивое сочетание стилистически недопустимо, как «первое боевое крещение», а в другом следует рассматривать как удачное выразительное, экспрессивное средство, например «ход хромым конем»?

Несомненно, особой жизнью живут фразеологизмы в текстах средств массовой информации, особенно в газетах. Не случайно один из первых отечественных исследователей языка газеты профессор Г. О. Винокур полагал, что газетный язык по сути дела насквозь фразеологизирован, поскольку стандартность, клишированность многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка.

Газетная речь — достаточно своеобразное явление, которое стоит несколько особняком в ряду других видов текстов. Даже на поверхностный взгляд специфика ее совершенно очевидна. Она связана с тем, что в газете есть особые речевые образования — заголовки, подзаголовки, рубрики. В качестве заголовка могут быть использованы одно слово, сочетание слов, целое предложение или даже несколько предложений и, конечно же, фразеологизм. Заголовочное место в газете, как считают многие исследователи, — это сильная, акцентированная позиция, потому что именно на заголо-

вок в первую очередь обращает свое внимание любой читатель, взявший в руки газету.

При этом не только традиционные, или, как их называют ученые, узуальные (от латинского слова «узус» — обычай, привычка) фразеологизмы способны выполнять роль броских заголовков, но и остроумные, родившиеся, как говорится, «на ходу» изречения, которые по своей форме очень похожи на фразеологизмы в собственном смысле слова.

Для удобства такие выражения можно было бы назвать к в а з и ф р а з е о л о г и з м а м и, имея в виду, что перед нами не устойчивое сочетание в его традиционном понимании, а лишь подобное ему словесное объединение, которое, впрочем, со временем может стать «натуральным» фразеологизмом. Необходимость такого подхода подтверждается тем фактом, что как узуальные, так и квазифразеологизмы в целях усиления выразительности и эмоционального воздействия могут подвергаться разного рода трансформациям.

В этом смысле заголовки «Гора преткновения», «Острова преткновения», «Не планом единым», «Не клубом единым», с одной стороны, и «Не думай о копейке свысока», «Не слышны в кафе даже шорохи», «Среди шумного ГУМа, случайно» — с другой, в стилистическом отношении совершенно одинаковы, хотя в первом случае заменено слово в традиционных фразеологизмах (*камень преткновения, не хлебом единым*), а во втором — в популярных строках из песен и романсов. В этих заголовках использован один из способов обновления фразеологизма — л е к с и ч е с к а я трансформация. Газетная практика выработала уже определенные приемы подобного видоизменения устойчивых сочетаний.

Разумеется, задача журналиста — найти точное, яркое слово — была бы чрезвычайно простой, если бы все эти приемы можно было использовать механически. Но не случайно О. Есперсен назвал фразеологию капризной вещью: практически каждое слово в составе фразеологизма в той или иной степени изменяет свой смысл, свою семантику. В первую очередь это зависит от того, насколько слова тесно «притерты» друг к другу, или, как принято называть в науке, в зависимости от степени спаянности компонентов. Поэтому различаются свободные и фразеологически связанные значения слов, особенно в так называемых фразеологических сращениях, или идиомах. Ведь вне оборота, скажем, такие слова, как *кулички, турусы, впросак, баклуши* в выражениях *у черта на куличках, турусы на колесах, попасть впросак, бить баклуши* не употребляются.

Ситуация осложняется в тех случаях, когда слово имеет и свободное, и фразеологически связанное значения. Иногда они морфологически не различаются, в других случаях такие различия

есть. Конечно, слова *лебединый* и *песня* могут иметь и свободные значения: «лебединая стая», «популярная песня». Но выражение *лебединая песня* имеет строго определенный смысл — «предсмертное произведение» (происхождение выражения неоднократно объяснялось в популярной литературе: бытует легенда, что в случае гибели подруги лебедь с неба камнем бросается на землю, издавая при этом трагические звуки — отсюда и «лебединая песня»). Казус случился с липецким журналистом, который, описывая достижения строительной бригады, сумевшей в рекордный срок соорудить эстакаду, назвал их работу «лебединой песней».

Конечно, при слове *глаз* прежде всего, очевидно, возникает представление об органе зрения. Но это слово имеет и переносное значение — «надзор», «присмотр» (*нужен глаз да глаз*) и входит во множество фразеологических оборотов (в Малом академическом словаре их насчитывается около ста). Это обстоятельство не учел телевизионный комментатор, рассказывавший о неурядицах на Московском кинофестивале и «блеснувший» знанием русской поговорки, заявив, что «как всегда, при семи няньках у ребенка что-то неладно со зрением». Видимо, он не догадывался, что поговорка звучит: «У семи нянек дитя без глазу», т. е. без присмотра (а не «без глаза!»).

Телерепортер в материале о научном конгрессе говорит: «Сюда прибыли многие ученые с мировыми именами», не подозревая, что выражение *ученый с мировым именем* имеет именно такую форму слова — «имя», поэтому следовало сказать: «ученые с мировым именем».

Но в том-то и прелесть «капризного» фразеологизма, что в умелых руках журналиста даже неожиданное переосмысление может дать определенный эффект. Например, выражение *глаза бы не глядели* означает «неприятно, противно, тяжело смотреть на что-либо». Но вот «Комсомольская правда» (1991. 7 авг.) большому материалу предпосылает заголовок «Глаза бы не глядели» и подзаголовок «Как топили плавучую клинику Святослава Федорова». Любопытно уже взаимодействие заголовка и подзаголовка: последний как бы возвращает фразеологизму прямое значение, поскольку работа клиники Федорова ассоциируется с благородным делом возвращения зрения многим больным людям. Это с одной стороны. С другой же стороны, после знакомства с материалом, который рассказывает о неблагоприятных делах чиновников от медицины, возникает естественное эмоциональное состояние, которое может соответствовать словам «неприятно, противно». Так благодаря совмещению прямого и переносного значений заголовок приобретает глубину и экспрессию. Подобную трансформацию можно назвать с е м а н т и ч е с к о й (смысловой).

Особенность заголовочной позиции еще и в том, что она способствует оформлению в качестве фразеологизма сочетаний незначительных (чаще всего служебных) слов. Эта группа неоднородна. Некоторые из таких устойчивых сочетаний включены во фразеологические словари (*баш на баш, увы и ах*), другие такого статуса не обрели. Тем не менее всю эту разнородную группу можно объединить термином *грамматические идиомы*, поскольку составные части фразеологизма не имеют лексического значения, а фразеологизм такое значение имеет (*от и до* — полностью, без исключения; *или — или* — выбор, альтернатива; *тет-а-тет* — наедине). В разряд грамматических идиом, таким образом, следует включить и исконно русские сочетания (*от и до, ни да, ни нет, нет как нет, или — или*), и кальки (*за и против* с латинского *pro et contra*), и заимствования (*баш на баш* из тюркских языков, *тет-а-тет* из французского; любопытно — значение этих слов одно и то же: «голова», но в русском языковом сознании этот смысл никак не выявляется).

Итак, понятие фразеологии применительно к газетной речи целесообразно применять расширительно. При этом скользящая классификация (Телия В. Н. Что такое фразеология? М., 1966) помогает полнее выявить все типы фразеологизмов, а также рассмотреть возможные приемы их трансформации.

Все виды трансформации можно разбить на два разряда: трансформацию неаналитическую (семантическую, смысловую) и аналитическую.

При *семантической* трансформации состав фразеологизма остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект: «А вы наострили лыжи?» — заголовок (о подготовке к зимнему спортивному сезону); «Под газом» — заголовок (об использовании газа «черемуха» с целью утихомирить клисентов медвытрезвителя).

Аналитическая трансформация в той или иной степени вносит изменения в словесный состав фразеологизма. Она более разнообразна по своим приемам и может быть сведена к пяти основным типам: синтаксической, лексической трансформации, контаминации, фразеологической паронимазии, стилистическим смешениям.

При *синтаксической* трансформации утвердительная конструкция может быть заменена отрицательной и наоборот («Красна изба и углами»), повествовательное предложение может быть заменено вопросительным с лексическими сдвигами или без них («Куда падает яблоко от яблони?», «Есть такая партия?»).

Кроме того, при синтаксической трансформации может происходить замена видов синтаксической связи («В тесноте и в обиде»). Наибольшая выразительность достигается тогда, когда изменяется роль члена предложения, например, определение превращается в сказуемое, как в приводимых ниже заголовках: «Броня крепка, и танки — наши» (сообщение о вторжении Ирака в Кувейт); «Россия — Украина: самое синее в мире Черное море — мое!»

Лексическая трансформация предусматривает манипуляцию с одним из элементов фразеологизма — словом. Слово либо добавляется в устойчивое сочетание («Ход хромым конем», «Гвардии Крестный отец»), либо, наоборот, опускается (и даже не одно слово, а несколько: «Единожды солгавши...», «Любовь зла...»). Чаще же происходит замена компонента фразеологизма. В одних случаях такая замена имеет прямой смысл: «Не лесом единым», «Ни дня без песенки», «У кадетов собственная гордость», «Если у вас нет работы...» В других — подобная замена сопровождается эффектом аллюзии (намек, отдаленных воспоминаний, ассоциативных сближений): «Пушки вместо риса», «А щуку бросили в Рейн».

Под контаминацией принято понимать соединение в новом выражении частей разных, но близких по смыслу фразеологизмов. Обычной иллюстрацией контаминации бывает речевая ошибка типа «Это играло решающее значение» (*играть роль + иметь значение*).

Но контаминация может быть и ярким экспрессивным приемом как при линейном соединении, т. е. когда следует один за другим два фразеологизма («Они битый час переливали из пустого в порожнее»), так и при скрещивании, когда имеется общий элемент у двух устойчивых сочетаний («Стреляного воробья на мякине не проведешь» — общий элемент *воробей*, «Пробный камень за пазухой» — общий элемент *камень*). Достаточно ярка и скрытая контаминация типа «Картошка и мундир», «Журавль в руках» и т. д.

Фразеологическая паронимазия основана на использовании при лексической трансформации так называемых паронимов — слов, близких по звучанию, но либо отдаленно связанных, либо вовсе не связанных по смыслу (эффектный — эффективный, индеец — индиец, сытый — сытный, статист — статистик, блуждать — блудить). В некоторых случаях этот прием близок к каламбуру — словесной игре, шутке: «Что ищет Бонн в стране далекой?», «Над пропастью во лжи», «„Узи“ дружбы калибра 5,45» («Узи» — марка израильского автомата).

Наконец, стилистические смешения являются побочным эффектом лексической трансформации, при которой заменяется слово с контрастным стилистическим качеством: «Приблудный сын эфира».

Раскрепощение журналистики, свидетелями которого мы являемся, не могло не отразиться на языке печати. Например, появились неожиданные способы включения фразеологизмов в газетный текст. Один из них — подразумеваемое обыгрывание фразеологизма как способ соотнесения заголовка с текстом. «В Курске есть что вешать на уши» — на первый взгляд, заголовок может вызвать ассоциации с продажей ювелирных товаров. На самом деле в заметке речь идет о том, что увеличен выпуск макаронных изделий (подразумевается просторечный фразеологизм «вешать лапшу на уши»; ему как бы возвращают прямой смысл — семантическая трансформация выдвигает на первый план слово *лапша* как некое обобщение). «Нашли женщину» — зарубежная информация о назначении в свое время Эдит Крессон премьер-министром Франции. Чисто французская аллюзия опирается на галлицизм «Шерше ля фам» («Ищите женщину»).

Так живая газетная практика вносит новые краски в журналистскую палитру средств выразительности, среди которых фразеология занимает главенствующее место.

Воронеж

В издательстве «Высшая школа»
готовится к печати книга доктора филологических наук
профессора *М. М. Маковского*
«У истоков человеческого языка»

В книге впервые рассматривается языческая символика Вселенной, времени и пространства, частей человеческого тела, растений и деревьев, чисел и букв в ее отношении к языковым значениям. В результате устанавливаются интересные закономерности (универсалии) изменения значений. На фоне огромного материала, почерпнутого из самых различных европейских языков, автор создаст широкую панораму древней европейской культуры, отраженной в мифологических образах, нравах, обычаях и верованиях древних европейцев. Книга предназначена не только для лингвистов, но и для всех интересующихся вопросами культуры, литературы, живописи, где мифологические образы широко используются.

Заказы просьба направлять по адресу: 101430, Москва, Неглинная ул., д. 29/14. Издательство «Высшая школа». Зам. главного редактора И. В. Смирнову.

Ориентировочная стоимость — 35 рублей.

ИЗ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Л. П. КАТЛИНСКАЯ,
доктор филологических наук

Автаркия (греч. *autarkeia* — самоудовлетворение). Политика хозяйственного обособления страны; на территории бывшего Советского Союза — ведущая к разрыву традиционно сложившихся экономических связей между хозяйственными субъектами. *Угроза а.* (из газет).

Антиконверсия. Вариант стихийной конверсии, основанный на переходе к производству гражданской продукции специально на экспорт, что позволяет за счет валютной выручки оставлять в неприкосновенности основной технологический потенциал оборонного предприятия. *Вариант с валютными «подавками» — это а.* (из газет).

Арривист (нем. *arrogant*, англ. *arrogant* < лат. *arrogantus* — надменный, заносчивый). Надменный, заносчивый человек. *Мой собственный аристократизм сказывался в отталкивающем чувстве, которое мне внушали парвеню и а., люди, проталкивающиеся из низов к верхним слоям...* (Н. Бердяев).

Бартер (англ. *barter*). Обмен товара на товар без уплаты части суммы контракта наличными или в счет кредита. *Господство б. приводит к «бегству» от рубля* (из газет).

Беспредел. Угрожающее, превосходящее все допустимые пределы несоблюдение узаконенных экономических, политических, юридических и нравственных норм общественной жизни. *Правовой б. Экологический б. Моральный б. Ценовой б.*

Биржа (нем. *Börse* < лат. *bursa* — кошелек). 1. Частная корпорация со своим уставом, выборным правлением (советом), с комитетами, членами-пайщиками. От других частных корпораций б. отличается тем, что не несет ответственности за убытки клиентов; за определенную плату б. предоставляет клиентам торговые и информационные услуги. 2. Организованный по строгим правилам торговли рынок товаров и ценных бумаг. *Российская товарно-сырьевая биржа (РТСБ).*

Товарная биржа. Биржа, осуществляющая сделки купли-продажи товаров.

Фондовая биржа. Биржа, осуществляющая сделки купли-продажи ценных бумаг, иностранной валюты.

Ближнее зарубежье. Суверенные государства, образовавшиеся вследствие распада СССР из бывших союзных и автономных республик. *Торговые и экономические связи с б. з.*

Брокер (англ. broker). Отдельный человек или специальная контора, осуществляющие посреднические операции по купле-продаже товаров или акций; действуют за соответствующее вознаграждение по поручению и за счет клиентов, нуждающихся в посреднике при осуществлении сделок или в консультациях специалиста при получении разного рода финансовых услуг (фрахтование судов, страхование и т. п.). *Главная функция б. — найти клиентов, необходимых друг другу* (из газет).

Валюта (англ. money unit) 1. Национальная денежная единица. 2. О любой свободно конвертируемой иностранной денежной единице (СКВ). *Продать — купить за в.*

Валютные операции (англ. transactions). Купля-продажа иностранной валюты (обмен одной валюты на другую).

Валютные отчисления. Часть валютной выручки, оставляемая предприятию в качестве определенного процента от сдаваемой государству остальной части этой выручки.

Валютные фонды. Валютные средства предприятия на его балансовых и забалансовых счетах во Внешэкономбанке, складывающиеся из отчислений предприятию в виде твердого процента от его валютной выручки по экспорту.

Валютный риск. Опасность финансовых потерь из-за изменения курса иностранных валют.

Варрант (англ. warrant). Товарораспорядительный документ, переходящий из рук в руки как ценная бумага с помощью индосамента (передаточная надпись на ценной бумаге).

Вексель (нем. Wechsel). Вид ценной бумаги, используемый как средство оформления кредитно-расчетных отношений между юридическими лицами. Применяется как документ установленной законом формы, передаваемый одним лицом другому взамен денежного платежа, а также как средство обеспечения банковских кредитов.

Соло-вексель (то же, что *простой в.*). Личное обязательство должника.

Переводной вексель (то же, что *тратта*). Приказ кредитора заемщику об уплате последним определенной суммы третьему лицу. П. в. должен быть акцептован (см. *акцептовать*) заемщиком.

Венчурные предприятия. Мелкие и средние предприятия, занятые научными исследованиями, инженерными разработками, созданием и внедрением нововведений; в. п. являются рисковыми с точки зрения предусмотренной выгоды для крупных фирм, на заказы от которых эти предприятия функционируют.

ВНП (Валовой национальный продукт). Экономический показатель, выражающий совокупную стоимость конечных товаров и услуг в рыночных ценах. В отличие от национального дохода ВНП

не включает стоимостные показатели амортизации и непроизводственных услуг. *Поставки продукции прибалтийских республик в другие регионы СССР составляли 60—70 процентов ВВП, а экспорт за границу — менее семи процентов* (из газет).

Девальвация. Официальное снижение курса национальной валюты по отношению к иностранным валютам.

Деминистеризация, деминистеризировать. Ликвидация министерств. *Как же функционирует сейчас и будет работать в дальнейшем «деминистеризированный» народнохозяйственный комплекс страны?* (из газет).

Депозит (с лат. depositum — вещь, отданная на хранение). Денежные средства или ценные бумаги, отданные на хранение в финансово-кредитные, таможенные, судебные или административные учреждения.

Демпинг (англ. dumping — сбрасывание). Продажа товара по самым низким, бросовым ценам с целью закрепиться на рынке; для борьбы с демпингом вводятся специальные, антидемпинговые таможенные пошлины.

Демпинг товарный. Продажа товаров на внешних рынках по ценам, более низким, чем на внутреннем рынке.

Департизация. Прекращение функционирования на предприятиях первичных партийных организаций КПСС.

Дефляция. Искусственное изъятие из обращения части избыточной денежной массы, проводимое правительством с целью снижения темпов инфляции.

Дивиденд. Доход, выплачиваемый на основании решения общего собрания держателям акций акционерного общества из его прибыли по итогам хозяйственной деятельности за год после уплаты соответствующих налогов.

Дилер (англ. dealer). 1. Юридическое или физическое лицо, совершающее операции за свой счет. 2. Сотрудник банка, занимающиеся операциями с валютой, депозитами, ценными бумагами.

Дисконтная политика. Форма валютной политики, направленная на регулирование валютного курса, движения капиталов и платежного баланса путем изменения процентных ставок за кредит.

Доядерный. Существовавший до изобретения и создания ядерного оружия. *Убрав, отправив на свалку ядерное оружие, отказавшись от ядерного сдерживания, мы почувствуем себя весьма неуютно, ибо окажемся открытыми для военных авантур доядерного уровня* (из газет).

Из Шестоднева Иоанна
Экзарха Болгарского *

СЛОВО ЧЕТВЕРТОГО ДНЯ

Сотворил Бог великие светила, говоря: «Да будут светила на тверди небесной» (Быт. 1, 16). Не думай, что, поскольку они доступны нашему зрению и их как бы можно измерить и объять, то они имеют малый размер. Говорят же те, которые глубоко изучали астрономию, что и земля та самая во много раз больше солнца¹, а земной круг в два раза больше круга лунного. Есть и великий круг [земли], имеющий 252 000 стадиев, а диаметр его более 80 000 стадиев². Таким же образом определяется круг лунный, имеющий более 120 000, а диаметр его — более 4 000 стадиев.

Иные же солнечный диаметр считают равным 500 000 стадиев. Хотя на первый взгляд человеку кажется, что круг каждого из двух светил равен локтю или стопе, но на самом деле он велик и очень хорош. Сначала Писание просто говорит: «И создал Бог два светила великие» (Быт. 1,16). Затем, когда стало необходимо сказать определенное, было сказано: «Светило большее для управления днем, и светило меньшее для управления ночью, и звезды» (Быт. 1,16). Здесь же Писание, сравнивая и сопоставляя большое и малое светила, определяет, какое из них больше, и называет каждое своим именем.

О величине обоих светил достаточно говорил святой Василий, который искусно и прсмудро разъяснял их материальную природу, считая, что не следует пытаться измерять их святающуюся величину и славу, ибо это не удастся ни одному человеку. Мы же вернемся к своему повествованию. Сказал Бог: «Да будут знамения и на дни, и на времена, и на годы». Знамения, данные посредством светил, бываю к буре, к затишью, к дождю и к ясной погоде — подразумеваю: к южному или северному ветрам, которые долго дуют или быстро затихают.

О том же сообщают те, которые внимательно наблюдали за солнцем и видели по обеим сторонам солнца ложные солнца именно в тот момент, когда оно бывает на востоке или на западе³. То же

* Продолжение. См.: Русская речь. 1993. №№ 1, 2.

бывает, когда появившееся облако сгустится и наполнится светом. Если оно покраснеет с северной стороны, то назнаменует дующий с севера ветер, а если с южной стороны — то южный ветер. Если же облако будет багровым с обеих сторон, а солнце окажется посредине, то это предвещает сильный дождь и ветер. Об этом сообщает и Господь, говоря: «Когда потемнеет и станет багровым небо, они [фарисеи и саддукеи] говорят, что будет ненастье»⁴.

Когда же от тумана, который в виде сгустившегося пара восходит от земли, потемнеют солнечные лучи, и солнце, как горящий уголь, явится человеческому взору, или, проще говоря, солнце кажется кровавым, то тогда становится явным знамение, что в тех местах, где скопилось много испаряющейся влаги, будет буря. Но когда облака как бы простирают из себя нити или становятся багровыми, то будет ветрено и стужено (...)

Много знамений о луне, возрастающей и убывающей, узнали те, кто наблюдал ее, а именно: воздух, находящийся выше земли, изменяется вместе с ее фазами. Когда луна в третий день тонка и чиста, то предвещает постоянную безветренную погоду. Если же ее очертания напоминают толстые рога и она становится красноватой, то это грозит или обильной водой из облаков, или южным ветром. А кто же не знает того, что от тех предзнаменований бывает много полезного и в сей жизни?

Плывущий по морю, увидев такой знак, может удержать в тихом месте корабль, спасаясь от бурных волн. Может и путник уклониться от вреда, видя помрачение воздушное и ожидая прояснения. И ратаи, которые сеют семена и сажают растения, от тех знамений познают, какое время является благоприятным для их дел. И еще: когда все будет разрушено, то есть в последний день, солнцем, луной и звездами будут даны об этом знамения. Сказал Господь: «Солнце превратится в кровь, и луна не даст света своего». Это будут знамения конца света.(...)

За 24 часа (сутки) солнце проходит одну часть зодиакального круга⁵, а луна за эти же часы — 13 частей по установленному порядку. Мы должны также принять во внимание, что за один месяц солнце минует один знак зодиака, а за весь год, т. е. за 12 месяцев, проходит весь круг, который называют «животным» (зодиакальным). А луна за 2 дня, 7 часов и 1/3 часть восьмого часа минует один знак зодиака, за 28 дней и 1/3 дня, или 8 часов, т. е. за один лунный месяц луна проходит весь зодиакальный круг⁶. Явно же, что она идет назад, а не вперед по отношению к проходящим зодиакальным созвездиям, так как оба светила и каждая из планет имеют направление движения, противоположное движению зодиакальных созвездий.(...)

А другие, которые много потрудились, изучая звезды, о земле, поучая, говорят, что на всей земле есть пять поясов, т. е. пять полос: две крайние, на которых никто не живет, а именно, на северной и на южной, потому что на них обеих царит сильный холод. Прибавляют к ним и третью полосу, среднюю, но и на той никто не живет, потому что на ней, расположенной под экваториальным небом⁷, постоянен палящий зной. Поэтому и зовут этот пояс выжженным. А на двух оставшихся полосах живут все живые существа, потому что там хороший климат: ни слишком холодно, ни слишком жарко. Я имею в виду северную сторону, на ней живем и мы, которых хорошо и правильно называют «имеющими одну тень», поскольку тени от наших тел падают на северную сторону. Также и жителей южного пояса, тени от тел которых падают на южную сторону, мы называем «имеющими одну тень». А тех, которые живут на поясе, находящемся под экватором, называют «имеющими двойную тень (тень на обе стороны)», потому что солнце сияет прямо над их головами⁸.

Говорят, что имеется много кругов, с которыми совершают свое движение все звезды, но только мало среди них известных, приписанных к определенным звездам, получившим соответствующие имена. Есть один из закрепленных кругов, постоянно видимый нам круг, который называют арктическим, от прикрепленных к нему звезд «медвежьих» (созвездий Большой и Малой Медведицы)⁹. Другой же, противоположный ему, скрытый от нас, но также всегда видимый [жителям южного полушария], называется антарктическим. Посреди же всего мира, разделяя надвое небесную сферу, проходит равноденный (экваториальный) круг, называемый так потому, что лежащая под ним земная страна имеет равными все дни и ночи. Между равноденным кругом и арктическим с обеих сторон находятся поворотные круги: летний, который находится с нашей стороны равноденного круга, и зимний, находящийся с другой, южной, стороны, мимо которых совершается движение солнца¹⁰.

Полагают, что эти поворотные круги расположены криво по отношению к зодиакальному кругу "...)

Мы же немного побеседуем о том, что другие долго и много исследовали и обсуждали, а именно, поговорим о форме обоих светил и звезд, а также о том, прикреплены ли они к небу и вместе с ним движутся вокруг нас, как это видно нам, или совершают движение сами по себе. Обо всем этом философ Аристотель мудро рассудил и правильно решил, основываясь на фазах луны. Он наблюдал, когда луна бывает растущей и убывающей, исчезающей, т. е. потерявшей свой свет, когда она имеет вид полукруга или узкого серпа и почти не видна, т. е. близка к новолунию, и, наоборот, становится серповидной, и близка к полнолунию, и на-

ходится в полнолунии, и на основании всего этого доказал, что луна круглая, и это видно явно. И прочее рассмотрев сновательно, Аристотель заключил, что круглую форму имеет все сущее, т. е. и солнце, и луна, и звезды, которые, будучи прикреплены к небу, совершают с ним видимое круговое движение. (...) Много порассуждав об этом и желая закончить, Аристотель сказал: «Так как и тому и другому, имею в виду круг и звезду, невозможно совершать равное движение, то не нужно ли признать, что движутся круги, а звезды стоят спокойно, прикрепленные к кругам и увлекаемые вместе с ними в движение; это движение всем известно»¹². Что же касается круглой формы небесных тел, то на это указывает луна, в частности, то, как она принимает свет, имея круглую форму. Об этом он [Аристотель] говорит дословно следующее: «Луна показывает, как это видно и нам, что имеет круглую форму, иначе она не была бы растущей, по большей части с несосвещенным диском, т. е. близка к новолунию, серповидной, с наполовину освещенным кругом». И поскольку луна такова, то явно, что и другие звезды имеют круглую форму¹³. (...)

Здесь же мы прервем нашу речь и похвалим великого Творца, сотворившего все звезды, которые мы называем неплавающими, и пять плавающих звезд, и давшего два светила — солнце и луну¹⁴ на освещение людям, которые живут на земле, чтобы они воспринимали своим зрением идущую от небесных светил светящуюся силу для различения природных вещей, лежащих перед нами. Он дал нам знамения воздушных перемен, начала и конца дня, недели, месяца и года, и тому, что имеет круговое движение, дал Он возвратиться к тому же самому знаку, с которого началось это движение, чтобы мы поняли, что и человеческая жизнь подобна вертящемуся колесу и что она возвращается на тот же самый знак бытия, т. е. прах, из которого мы были взяты и сотворены и в который мы опять превратимся. И так мы предстанем пред своим Творцом, от которого получим воздаяние за свои дела.(...)

Если ты когда-нибудь в ясную ночь, смотря на небо, видел необыкновенную красоту звезд и в уме представил себе Творца того искусного и несравненного, который, как цветами, украсил небо, и размышлял о том, почему во всем видимом том больше созданного на потребу, чем для красоты, или бдящим умом снова размышлял о чудесах, происходящих днем, с помощью видимого того размышлял о невидимом, то приготовился стать слушателем и пришел на это чистое и блаженное зрелище. Идем же, и я повожу тебя за руку по городу и покажу тебе скрытые сокровища великого сего города и разумного.(...)

«Да будут, сказал, светила для знамений, и времен, и дней, и годов» (Быт. 1,14). О знамениях нами уже сказано, а под временем

подразумеваются смены времен года: зимы, весны, лета и осени, которые в определенном порядке сменяют друг друга, что происходит в результате установленного движения светил. Ибо зима бывает, когда солнце ходит по южным странам, и в наших местах бывают долгие ночи, а воздух, окружающий землю, охлаждается, и все влажные испарения собираются вокруг нас и становятся причиной дождя и холода, и обильного снегопада. Когда же солнце возвращается из полуденных мест и будет в середине небесного свода, тогда время между днем и ночью разделяется поровну. Когда же оно замедляет движение над теми или иными местами земными, то производит в них постепенное прогревание воздуха («благорастворение»), и наступает весна. Она дает начало всем прозябающим растениям, оживляет многочисленные деревья, животным же земным и водным дает возможность сохранить свой род благодаря появлению потомства. Оттуда уже солнце идет на север, к летнему повороту, создавая нам большие дни, и так как оно долго ходит по этому воздушному пространству, то раскаляет воздух над нашими головами и иссушает землю, приводя к появлению у растений семян и к созреванию плодов; тогда же оно будет самым горячим, создавая короткие тени в полдень, потому что освещает наши страны с высоты. {...}

Дни будут короткими тогда, когда бывают длинными тени. Это бывает у нас, которых называют «имеющими одну тень», живущих на северной стороне земли. Имеются и другие, которые по два дня в году совсем не имеют тени в полдень, потому что солнце, сияя над их головой, равным образом со всех сторон освещает их¹⁵, подобно тому, как в глубине колодцев вода освещается через узкие отверстия. Поэтому их называют «людьми без тени». А те, которые живут по ту сторону земли, богатой пряностями, отбрасывают тени на обе стороны попеременно. Только у них одних в нашей обитаемой земле (ойкумене) тень в полдень падает на южную сторону. Потому их называют людьми, «имеющими двойную (или круговую) тень»¹⁶.

Все это бывает, когда солнце проходит северную часть неба. На примере этого можно видеть, до какой степени солнечные лучи нагревают воздух и что вследствие этого случается. Затем сменяющее лето осеннее время года разрушает сильный зной, постепенно уменьшая теплоту посредством ее растворения в воздухе, и безболезненно приводит нас к зиме. Очевидно при этом, что солнце опять от северных стран возвращается на южные. Эти смены времен года, следующие за движением солнца, строят нашу жизнь.

«Да будут, сказал, и во дни», не для того, чтобы создавать дни, но господствовать над днями. День ведь и ночь были прежде, до сотворения светил. Это же показывает нам Давид, говоря: «Поло-

жил солнце для управления днем, луну и звезды — для управления ночью» (Псал. 135, 8, 9). Как же владеет солнце днем? Не потому ли, что носит в себе свет? Когда оно восходит над горизонтом, то дает нам день, разрушив ночь. Да не погрешит никто, назвав днем освещенный воздух, или определив день как меру времени, пока солнце ходит по надземной половине неба. Но солнцу и луне назначено определять и годы. Луна, совершив 12 раз свое обхождение, создает год, кроме этого, для точного согласования времен требуется дополнительный месяц. Так издревле считали время евреи и древние греки¹⁷. Солнечный же год есть время, за которое солнце проходит весь круг, начиная его от одного знака [зодиака] и возвращаясь к тому же самому знаку.

«И создал Бог два светила великие» (Быт. 1, 16).{...} Светила велики не потому, что они больше чудных звезд, но потому они великие, как говорит Писание, что исходящий от них свет достаточен, чтобы освещать и небо, и воздух, а также достигнуть земли и моря. Когда они движутся по всему небу, восходя, заходя или находясь посреди неба, то отовсюду представляются людям равными, что является явным указанием на то, что они имеют большой размер, так что широта земли не имеет значения для их большего или меньшего вида. То, что отстоит дальше, видится меньшим, и чем более к этому предмету приближаемся, тем большим его находим. А для солнца никто не ближе, и никто не дальше, но на равном расстоянии сияет оно всегда над обитателями всех частей земли. Доказательством этого является то, что индийцы и британцы видят его равным. И живущие на востоке его величину при заходе видят не оскудевающей, и те, что живут на западе, не видят его меньшим при восходе, и когда оно находится посреди неба, не изменяет своего вида для тех и других.

Сказал Бог: «Да будут светила на тверди небесной». Почему Он не создал солнце и луну в первый день? Не потому ли, что тогда не было [небесной] тверди, на которой они должны были находиться. И не только по этой причине, но и потому, что еще не было ни одного плода, который должен был расти и созревать под ними обоими, ибо в третий день произросли плоды. Чтобы не думали также, что они произросли под действием солнца, то Бог создал солнце, и месяц, и звезды тогда, когда творение их [растений] совершилось.

Сказано же, что в первый день Он сотворил все из небытия, а в другие дни — из существующего. Да откуда же солнце? От света, бывшего в первый день. В первый день Создатель изменил его, как хотел, и превратил в различные формы: там Он создал вещество света¹⁸, а здесь светильники. Как если бы кто-нибудь расплавил кусок золота и раздробил его на золотые монеты, так

же и Бог создал это золотое украшение [оба светильника на небе]. Подобно тому, как Он и бездны, бывшие тогда единой водой, разделил на горную воду и на моря, и на реки, и на источники, и на озера, и на колодцы, так и свет, бывший единым, раздробил и разделил искусно на солнце, луну и звезды. Хочу же определить, как Бог создал светила. Следует знать, что Он сотворил их вне неба, и тогда приставил их наверх. Подобно тому, как художник, когда создаст икону, т. е. образ, тогда прибьет ее к стене, так и Бог сначала сотворил светила вне неба, а потом приставил их к нему. Как свидетельствует Писание, говоря: «И создал Бог два светила, и поставил их на небе» (Быт. 1, 16, 17). Как же Он поставил их? Не оба вместе. А как? Утверждение было по гласу самого Бога, ибо, положил, сказал Бог, «светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью» (Быт. 1, 16).

Когда солнце было положено, оно было положено на востоке, когда же луна была приставлена, она была приставлена на западе, поскольку она получила власть над ночью, а солнце — над днем.

Луна появилась в первый день исполненной света, ибо не подобало ей быть наполовину освещенной, но следовало появиться светилу в том виде, в каком оно было создано. После этого посредством изменений луны надлежало показать сроки, и времена, и различия дней. Сотворил Бог луну полной, какой она бывает на пятнадцатый день. Солнце взошло утром, утром же была приставлена луна, появившись утром на западе. Когда солнце дошло в своем пути до запада, появилась луна, как бы желая взойти, чтобы исполнилось сказанное: «да владеют днем и ночью». К тому же необходимо решить, почему Бог сотворил луну полной? Внимай с усердием, потому что это имеет глубокий смысл. Подобало бы ей являться в четвертый день, имея вид луны четырехдневной. Однако если бы она имела вид четырехдневной луны, то не имела бы законченного образа. Итак, она имела в самом начале излишек в 11 дней; появившись в четвертый день, луна была как бы 15-дневной. На 11 дней больше имела луна по сравнению с солнцем — не по творению, но по своему сиянию. Поэтому дни, которые имела луна, она отдает солнцу. Число же дней в каждом месяце равно 29 с половиной, а год состоит из 12 месяцев, что дает 354 дня. Если исчисляешь так месяц, т. е. по 29 с половиной дней, то год такой будет равен 354 дням, и те дни, которые приняла луна, она отдает солнечному году¹⁹. Умеющий считать — да сосчитает!{...}

Итак, Бог сотворил солнце, находящееся в вечном движении, и луну, то облачающуюся в свой сверкающий убор, то снимающую его, то снова одевающуюся в него. Дело указывает на Творца:

присносияющий Творец и тело луны сотворил присносияющим, свет луны не кончается, но скрывается. Поэтому луна является образом смертных людей. Сколько веков сияет она на небе? Когда в первый день она появляется, мы говорим: «Сегодня рождается луна». Почему? Потому что она есть образ наших тел: рождается и растет, становится полной и уменьшается, убывает и угасает. И мы тоже рождаемся, растем, входим в совершеннолетие, находимся в среднем возрасте, слабеем, стареем, умираем. Луна угаснет, но снова родится. И нам тоже снова предстоит воскреснуть и ожидает нас рождение иное.

Поэтому и Спаситель, желая показать, что мы родимся снова там, подобно тому, как родились здесь, сказал: «Когда придет Сын Человеческий в пакибытии»²⁰. Обещает и луна воскресение. Меня, говорит, вы видите скрывающейся и снова являющейся, как же вы отчаиваетесь в своих надеждах? Не ради вас ли создано солнце? Не ради вас ли луна появилась? И если ради вас создано все, что исчезает и снова является, то вы сами, ради которых все это было создано, умирая, разве не воскреснете?

ПРИМЕЧАНИЯ

IV Слово Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского посвящено созданию в четвертый день творения небесных светил — солнца и луны — представляет собой комментарий на I главу Первой книги Моисеевой Бытие (стихи 14—18). Особый интерес этого Слова заключается в том, что Иоанн Экзарх сообщает здесь обширные сведения по астрономии, заимствованные им у античных авторов. Наиболее значительная часть из них помещена в отрывке, не найденном в византийских источниках, и принадлежащем, по-видимому, самому Иоанну. Во многом основываясь на взглядах Аристотеля, Иоанн исходит из идеи шарообразности Земли, покоящейся в центре сферического небесного свода. Солнце, Луну и Звезды он также считает шарообразными. У античных авторов заимствована Иоанном мысль о разделении небесной сферы, а вслед за ней и Земли, на пять зон. В Шестодневе дается понятие о годовом и суточном движении Солнца, о размерах небесных тел, о равноденствии и солнцестоянии, о смене четырех времен года и даже о наклоне эклиптики к плоскости экватора.

Вместе с тем Иоанн облекает в религиозно-символическую форму сообщаемые им сведения о природе: годичный цикл Солнца сравнивается им с кругом человеческой жизни, которая кончается тем же «знамением», с которого она началась, — прахом. Смена фаз Луны имеет для человека символическое значение — подобно Луне, человек рождается, растет, стареет и умирает, чтобы затем воскреснуть.

1. В списках ранней русской редакции Шестоднева, к которой относится переводимая нами рукопись, ошибочно указывается, что земля больше солнца, тогда как в списках других редакций находим лучшее чтение: «и земли той самой во много раз больше солнца». Сравнительные размеры земного и солнечного диаметров, приведенные далее, также свидетельствуют об ошибочности этого утверждения.

2. Речь идет о длине окружности и диаметре Земли. Наиболее точным измерением длины окружности Земли, предпринятым в античную эпоху, является результат Эратосфена Киренского (276—194 гг. до н. э.), хранителя Александрийской библиотеки. По его данным, эта величина равна 250 000 стадиев, более точным значением является 252 000 стадиев (39 690 км), что лишь на 310 км отличается от истинной величины.

3. Имеется в виду гало — оптические явления в атмосфере (кольца вокруг Солнца и Луны, ложные солнца, световые дуги, кресты и др.). Этот пассаж близок отрывку из Метеорологии Аристотеля, в котором философ подробно описал явления гало, в том числе ложные солнца, и отметил, что образование гало предвещает дождь.

4. Ср. Матф. 16, 2, 3.

5. Видимый годовой путь Солнца среди звезд проходит через 12 зодиакальных созвездий, совокупность которых названа в Шестодневе животным кругом, поскольку значительная часть этих созвездий названа именами животных. Встречаются здесь и другие названия для обозначения этого небесного круга — грецизм *зодиакъ*, *кругъ зодиискихъ*, *живоносныйи кругъ*.

6. Ошибочно, вместо 27 1/3 дня, как в списках поздней русской редакции и в древнейшем сербском списке Шестоднева 1263 года. Речь идет о звездном, или сидерическом месяце, за который Луна проходит все зодиакальные созвездия, делая один полный оборот по своей орбите.

7. В оригинале «подъ небесемь сущемь равноденнымь», т. е. здесь говорится о местности, находящейся под небесным экватором.

8. С теорией шарообразности Земли у греческих ученых было связано изучение различий времен года в разных странах, которое привело к мысли о разделении земного шара на пояса, или зоны. Этим вопросом занимались Парменид (нач. V в. до н. э.), Аристотель (IV в. до н. э.) и особенно Посидоний (ок. 135—50 гг. до н. э.). Этому же учению придерживались Страбон (60 г. до н. э.— 20 г. н. э.), Помпоний Мела и другие ученые (см.: Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. Т. I. М., 1949. С. 48—49). В своей географической классификации Посидоний использовал следующий критерий — «полуденную тень, которая, в зависимости от

местности, в течение года передвигается в одном или двух направлениях, или же, наконец, движется по кругу» (Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 275).

9. Речь идет о северном полярном небесном круге, названном в Шестодневе арктическим (от греч. *арктос* — медведь, медведица, созвездие Большой Медведицы, во множ. числе употреблялось для обозначения названия созвездий Большой и Малой Медведицы).

10. По-видимому, имеются в виду тропики.

11. По всей вероятности, это утверждение означает, что плоскость зодиака (эклиптики) не параллельна плоскостям тропиков. Так как тропики параллельны небесному экватору, то можно считать, что Иоанн Экзарх сообщает о наклоне эклиптики к плоскости небесного экватора.

12. Аристотель всю надлунную область представил в виде ряда соприкасающихся небесных сфер (число их, по Аристотелю, доходит до 56), которые равномерно вращались с разными скоростями вокруг различных осей. К некоторым из них прикреплены небесные тела. Внешняя сфера — сфера неподвижных звезд — совершает полный оборот вокруг небесной оси в течение суток; своим движением она увлекает следующую за ней сферу и т. д. (см.: Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1980. С. 112). В переводе Иоанна Экзарха небесные сферы названы «кругами».

13. Как известно, Аристотель первый доказал шарообразность Луны на основании ее фаз. Он выдвигал в пользу этого следующий аргумент: «внешний вид Луны в различных ее фазах соответствует тому виду, какой приняло бы шарообразное тело, наполовину освещаемое Солнцем» (см.: Берри А. Краткая история астрономии. М.—Л., 1946. С. 42).

14. Иоанн Экзарх различает среди небесных тел неподвижные звезды, два небесных светила — солнце и луну и пять «плавающих» звезд — планет: Сатурн, Юпитер, Марс, Венеру и Меркурий. Эти взгляды основаны на трудах античных астрономов.

15. Подобное явление имеет место в жарком поясе Земли (пояс с широтами от 0° до 23°27' в северном и южном полушариях), где Солнце два раза в году (на тропиках один раз) бывает в зените.

16. По-видимому, имеются в виду жители Аравийского полуострова, для части которого, лежащей южнее северного тропика до экватора (от 23°27' северной широты до 0°), справедливо утверждение, приведенное в Шестодневе, что летом их тени падают на юг.

17. В оригинале этот месяц назван «месяць приложный». В приведенном отрывке речь идет о продолжительности лунного года, состоящего из 12 лунных месяцев. Для согласования продолжительности солнечного и лунного годов и вводился дополнительный,

периодически добавляемый месяц. Действительно, подобным образом считали время евреи и древние греки. В V в. до н. э. в древнегреческом календаре был введен «октаэдрис» (восьмилетний цикл), «к 3 годам этого цикла присчитывался добавочный полный месяц по 30 дней, а остальные года состояли по-прежнему из 6 полных и 6 неполных (по 29 дней) месяцев. Таким путем средняя длина года установлена была в 365 1/4 дня» (см.: Берри А. Краткая история астрономии. М.—Л., 1946. С. 34).

18. В списках ранней русской редакции, к которой относится переводимая рукопись, место испорчено: вместо словосочетания «вещный свет» стоит «самошественный свет».

19. В этом отрывке, представляющем фрагмент перевода из Севериана Габальского, делается попытка объяснить разницу между продолжительностью года лунного (354 дня) и года солнечного (365 дней). Как видим, эту разницу писатель-богослов ищет не в естественнонаучном факте, связанном с временем прохождения Солнцем и Луной зодиакальных созвездий, а в богословско-символическом толковании вида луны, созданной в четвертый день, но находящейся в фазе полнолуния (т. е. такой, какой она должна быть в 15 день).

20. Ср. Матф. 19, 28.

Продолжение следует

Перевод и примечания
кандидата филологических наук
Г. С. Баранковой

«Милостивый государь!.. Примите уверение...»

Эпистолярный этикет военнослужащих русской армии

Э. Б. ЖИЖОВ,
кандидат филологических наук

Для ведения переписки у военнослужащих дореволюционной России существовали специальные письмоводческие правила, которыми регламентировались состав, делопроизводственная форма и язык армейской документации. «Все письменные сношения между военнослужащими как по служебным делам, так и по делам своим личным... должны производиться не иначе, как по установленной форме и с соблюдением известных правил» (Правила письменных сношений и образцы деловых бумаг. СПб., 1900. С. 1.)

Так, в предоктябрьские годы любые письменные доклады боевого характера, которые военнослужащие представляли своим начальникам, требовалось озаглавливать: *Рапорт*. В условиях строевой службы официальные письма, которыми обменивались разные по должности или независимые друг от друга военные, именовались *сношениями*, а в полевых условиях, в том числе и на войне, — *извещениями*. В деловых записках название должности и фамилию адресата надлежало помещать не вверху, а внизу лицевой стороны листа, после текста документа.

В военных корреспонденциях, исходящих от начальников к подчиненным, нельзя было употреблять слово *прошу*, а требовалось писать непременно: или *предлагаю* (что допускало возможность объяснений и даже возражений со стороны подчиненных перед исполнением распоряжений), или *приказываю* и *предписываю* (что обуславливало безоговорочное выполнение распоряжений). В свою очередь, в армейской документации, адресуемой подчиненными начальникам, разрешалось употреблять слова *доношу*, *докладываю*, *представляю*, *прошу* или *ходатайствую* и запрещалось писать: *сообщаю*, *извещаю*, *уведомляю*, *прилагаю*, *препровожаю*. Эти слова, не указывающие на старшинство в служебном положении корреспондентов, были возможны в деловой переписке равноправных или не подчиненных друг другу военнослужащих.

Военно-канцелярский этикет различал по смыслу и употреблению даже такие расстановки слов: *имею честь* — означало «заслуживаю и требую к себе почтения» (так писали старшие по рангу младшим), а *честь имею* — значило «воздаю почтение» (так писа-

ли младшие к старшим). Данное словоупотребление было свойственно прежде всего личной переписке служебного характера. Кстати, такую переписку разрешалось вести только высшим чинам, впоследствии это право получили и другие офицеры. Тем не менее служебные письма долгое время не считались безусловно необходимыми в военно-деловых отношениях, их оформление и составление почти до конца 80-х годов XIX века армейским письмоводством не регламентировалось. В «Кратком очерке делопроизводства в дивизионных и корпусных штабах по строевой и инспекторской частям» (СПб., 1887. С. 4) отмечалось: «Определенной законом формы для писем... не существует», поэтому военнслужащие руководствовались общепринятыми требованиями, а именно: «В письменных сношениях должны быть соблюдаемы все правила учтивости, предписываемые благоразумием или принятые обыкновением. Нарушение сих правил всегда почитается неуचितностью или невежеством Пишущий письмо должен обращать внимание на звание того, к кому пишет, и, соображаясь с оным, наблюдать обыкновенные формы, принятые в письмах с равными, высшими и низшими лицами» (Толмачев Я. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах онаго. Ч. 2. СПб., 1825. С. 109).

В частности, свидетельствует здесь же Я. Толмачев, для вышестоящих лиц принято «просто и благородно изъяснить предмет письма», а в корреспонденциях от нижестоящих лиц требуется «логическая правильность, полнота составных частей, возвышенный и даже несколько надутый тон выражения, искусные обороты, тонко скрывающие лестную похвалу и показывающие глубокое уважение к тому лицу, к которому письмо пишется». Кроме того, «при сочинении оных, — указывает также Я. Толмачев, — должно обращать внимание на отношение подчиненности, должно знать принятые общественным условием выражения, изъясняющие чинопочитание... Сие правило должно соблюдать в сношениях всякого рода» (Там же. С. 84).

Первое же изданное в России «Положение о письмоводстве в военном ведомстве» (СПб., 1888. С. 2) установило специальное название для армейских служебных писем и разрешило их применение в деловой переписке всех военнслужащих: «Личную переписку, относящуюся до службы, предоставляется военнслужащим вести официальными письмами».

Согласно этому «Положению», «служебная переписка должна излагаться ясно, кратко и точно, без употребления не идущих к делу фраз учтивости: „господин“, „имею честь“, „почтительнейше“ и т. п.; причем, для избежания лишних фраз и оборотов не следует указывать в тексте то, что вызвало переписку» (Там же. С. 3).

Однако образцы воснной документации, приложенные к «Положению о письмоводстве...», показывают, что эти требования не распространялись полностью на армейские официальные письма. Так, в образце официального письма содержатся такие почтительно-вежливые слова и обороты, как «Милостивый государь», «князь», «покорный слуга» и др. В подлинных же официальных армейских письмах учтиво-комплиментарный стиль их изложения находил еще более яркое проявление, поскольку военно-деловое письмо «составлялось обыкновенно в особых от остальной служебной переписки выражениях, в нем не избегались фразы вежливости, и вообще не имела применения та краткость и категоричность выражений, которая должна быть твердо установлена в служебной переписке» (Там же. С. 5)

Правила составления армейских официальных писем помещались в специальных справочных и учебных пособиях по военному письмоводству, предназначавшихся для офицеров, подпрапорщиков, нижних чинов и т. д. В этих руководствах указывалось, что военно-деловое письмо составляется на бумаге установленного формата с печатным или рукописным личным бланком, где обозначается должность или чин адресанта, название его войсковой части и дата исполнения документа.

В начале армейского официального письма вместо характерного для других видов военно-деловых бумаг заголовка, кому документ адресуется, следовало писать «Милостивый государь», а затем, во второй строке,— имя и отчество адресата с указанием для высокопоставленных и высокородных лиц их титула по происхождению, чину или должности.

В изложении содержания военно-делового письма разрешалось титуловать не только генералов, графов и князей («Ваше высокопревосходительство», «Ваше превосходительство», «Ваше сиятельство»), но и старших офицеров («Ваше высокоблагородие»), а также «употреблять разные выражения вежливости, которые в служебных бумагах не употребляются, например: „имею честь“, „покорнейше“ и т. п.» (См.: Письмоводство строевого офицера. СПб., 1880. С. 115; Правила письменных сношений и образцы деловых бумаг. СПб., 1900. С. 81; Васильев Н. В. Письмоводство офицера и чиновника. СПб., 1903. С. 108).

При составлении официальных писем военнослужащим запрещалось использовать грубые и бранные слова, в особенности вульгаризмы: «никакие выражения невежливые, а тем более оскорбительные или дерзкие, не должны быть допускаемы в деловых сношениях; ... за оскорбление же начальника (или старшего) на письме, т. е. в бумаге, наказание по суду доходит до разжалования в... рядовые и даже, при известных обстоятельствах, до исключения

из службы с лишением чинов» (Правила письменных сношений... С. 11).

В зависимости от того, кому официальное письмо предназначалось (младшему, равному или старшему по должности или чину военнослужащему), текст его по правилам военного письмоводства рекомендовалось заканчивать соответственно одной из следующих заключительных фраз: «Уважающий Вас», «Примите уверение в моем почтении и преданности», «Прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности, с которыми честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою».

После издания «Положения о письмоводстве в военном ведомстве» 1904 года и «Положения о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» 1911 года требования к краткости изложения военной документации ужесточились: запрещалось, в частности, употребление в ней титулов. Постепенно военно-письмоводческие руководства перестали рекомендовать слова и выражения учтивости, фразы изысканной вежливости в армейских официальных письмах. Как следствие, все реже встречаются они и в реальной военно-деловой переписке, особенно в корреспонденциях старших по должности военнослужащих к младшим. В то же время в военно-деловых письмах 1914—1917 годов используются новые, не узаконенные армейскими письмоводческими правилами лексико-фразеологические средства, выражающие почтительность и любезность: например, слова «Многоуважаемый», «Глубокоуважаемый» (вместо обращения «Милостивый государь»), обороты «Глубоко Вас уважающий», «Сердечно Вам преданный» (вместо фразы типа «Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности» и т. п.)

Что касается особенностей составления и оформления еще одной категории личных армейских писем — корреспонденций обычных, неофициальных (частных), то их, в отличие от военно-деловых писем, следовало не только заканчивать, но и начинать различно: в зависимости от того, как это подчеркивалось, в частности, в армейских «Правилах правописания и письмоводства...» (СПб., 1909. С. 44), кому они предназначаются.

В данном письмоводческом руководстве для военнослужащих указывалось, что «письма к товарищам, родным или близким людям начинаются словами: „бесценный“, „дорогой“, „милый“ и т. п., а заканчиваются: „твой“, „ваш“, „любящий вас“, „преданный вам“ и т. п.; к почтенным, хорошо знакомым людям начинаются так: „многоуважаемый“, „глубокоуважаемый“ и т. п., а заканчиваются — „уважающий“, „глубоко уважающий“ и т. п.; к почти или даже совсем незнакомым людям — начинаются словами: „Милостивый государь“, а заканчиваются: „готовый к услугам“, „ваш слуга“ и т. п.; к лицам, состоящим на государственной службе и

имеющим чины, пишутся (...) письма, начинающиеся с титула (...), причем они заканчиваются званием, именем и фамилией того, кто их пишет» (Там же).

С течением времени все эти обороты постепенно вышли из употребления, и, например, вместо устаревшей формулы: «дражайшие родители: батюшка и матушка» в военно-эпистолярный обиход вошло другое, более современное обращение — «Дорогие мои родители» (См.: Военная хрестоматия для полковых учебных команд, ротных, эскадронных и батарейных школ. СПб., 1887. С. 5).

Но неизменным оставалось основное требование армейского эпистолярного этикета к форме изложения личных писем военнослужащих: «письма к родителям, родственникам и товарищам должны быть написаны учтиво» (Там же. С. 3). Вот фрагменты из образцов однотипных по содержанию, но разных по времени писем военнослужащих к родителям:

«Дражайшим моим родителям: батюшке Федору Ивановичу и матушке Василисе Петровне!

Первым долгом считаю пожелать Вам от Бога доброго здравия, всякого благополучия, а в делах Ваших скорого успеха. Для себя же прошу у Вас родительского благословения, навеки нерушимого. Посылаю мое душевное почтение и низкий поклон: сестрице Екатерине Ивановне, братцам Алексею Ивановичу и Петру Ивановичу и всем моим родственникам и товарищам(...)

Ваш покорный сын
Н. Ф. Агафонников».

«Милые, дорогие мои родители!

В первых строках моего письма посылаю Вам свое сыновнее почтение, заочно низко кланяюсь и прошу у Вас Вашего родительского благословения, которое поможет мне верой и правдой нести военную службу. (...)

Передайте мой поклон братцу моему Николаю Васильевичу, сестрице Наталье Васильевне и бабушке Ольге Дмитриевне.

Всей душой любящий Вас сын Ваш
Григорий Волков».

Эпистолярный этикет военнослужащих русской армии — неотъемлемая часть истории нашей национальной речевой культуры. Знакомство с его спецификой, образцами имеет научно-познавательное значение — ведь это частица быта прежней России.

Из истории
термина «стих»
в русском языке

Л. Л. ЛЕВАНДОВСКАЯ

Термин *стих* пришел к нам из греческого языка: от *stichos* — ряд, порядок, строй; строка метрически организованной речи. При адаптации в новой языковой среде не только изменяется его морфемный состав — отсекается древнегреческая флексия *-ос*, но и со временем приобретает несколько новых значений: строка стихотворная и художественное произведение, написанное такими строками; произведение старинной устной народной поэзии на библейскую, религиозную тему; короткий абзац, подразделение главы (в стихотворном произведении, в Библии).

Термин *стихъ* встречается уже в письменных памятниках XI—XV вв., наряду со старославянским термином — *грано* — *грань*, также относящимся к стихосложению.

Однако на Руси, как известно, книжное стихотворство развивалось постепенно: сначала была ритмическая проза и лишь затем стихотворные произведения. Сравнительно часто отдельные стихи стали появляться только с начала XVII века. Характерно, что эти первые стихотворения даже сами создатели называли не иначе, как *вершами* — от латинского *versus* (стих), восходящего к глаголу *verto* — поворачивать, обращать. Так, один из стихотворцев этого периода, автор книги «Перло многоцветное» писал в предисловии о себе: «Композитор, або складач сих *вершов* Кирилл старый Транквилион Ставровский». В этом же веке, должно быть, под влиянием буквенного изображения польского слова *wierszey* в русской орфографии, а затем и в орфоэпии, начинает закрепляться несколько видоизмененный термин *вирш*. Им называют либо отдельные произведения, либо вставки в прозаический текст, либо стихотворные завершения такого текста. В этом отношении весьма показательно окончание написанной прозой «Летописной книги» (1626), посвященной борьбе русского народа с польско-шведской интервенцией. Желая красиво завершить свое сочинение, предполагаемый

автор И. М. Катырев-Ростовский в самом конце помещает «вириши» (30 рифмованных строк), вводя в текст и сам термин:

Начало виршем,
Мятсжным вѣщем,
Их же разумно прочитаем
И слагателя книги сей потом уразумеваем.

Как видим, в стихотворной практике XVII века вместо термина *стих* употреблялся, и довольно часто, термин *вириш* (*верши*). Но поскольку с конца XVI века у нас начинают появляться в составе грамматик для церковных школ первые сведения о стихосложении (правда, с целью перенесения античной системы на русскую почву), то целесообразно посмотреть, как обстояло дело с термином *стих* в теоретических работах. В одной из первых восточнославянских грамматик, содержащих и правила составления стихов, которая была издана в 1598 году Лаврентием Зизанием, встречаются оба термина: *стих* и *верш*. На одной и той же странице сначала расположено слово *верш* (буквально: «Пересторога хотячим вѣршѣ с'»адати»), а ѡбѡбѡ ѡбѡ — *стихи*.

В начале XVII века, как видно из «Грамматики славенския правильное синтаagma» Мелетия Смотрицкого, оба эти термина употребляются одновременно даже в заглавии одного из разделов «О стисѣ или вѣршу». В тексте этой грамматики термины *стих* и *верш* встречаются как синонимы.

После учебных пособий Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого уже в первой половине XVIII века в период подъема культурной жизни России, вызванного реформами Петра I, появляются специальные работы, посвященные исключительно стихотворству. Так, в 1735 году В. К. Тредиаковский пишет «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Приведя определение этого термина, В. К. Тредиаковский даже не упоминает о его генезисе (может быть, считая его уже достаточно «обрусевшим», то есть хорошо понятным для каждого грамотного соотечественника), но приводит его латинское и французское наименование, о чем пишет: «Чрез стих разумеется всякая особливо стиховная строка, что у латин называется *versus*, а у французов: *vers*». М. В. Ломоносов, критически рассматривая трактат Тредиаковского, через четыре года присылает из Марбургского университета в Российскую академию наук свое «Письмо о правилах российского стихотворства». И в том и в другом труде функционирует лишь термин *стих*. Этими теоретическими работами, а также стихотворной практикой (например, у Тредиаковского «Стихи похвальные России», «Стихи похвальные Парижу» и др.) термин *стих* окончательно вводится в

русский язык. А термином *вириши* начинают обозначать досиллабические и силлабические стихотворения.

В современных работах, например в «Поэтическом словаре» (1966) А. Квятковского, термин *ви́рши* определяется как «название авторских духовных, а затем светских стихов в России XVI, XVII и XVIII вв.». Кроме того, термин *вириш* (*virsh*) без каких-либо синонимов бытует до настоящего времени в украинском языке, в том же значении, что и *стих* — в русском.

А вот В. И. Даль в I томе «Толкового словаря живого великорусского языка» приводит еще и такие малоизвестные значения слова *ви́рша* (сд. ч.) — «рифма; стих. Употребляется о стихах плохих, а встарь особенно о поздравительных» (курсив мой.— Л. Л.).

Таким образом, учитывая, что о некоторых терминах еще в XVI веке также писал Максим Грск, то становится ясным, что в русском языке на определенном этапе развития стихосложения термины *стих*, *грано*(*гран*), *вириш*(*верш*) и *рифма* некоторое время употреблялись параллельно, примерно до XVII века. Затем термин *вириш*(*верш*) вытеснил своих «конкурентов». Однако со второй четверти XVIII века благодаря трудам В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова термин *стих* в теории и практике русского стихосложения начинает занимать безраздельное положение.

Со временем возникло множество сочетаний со словом *стих*. Так, если учесть обозначения только *разновидностей стиха* по «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, то наименований, состоящих из интересующего нас определяемого — существительного *стих* и соответствующих определяющих прилагательных типа: *стих басенный*, *стих былинный*, *стих вольный*, *стих метрический*, *стих свободный*, *стих силлабический*, *стих тонический*, *стих холостой* и др., — насчитывается более двадцати. А в словаре С. И. Ожегова можно найти и такие сложные термины с основой *стих* (*стихо-*), как *акrostих*, *дистих*, *стиховедение*, *стихосложение*, *стихотворение*, *стихотворец*, *стихотворный*, *стихотворство*, *стихоплет*.

Как видим, заимствованное слово-термин *стих* на русской почве постигла несобычная судьба — он едва не вышел из употребления, но в итоге не только выжил, но и оказался весьма плодотворным: с его помощью образовалось в русском языке несколько десятков других слов и терминов.

СОВЕТЫ ДИАЛЕКТОЛОГА

А. С. ГЕРД,

доктор филологических наук

Три обстоятельства подтолкнули меня к написанию нового очерка под рубрикой «Советы диалектолога».

Первое — это все возрастающее год от года число лиц разных профессий, обращающихся за советом, как им лучше организовать сбор местных географических названий, топонимов.

Второе — это дискуссия о разных типах языкового состояния, воспроизведенная на страницах журнала «Русская речь». Как ни странно, но кажется, никто из отвечавших на эти вопросы не выделил особо язык земли, топонимику (Русская речь. 1992. №№ 2—6).

Третье — это сам журнал «Русская речь», удачно назвавший мой первый очерк «Советы диалектолога» (1991. № 5. С. 109—112) и тем самым побудивший меня продолжить рассказ об опыте, накопленном за 38 полевых диалектологических экспедиций.

Как известно, язык нам дан во времени и в пространстве. Во времени — начиная с эпохи древнейших праславянских диалектов и до наших дней; в пространстве — в самых разных формах спонтанной разговорной речи в деревнях, селах и городах. С этой точки зрения, по мнению многих ученых, диалект — это «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 132). И тогда современная диалектология — это наука, отнюдь, не только о крестьянских диалектах, хотя во многом и прежде всего о них, но также и о всех формах и видах функционирования спонтанной устной речи. А это и традиционные крестьянские диалекты, и так называемые полудиалекты или региолекты — речь современных поселков и небольших городов отдельных областей, это и язык устного общения рабочих и специалистов разных профессий, летчиков, спортсменов, рыболовов, автолюбителей, военных и, наконец, жаргоны современных молодежных групп. Тогда диалектолог — это тот, кто собирает и изучает разные виды спонтанной речи.

Язык земли, местные географические названия, топонимы (не топонимы), бесспорно представляет собой особое языковое состояние, как говорят специалисты, особый тип знаков, которые суще-

ствуют и развиваются по своим особым законам в тесной связи с тем географическим объектом, который они называют.

Топонимика — один из важнейших источников по истории народа, языка. Местные географические названия нередко хранят следы такой глубокой древности, в которую можно проникнуть уже только с помощью антропологов или археологов. Недаром на основе анализа топонимов построены многие чисто исторические исследования. Увлекательные объяснения происхождения названий, исторические гипотезы и доказательства находим мы и в трудах филологов, изучавших историю географических названий.

Но любому такому исследованию, каждой гипотезе предшествует полевой сбор топонимических материалов. Без тщательно и профессионально собранных полевых материалов нет и не может быть достоверных исторических реконструкций и гипотез.

Однако топонимика и сегодня имеет не только чисто историческое значение. Данные полевых топонимических экспедиций занимают свое особое место в современной картографии. В принципе на картах местные географические названия по нормам орфографии должны писаться так, как они звучат в данном языке в устах народа, говорящего на этом языке. На практике мы имеем множество отклонений, и на картах встречается немало названий, написанных в формах весьма далеких от того, как то или иное место называют местные жители. С этим не раз встречались все, кто постоянно работает в экспедициях — геологи, географы, биологи, военные, когда они с картой в руках спрашивают местных жителей, где такая-то деревня, река, ручей или болото, а те их либо совсем не понимают, либо с трудом догадываются, о каком месте идет речь.

Порой дело доходит до курьезов. Автору этих строк при подготовке экспедиций на реку Молодой Туд в Тверской области приходилось пользоваться картой, на которой и река, и соответствующий поселок носят название Молодой Труд, хотя Туд — это одно из древнейших дославянских названий, а жители по реке Туд называют себя тудовляне и представляют собой особую группу, весьма интересную в этнографическом отношении, о чем еще в 20-е годы нашего столетия писала профессор Н. П. Гринкова.

Особенно велика роль хорошо собранных достоверных местных географических названий при подготовке словарей. А словарь, как известно, — настольная книга любого современного культурного человека вне зависимости от его специальности.

Среди разных видов топонимов особого внимания заслуживает микротопонимика (названия небольших рек, озер, их берегов, рыболовных тоней, ручьев, порогов, оврагов, урочищ, долин, лесов, просек, полей, покосов, полян, болот, их частей). Она может быть

добыта почти исключительно полесвым методом, а собрана она по всем областям хуже всего, да и забывается она быстрее, чем названия деревень, поселков.

Как же организовать и вести сбор топонимов?

Сначала надо выбрать район будущего полевого обследования. В принципе — это может быть любая, ранее не изученная топонимистами территория, но все же лучше, если выбор такого района обоснован географически, исторически, этнографически, социологически и в языковом отношении. Например, если для экспедиции выбираются места около рек и озер, то в перспективе желательно наметить к обследованию весь бассейн этой реки или озера. Арсалы целостных водных бассейнов дают наиболее интересные гидронимы (названия водных пространств). Крайне актуален сбор топонимов в местах, где проживает сегодня двуязычное население, а таких мест на Северо-Западе России, на Севере, Урале и в Поволжье немало.

В этнографическом отношении большой интерес представляет обследование русских территорий отдельных этнографических групп населения (поморы, осташи, важане, поозёры и т. д.). Скорейшему обследованию подлежат районы, намеченные для различных социально-экономических трансформаций (строительство новых заводов, городов, поселков). Старая топонимия таких мест уходит быстрее всего и притом безвозвратно. Диалект исчезает не столько под влиянием школы, радио или телевидения, сколько от качественной ломки традиционных занятий и всего уклада жизни местных жителей.

Не следует стремиться сразу к охвату как можно больших территорий, собирать топонимию лучше по узлам, микрорайонам и как можчо глубже, вплоть до каждого ручья, болота, оврага, холма.

Достаточно сильные и опытные коллективы топонимистов, диалектологов могут и должны ставить себе задачи целостного всестороннего изучения того или иного арсала.

Итак, начинать готовиться к полевой работе, к экспедиции надо заранее, с карт и книг по физической географии, этнографии и истории края. После того как вами выбран район полевых работ, постарайтесь по лучшим популярным географическим трудам, таким, как книга Л. С. Берга «Природа СССР» (М., 1955), Н. А. Бобринского «Животный мир и природа СССР» (М., 1960), ознакомиться со спецификой ландшафта, который вам предстоит обследовать.

Кстати, если обычные диалектологические экспедиции дают как раз очень хорошие и порой совсем новые результаты и зимой, то сбор топонимии в условиях России можно проводить только летом.

Труды по топонимике, археологии, истории, исторической географии в новом свете представят вам края и места, знакомые, может быть, с детства. Если есть возможность, весьма полезно ознакомиться с описаниями экспедиций русских путешественников XVIII века Н. Я. Озерецковского, И. И. Лепехина, И. И. Георги, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева и других.

И, конечно, надо постараться изучить и запомнить все основные особенности того диалекта, тех говоров, на территории которых вам предстоит работать, ведь все географические названия вы будете записывать от местных жителей, для которых диалект, на котором они говорят, и есть их родной язык.

Далее следует, по возможности, внимательно изучить различные карты того района, который вы избрали для обследования. Различные карты разных лет хорошо дополняют друг друга в отношении названий. Итак, по хорошей карте надо тщательно изучить район будущего обследования. При этом желательно разбить этот район на квадраты по 15—20 км. Каждый квадрат должен тяготеть к какому-нибудь селу, в котором вы будете жить, к реке, озеру. Наконец, перед выездом в поле, в экспедицию каждый должен иметь при себе тот или иной вопросник (программу) по сбору топонимии, желательно отражающий особенности местного ландшафта.

В ходе самой экспедиции каждая группа числом в 2—3 человека должна обследовать один — два квадрата в зависимости от времени и сил. При этом параллельно с беседами собиратели должны сами совершить выходы на местность, чтобы своими глазами увидеть не только особенности ландшафта, но и все окрестные села, ручьи, роци, поляны, озера, протоки. Хорошее знание местности значительно облегчает потом и сами беседы.

Основной метод сбора полевого топонимического материала, как и других диалектных данных, — беседы с местными жителями. При этом каждое название должно быть дополнительно проверено через двух — трех других информантов.

Если встретятся места, где раньше находились деревня, село, которых теперь уже нет, попытайтесь найти в окрестных селах жителей из этой деревни и съездить с ними туда. Здесь, на месте родной деревни, в поле, в лесу, они хорошо и быстро вспоминают названия своих родных мест.

Хорошим источником топонимических материалов могут служить также беседы с сгере́м, лесниками, рыбаками. От них лучше и полнее, чем от других информантов, можно узнать названия частей леса, охотничьих угодий, рыболовецких тоней.

Прекрасные информанты по топонимике — местные сельские краеведы. Таков, например, И. И. Смирнов, с которым нас свели

экспедиционные дороги, житель далекого села Ворошилово в Тверской области, уникальный знаток своих мест, всю жизнь посвятивший созданию замечательного сельского этнографического музея.

Неоценимым источником именно полевых топонимических материалов являются земельные планы и схемы сельсоветов и райцентров.

Конечно, характер микротопонимики тесно связан с ландшафтом. Одно дело — работа в лесной зоне русского Севера, другое — в южнорусских лесостепях и третье — в засушливых полупустынных степях южного Поволжья и Заволжья.

В целом, сбор топонимии целесообразно вести отдельно, специально, не смешивая эту работу с записью других диалектных материалов, т. к. по принципу «всего понемногу» неизбежно неполными оказываются все материалы.

Большую роль играет оформление собранных топонимических данных.

Сами записи желательно вести, как и всех диалектных данных, в упрощенной фонетической транскрипции, хотя для топонимики допустимы и записи в орфографии русского литературного языка. В тетради должны быть указаны область, район, деревня, фамилии информантов, собирателей и обязательно приложена карта-схема обследованных квадратов. Все выявленные названия должны быть вынесены на стандартные карточки. При определении значения топонима следует указать расстояние от ближайшей большой реки, озера, леса, населенного пункта. Это поможет впоследствии отождествить данное название с картой, что нередко сделать потом бывает нелегко.

Профессиональный сбор местных географических названий, создание специализированных вузовских топонимических картотек — все это серьезный вклад в наше общее дело сохранения богатств русского языка, поддержания русской культуры. И пусть во всех наших полевых экспедиционных начинаниях нас вдохновляет пример великих русских ученых, естествоиспытателей, путешественников и патриотов И. И. Лепехина, И. Георги, Н. Я. Озерецковского, В. И. Даля, Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова, П. К. Козлова.

Санкт-Петербург

Дулеб

Т. В. БАХВАЛОВА,
кандидат филологических наук

В говорах Орловской области активно употребляется слово *дулеб*, обозначая бестолкового, глупого человека: «Вот дулеп-та! Ничиво ни пьнимаить» (Хотынецкий район).

У этого слова встречаются и дополнительные смысловые оттенки: «глуповатый, высокорослый»; «бестолковый, неповоротливый», а также «очень скупой, богатый человек». Эти отрицательные характеристики часто выражены через внешний облик: *дулеб* — «человек с толстым, одутловатым и невыразительным лицом», а также через поступки: *дулеб* (*дулеп*) — «Скупой богач. „Болхович, который не постесняется, имея миллионное состояние, подавая в церковную кружку 1 копейку, взять 3/4 сдачи“» (Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914).

На северо-западе Орловской области нгходится Болховский район, в говорах которого существительные *дулеб*, *дулебка* известны как неофициальные названия жителей города Болхова: «Дулеп — так диривенский дразнють гьрацких». В Болхове до революции словом *дулеб* называли мелкого производителя промышленных товаров. Он, не имея своего надела земли, ходил по деревням и менял сделанные им вещи (одежду, обувь и пр.) на продукты питания. В результате чего, по-видимому, и возникла поговорка *дулеб поел наш хлеб*.

Как появилось слово *дулеб* (*дулеп*) в орловских говорах?

Дулебы — это древнее племенное образование славян VI—VII вв., занимавших Волынь и правобережную часть Среднего Поднепровья. Из этой племенной группы позднее образовались волыняне, древляне, поляне и дреговичи (Серов В. В. Восточные славяне в VI—VIII вв. М., 1982).

Между Волынью, Киевщиной и Галицией располагалась Болховская земля, которая существовала уже к XI веку (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950). В XIV веке Литовский князь Гедимин совершил крупные завоевания в Подолии и Волини: «...при Гедимине Литва начала окружать себя вторым поясом, в состав которого вошли Волынь с Подольем...» (Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915). Князья Болховского княжества были вытеснены из своего удела и «отправились на службу в Москву, принимавшую тогда радушно сановных скитальцев» [Рустик (Мартемьянов Т. А.). Город Болхов Орловской губернии. Орел, 1897]. Позднее, чтобы затруднить набеги крымских татар, Иван Грозный повелел на южных окраинах Московского государства строить города и заселять их военными людьми. Так, в 1556 году возник город Болхов.

Существует мнение, согласно которому «Болхов назван, вероятно, в честь князей Болховских, бояр Грозного, именем утраченного их предками побужского удела. Об этом свидетельствует не только близкое сходство имен города и упомянутого удела, но и кличка, данная Болхову, которую он, несомненно, обязан своему подольскому тезке. По кличке Болхов величается „дулепским городом“» [Рустик (Мартемьянов Т. А.). Указ. соч.].

Исследователь болховских говоров на рубеже XIX—XX веков А. И. Сахаров пишет: «Дулеб — нелестная кличка жителей г. Болхова Орловск. губ., унаследовавших ее из Подольского края. В этом крае в древности было Болховское княжество, в состав которого входила и Дулебская земля, давшая Болховитянам кличку Дулебов... Меня уверяли там, что Дулеб = дурно лепный, дурно сделанный, несуразный» (Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии. СПб., 1900).

Интересно отметить, что в Тульской области сохранилось село Болхово, приобретенное в 40-е годы XX века статус города, а в нескольких километрах от Болхова Орловской области на реке Нугрь расположена деревня Дулебино. Эти факты подтверждают предположение о переносе «дулебских» именовании на новые земельные владения Болховских князей в Московской Руси.

Жителей вновь образованного города Болхова, наряду с официальным именованием *болховитин*, встречающимся в памятниках письменности начала XVI века, стали называть неофициальным нелестным именем *дулеб*.

С течением времени слово это наполняется иным, эмоционально-оценочным содержанием, вытеснившим впоследствии прежнее этнически-номинативное. В слово *дулеб* «вкладывается» негативная характеристика человека: неофициальное «побочное» именование

лица уже само по себе предполагало и предопределяло отрицательную характеристику. Какими же семантическими признаками «наполнилось» слово *дулеб* — «болховитянин» по мере освоения его местными говорами?

По свидетельству историков, болховитяне обладали целым комплексом человеческих недостатков. Так, священник Иван Лукьянов, проезжавший через Болхов в 1711 году, произнес болховитянам суровый приговор: «люди здесь — своемеры, дулепы, искусу нет ни у мужска пола, ни у женска» [Рустик (Мартемьянов Т. А.). Указ. соч.].

Нравы болховитян всячески порицались и не встречали поддержки. Высмеивалось нелепое обыкновение девушек-невест не ходить в церковь, чтобы не прослыть христовыми невестами; смеялись и над пристрастиями болховитян к кулачным бзням, публичным купаниям новобрачных, безграничным обожаниям юродивых. Поэтому не случайно в середине прошлого столетия даже в печать проникают анекдоты, рисующие простоватого, несообразительного болховитянина, на манер рассказов о пошехонцах: кузовом солнышко поймали, рака с колокольным звоном встречали, в баню парить водили козу и др.

Постепенно за словом *дулеб* в орловских говорах закрепилось значение «глупый, бестолковый человек». С этим значением существительное *дулеб* со временем распространилось среди носителей других говоров, и прежде всего соседних: тульских, калужских, курских.

В смежных с тульскими рязанских говорах слово *дулеб* известно и как отрицательная характеристика умственных способностей человека — «неотесанный, болван, мешок», и как обозначение физических недостатков — «слепой, косой, разноглазый человек».

Во владимирских говорах слово *дулеб* утрачивает все значения, кроме характеристики, связанной с физическими недостатками: «слепой, косой, разноглазый человек». Аналогичное значение отмечено у этого слова и в курских говорах: «человек с каким-либо физическим недостатком, уродством» (СРНГ, 8).

Орел

Нелюбка, Власова дочь

Н. М. ПАРФЕНОВА,
кандидат филологических наук

В последнее время мы все стали проявлять живой интерес к собственному личному имени, его значению, истории, происхождению. Это и понятно — ведь личное имя хранит память о прошлом, о духовной культуре наших предков, их воззрениях на мир, на природу, на самих себя.

Сведения о женских именах в памятниках письменности скудны. Из древних летописей узнаем имена женщин княжеского происхождения, среди которых интерес представляют дохристианские двусосновые: *Богуслава, Верхуслава, Всеслава, Горислава, Гремислава, Звенислава, Предслава, Сбыслава, Ярослав* и другие. Например: «Родися у великаго Всеволода четвертая дочи и нарекоша имя во святом крещении Полагья а князя Сбыслава» (Полное собрание русских летописей).

Нередки случаи, когда имя женщины, о которой идет речь, не упоминается, а указывается только патроним (именование по имени отца) или андроним (именование по имени мужа): в летописях: «Всеволод ожени сына своего Георгия Всеволожною Киевского кня-

зя»; «в се лето поя Володимер за сына своего Романа Володаревну»; «княгини Володимеря с детми» (Указ. соч.). В дозорных книгах упоминается «вдова стрелецкая жена Осташка Онтонова Пельмсково с сыном с Ивашком» (Центральный государственный архив древних актов, далее ЦГАДА).

Формула женского именованя в качестве своих структурных единиц включала указание на имя отца, мужа или другого родственника по мужской линии. Так, из вкладных книг узнаем, что в XVII веке в Далматов монастырь принесли вклад: «вдова старца Висариона посестрее»; «Шадринской слободы Ивана бывшая невестка Маримия»; «Софронова невестка Марья Ильина с Кырги»; «Федосьица Кузьки Суры мать»; «Ивана Заболотного сноха Агафья»; «деревни Нижнего Яру Якушки Рышки сестра Анна» (Филиал государственного архива Курганской области).

Интерес представляют древние имена женщин, которые были известны у русских в дохристианскую эпоху, но сохранялись в быту долгое время, вплоть до начала XVIII века.

Мотивы наречения именами в древности названы в азбуковнике XVI века: «Первых родов и времен человецы даяху детям своим имена яко же отец или мати отрочати изволит или от взора и естества детища или от времени или от вещи или от притчи. Тако же и славяне прежде крещения их даяху имена детям своим сице: Богдан, Бажен, Первой, Второй, Любим и ина такова» (Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки).

Рассмотрим некоторые из неканонических женских имен.

Голуба. В дозорной книге 1624 года по городу Тобольску встречаем запись: «двор вдовы Голубы Игнатъевы» (ЦГАДА). В Псковской кабальной книге 1598 года упоминается Офимья Семенова прозвище Голуба. В Суздале в 1564 году жила Голуба Игошина. В Новгороде в 1594 году была известна Евдокия Голуба (Веселовский С. Б. Ономастикон).

Женское имя соотносится с мужским *Голубь*. Они бытовали у славян в разных словообразовательных вариантах. *Голубь* и *Голубица* зафиксированы в лужицких памятниках письменности, *Голубан* — в сербских и чешских и т. д.

Использование названий животных, птиц, рыб, растений в качестве личных имен — обычай, отражающий воззрения наших предков на природу собственного имени. Исследователи полагают, что в этих именах отразились древнейшие верования, что тот или иной род вел свое происхождение от определенного вида животного или растения. Верования в то, что человек, носящий имя тотема — покровителя рода, будет находить у него защиту. В дальнейшем, по-видимому, действовала сила традиции.

Нельзя исключить также факт метафорического употребления названий животных. Так, имена *Голубь* и *Голубка* могли выражать нежное отношение к ребенку. В современной разговорной речи и фольклоре ласковое отношение к человеку может передаваться словами: *голубчик*, *голубок*, *голубка*, *голубушка*. В песнях XVII века встречаем такие строки: «Не воркуй, голубочек, над своею голубкою» (Словарь русского языка XI—XVII вв.).

Горлица — «голубка» также упоминается в памятниках как личное имя. Наименование птицы с красивым оперением и нежным приятным воркованием было широко известно в славянских языках и бытует в русских диалектах и фольклоре: «красна, что райская птица, верна, что горлица» (Этимологический словарь славянских языков).

Лебедь. В летописном повествовании встречаем имена братьев и сестры — основателей Киева: «братья единому имя Кый а другому Щек, а третьему Хорив сестра их Лыбедь». В старорусских памятниках упоминается и мужское личное имя Лебедь: в первой половине XV века жил Лебедь Хвостов (Веселовский. Указ. соч.). Слово бытует в народной устной речи и фольклоре: *Лебедь* — ласкательное прозвище молодой пригожей женщины. «Чужая жена лебедушка, своя жена полынъ горькая». *Лебедка* — красавица, милая. *Лебедок*, *лебедчик* (орловск.) — умалительное, в значении ласкательности при обращении к мужчине и к женщине (В. И. Даль).

Антронимизация наименований птиц может происходить путем метафорического пересмысления различных признаков. Вероятно, черный цвет волос обусловил появление прозвищного имени *Галка*: «Огафьца прозвище Галка» (1485 г.). По особенностям речи человек мог получить прозвище *Сорока*, известное у мужчин и женщин: «Дашка прозвище Сорока» (1637 г., Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина); «Сорока Аким, крестьянин» (1495. Новгород. Веселовский. Указ. соч.).

Собственным именем на Руси было мужское *Зверь* и женское *Зверка*: «дал Михайло Михайлов сын зятю своему девку Матрену Зверку»; «денги заняла у Зверя Полуухтова сына Корсакова» (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России). Это личное имя носило, видимо, охранное значение и широко бытовало у славян.

Белка: «кабала на Белку на Спицыну дочь»; «Белка Микитина дочь» (Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву); «Ивашко Васильев сын прозвище Лищей женат на Палашке прозвище на Белке» (ЦГАДА). Это имя было известно и у мужчин, но с иным окончанием: «а на то послуши Белко Шолыгин сын» (1550 г., Архив П. М. Строева). Имя Белкина

отмечено в качестве второго имени: «Иван Федорович Белка Отяев» (Веселовский. Указ. соч.).

Возможно, что мотивирующей основой было не только название зверька, но и белый цвет. В славянских языках были популярны нехристианские имена со значением в прямом смысле «белый цвет» и переносном «светлый, чистый, свободный». Памятники письменности зафиксировали такие имена: *Белимир, Белевут, Беловод, Белогубек, Белосава, Белослава, Белобок, Белобород, Белоглаз, Белогуз, Белодед, Белошек, Беляй, Беляница, Белянка, Беляйко* и другие.

Кунава, Кунавица: «двор вдовы Кунавки Ивановны» (ЦГАДА); «Феткова дочь Пивова Марьца прозвище Кунавица» (Архив историко-юридических сведений...). Эти имена мотивированы нарицательным «куница, куна», означающим животного из семейства кошачьих. Окончание *-ава* было продуктивным в древнерусских именах: *Добрава, Забава, Белава, Русава, Чернава, Любава, Милава*.

В памятниках письменности женские имена отражены слабо. Неканонические мужские и женские имена были недостаточно дифференцированы, поэтому можно предположить, что те, которые зафиксированы в качестве мужских имен, могли бытовать и у женщин. Из числа мужских, внутренняя форма которых указывает на связь с животным миром, в XV—XVII вв. известны были такие: *Баран, Овца, Корова, Лисица, Собака, Волк, Медведь, Рысь, Кот, Кошка, Кабан, Бык, Петух, Курица* и т. д.

Что касается растительного мира, отраженного в женских именах, то здесь находим имя *Дуброва*: «кабала на Офимью прозвище на Дубровку» (ЦГАДА).

В памятниках старорусской письменности широко отражены мужские некалендарные имена, образованные от растений. *Трава, Осина, Осока, Пырей, Щавель, Береза, Елка, Ягода* и другие. Можно предположить, что подобное явление было и с именованьем женщин. Их возникновение, как полагают этнографы, в эпоху глубокой древности было связано с тотемистическими воззрениями.

Внутренняя форма таких имен, как *Чернава, Чернавица, Чернуха*, указывает на прямое или переносное значение цвета, противоположного белому: «Орина Андреева дочь Григорьева дала Огафицу Чернаву» (Записная книга крепостным актам XV—XVI вв. ...); «девка Чернавка» (Морошкин М. Я. Славянский именовослов); «Савка Черной жена Ховроница внуки Чернавица да Окилиница» (ЦГАДА); «Немельфица прозвище Чернуха Юшкина раба» (Записная книга крепостным актам XV—XVI вв. ...). Слово известно в фольклоре и диалектах: *чернава, чернява* — смуглянка; «белобрыса — крыса, чернава — красава» (Даль В. И.). Это имя было и мужским. В 1641 году жил тобольский пеший казак Ивашко Чернавка

(ЦГАДА). Личные имена, мотивированные основой «черный», были продуктивными у славян: *Черна, Черната, Черница, Чернка, Чернислава* и другие (Морошкин. Указ. соч.).

Женское имя *Милага*, внутренняя форма которого указывает на значение «милая, приятная для людей», представлено в памятниках письменности XVII века: «двор вдовы Милагы Вологжанки» (ЦГАДА); «Милага Епистимья Акинфовна, крестьянка» (1611 г., Вологда. Веселовский. Указ. соч.).

Имена, содержащие корень «мил», были популярны у славян: *Мида, Миленка, Милица, Милика, Милахна, Миленя, Милота, Милисава* и др.

Женские имена, выражающие понятие «любовь», были известны в разных вариантах: *Любавка*: «двор вдовы Неупокоевской жены Любавки»; «казачкова жена Любавка» (ЦГАДА); *Любка*: «Фекла Меркурьева дочь а прозвище Любка» (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен); *Любавица*: «Спирка Овдеев пашет а у него жена Любавица» (ЦГАДА). В разных формах это имя было популярно у славян: *Любана, Любата, Любика, Любуша, Любна, Любца, Любоня, Любосава, Любослава, Любомира* и др.

Памятники старорусской письменности донесли до нас женские имена, выражающие отрицательные эмоции: Досада, Досадка: «сез Артемей Фомин сын прозвище Пятага с своею женою з Досадкою с Федоровою дочерью»; «а у Фильки де жена Устиница прозвище Досадка» (ЦГАДА); «сговорил девку Досадку Васюкову дочь Тишина» (Архив историко-юридических сведений...); «Досадка да сын Ромашка»; «У Досадки дочь Огафьица» (Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.). Имена, образованные от слов «ущерб, обида, оскорбление, неудовольствие», представленные в памятниках письменности XI—XVII вв., могли служить оберегами, отгоняющими злых духов.

Доука в качестве прозвищного имени было известно у кабальной холопки в Новгороде в конце XVI века (Веселовский. Указ. соч.). В XV—XVII вв. это имя часто встречалось и у мужчин в разных вариантах: *Доука, Доучай, Доучайко, Доучка, Доуныя*. Его носили не только крепостные, но и помещики, дворяне, подьячие (Веселовский. Указ. соч.). *Доука* — «беспокойство, неприятности, просьба, особенно повторная, настойчивая» (Словарь русского языка XI—XVII вв.).

Памятники письменности сохранили личные имена, отрицательная оценочность которых выражена префиксом *не-*: *Нелюба, Немила, Нерада, Неждана, Несмеяна, Некраса* и др.

Нелюба: «Нелюба Филипповна Мякинина» (1545 г.); «брата его родного Гаврилкова дочь Нелюбка»; «Нелюбка Власова дочь» (За-

писная книга крепостным актам XV—XVI в. ...). *Нерада, Нерадка*, холопка Плещесвых (1604 г.); *Некраса, Некраска*: «Нескраса Шишулина, холопка» (1565 г., Суздаль. Веселовский. Указ. соч.); «кабала на Маринку прозвище Некраску (1585 г.)» (Архив историко-юридических сведений ...); *Неждана, Неждаха*: «и Митка де женат на кабальной робе его на Неждане» (Записная книга крепостным актам XV—XVI в. ...); «отпустила есми с своими детьми своих крепостных старинных роб своих Феклицу а прозвище Неждаху» (1599 г. Архив историко-юридических сведений...).

Можно предположить, что в реальной жизни женских имен с префиксом *не-* было гораздо больше, чем представлено памятниками письменности, поскольку подобных мужских имен сотни: *Небажен, Невер, Невзор, Немир, Ненаш, Несвой, Несыт, Неудача, Нехорошко, Неустрой, Неупокой* и др. Большинство из названных имели охранное значение, хотя некоторые могли отражать чувства при рождении ребенка: *Неждан, Неждана*.

В XVI—XVII вв. распространено было женское имя *Смирена, Смиренка* от *смирный* — «тихий, покорный»: «вдова казачья Якимовская жена Смиренка (ЦГАДА); «кабала на Офоньку сына Строева да на сестр на Овдотьицу да на Смиренку» (Записная книга крепостным актам XV—XVI вв. ...). «У Овдотьицы де родился Матвейко да дочь Анница прозвище Смирена» (1516 г. Архив историко-юридических сведений...).

Молчанка (1562 г.) и соответствующее мужское *Молчан* (1535 г.) характеризовало человека по свойствам его характера. *Молчан* — «молчун», т. е. который молчит.

Селянка — из «поселянка», так же, как и мужское имя *Селянин* — «поселянин». В дозорной книге Тюмени 1624 года упоминается «вдова казачья чувашевская жена Кондратьева Селянка» (ЦГАДА), в кабальной записи XVI века: «се яз Кузьма Иванов Ахмаров с своєю женою с Парасковью с Панкратьевою дочерью прозвище Селянка» (Там же).

В Записной книге крепостным актам по Новгороду встречаем женское имя *Собина, Собинка*: «даная на две девки на Офросиньцу Степанову дочь да на Собинку Власову дочь» (1565 г.); «да меж строк написано Собинка и Собинка де от него бегает» (Записная книга крепостным актам XV—XVI вв. ...). В той же форме имя функционировало и в качестве мужского: «Собина, слободчик тверских князей» (середина XV века. Веселовский. Указ. соч.). В русских говорах можно встретить разнообразные значения слова *собина*: «приданое» (пермск.), «вскормленный дома теленок» (вят.), «пожитки, скот» (влад., рязан., тамб.), «поле, переданное в собственность» (костр.). Широко бытовало слово и в переносном упот-

реблении: *собинка моя* (ласкательное) «милый, дорогой, баженый, моленый» (В. И. Даль).

В духовном завещании Игнатия Талызина 1506 года упоминается холопка Гостена с сыном (Архив П. М. Строева). Женское имя *Гостена*, и мужские *Гость*, *Гостько*, *Гостенок*, *Гостюня*, бытовавшие в XVII веке, и двусосновые славянские *Гостомысл*, *Гостимира*, *Гостислава* и многие другие восходят к праславянскому *гостити*. В древнерусском языке *гостити* — «торговать, быть в гостях»; *гость* — «купец, посетитель» (Этимологический словарь славянских языков).

Памятники письменности донесли до нас древнерусские имена, которые передали представления наших предков о таинственной связи имени с судьбой человека. Отсюда — имена-обереги, имена-пожелания, в которых отразились природа, быт, чувства и мысли древних.

Тюмень

ОБРАЗ МЕСТА *

Э. М. МУРЗАЕВ,
доктор географических наук

В названиях географических объектов широко используются представления народа о нечистой силе, злых духах, а также мифологические персонажи.

В славянской мифологии злых, вредных персонажей предостаточно: бес, ведьма, див, демон, дьявол, черт, не считая «специализированных» — домового, лешего, полевика, водяного (водяника). Их участие в топонимии проявляется по-разному. Греческие *демона* и *дьявол* мало отразились в географической номенклатуре. Слова *бес*, *ведьма* присутствуют в ней единично: населенные места Ведьмино в Тульской области, Бесов Нос как производное от мыса Бесов Нос на берегу Онежского озера, Бесовы Следки близ устья реки Выг, Бесовец на реке Шуя в Карелии.

Див, *дивы* в значениях «чудо, чудище, диковина, дикий, дивный» образуют топонимический ряд: Дивногорье — резко пересеченное урочище с причудливыми фигурами выветривания в бассейнах Дона и Тихой Сосны, город Дивногорск на Енисее и Дивноморск в Краснодарском крае, населенные места Дивное, Дивнополье, Дивная Гора, Диво, Дивья в разных областях России, утес Дивий Камень и Дивья пещера на Урале, Дивногорская пещера в Восточном Саяне.

Первое место по топонимической активности среди мифических персонажей принадлежит наиболее популярному герою потустороннего мира — черту. Географические названия от этого слова насчитываются десятками, если не сотнями.

В Москве был ручей Черторый. Ныне он заключен в трубу. Его след сохранился в Чертольском переулке. Рукав Днепра в Киеве Черторый. В Черновицкой области населенный пункт Чертория. В Саратовской области на правом берегу Волги речка Черторойка: «Название получила за свою сильную эрозионную деятельность в период половодья и ливневых дождей, когда она бурлит, подмывает берега и разрушает их» (Горцев В. И. Саратовская область в названиях. Саратов, 1984).

Черторой в народном языке — глубокая яма, овраг, то, что вырыто чертом. На Украине отмечены многие гидронимы, производные от *черт*: Чортиха, Чортів, Чортів Звір, Чортівка, Чортова,

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1993. №№ 1—2.

Чортова Руда, Чортовецъ, Чортолай, Чорторий, Чортория, Чортояр (Словник гідронімів України. Киев, 1979). Профессор А. А. Белецкий в своей работе «Лексикология и теория языкознания» привел большое количество «чертовых» топонимов: Чертовое озеро на Ямале, порог Чертова Мельница на реке Вилкой, речка Чертовец в бассейне Ужа на Западной Украине и другие. Этот ученый пишет: «Отсутствие исторических данных и близость (фонологическая) основ *черт* и *черта* не позволяют нам судить о том, действительно ли связываются с первой из них названия весьма скромных населенных пунктов, вроде Чертово Костромской области, Чертовичи возле Брянска на Десне, Чертовики Ивановской области» (Киев, 1972). Отсюда ясно, что некоторые топонимы этого ряда могут восходить к термину *черта́* «сторожевая оборонительная система; граница, рубеж».

В топонимии Пермской губернии были представлены Чертежинск, Чертеж, Чертежи. Только в Соликамском уезде восемь деревень именовались Чертежами. Слово это, формировавшее географические названия во многих северных «лесных» губерниях, встречается также и на Карпатах, Балканском полуострове, в Чехословакии и трактуется как термин подсечно-огневого земледелия, связанного с глаголом *чертить*. Лес чертили на участки для последующей вырубki или пала. Деревья тоже чертили, обтесывали кругом, чтобы оно подсохло. «*Чертеж* — это когда-то чертили лес, чтобы расчистить; *чертить лес* — это кору обдирать с деревьев» (Вылежнев Ю. Г., Двинятинова Л. Г., Митягина М. В., Рябова Т. А., Цыплухина Л. И. Роль географических терминов в формировании топонимии Пермской области и сопредельных территорий // Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970).

Отрицательная окраска, опасность для человека, чем-то плохое качество географических объектов, в названиях которых присутствует образ черта, подчеркивается свидетельством К. Г. Паустовского в «Повести о жизни»: «Старик стал к штурвалу и начал командовать: „На правую руку забирай! Круче! А то занесет в черторой. Так. Еще круче!“ Ветки лозняка начали хлестать по бортам. Пароход ткнулся в дно и остановился». А. А. Белецкий видит здесь глубокую яму, быстрину, стрежень. Но может быть и отмель, риф. Так или иначе, судно, ведомое стариком, может попасть в беду, в аварию из-за какого-то чертороя.

В Псковской области есть села Чертово и Чертовидово. Последнее название находится в оппозиции к Красновидово в Подмосковье, расположенному в красивой местности. В Новгородской области отмечено болото Чертов Мох, а в Волгоградской Чертов курган и Чертов мост. Он построен через реку Хау очень плохо,

поэтому с него в воду опрокидывались телеги, лошади и люди (Долгачев И. Г. Язык земли родного края. Волгоград, 1989).

В Крыму, в Коктебеле, на побережье Черного моря высится недоступная скала Чертов Палец. В Хабаровском крае вдоль Невельского пролива протянулся Чертов хребет. Исследователь мурманской топонимии А. А. Минкин описал две глубокие параллельные трещины Чертовы Лыжницы на скальном высоком берегу, круто падающем к Белому морю. Жители Петрозаводска в выходные дни отправляются в зону отдыха Чертов Стул на противоположном берегу Петрозаводской губы Онежского озера. Такое имя возникло по форме скалы, которой поклонялись. Оно сохранилось как отголосок языческих поверий (Мамонтова Н. Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в Карелии//Номинация в ономастике. Свердловск, 1991). Небольшая речка Чертолейка впадает в Медведицу (бассейн Дона). Этому названию точно корреспондирует речка Чертолей в Нижегородской области (бассейн Волги). Интересный топоним Чертоявленский Гай в Прикаспийской низменности. Он раскрывается: лес (роща), в котором явился черт (как антигега к богавлению).

Лексема *черт* обычна в обозначении тех или иных предметов, обладающих отрицательными характеристиками, очень плохими свойствами, мешающими человеку, особенно крестьянину, в хозяйстве, быту. На территории Литвы в ряде районов наблюдаются скопления больших неподъемных валунов — свидетелей покровного оледенения. Они мешают земледельцам. В народных преданиях говорится о том, что такие валуны принесены чертями, они якобы даже перемещают их с места на место.

Чертово городище — старое заброшенное местожительство наших древних прародителей, археологическая стоянка, где, по словам местных жителей, по ночам бродят привидения, наводящие на них ужас. Так, в Челябинской области у города Кыштым находится Чертово городище, где каменные нагромождения причудливых форм создают картину первобытного хаоса и угрожают человеку бедой со стороны нечистой силы (Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина на карте Челябинской области. Челябинск, 1989).

Болото, в представлении суеверного крестьянина, местожительство чертей, но одновременно это опасное урочище, где можно увязнуть, утонуть: Чертово болото — обычное словосочетание в географической номенклатуре. В русском фольклоре *болото* и *черт* часто встречаются в поговорках: «В тихом болоте черти водятся», «Было бы болото, а черти будут». В псковских говорах болото просто называется чертом. В украинском языке нетега и черт «стоячес болото». Поляки утверждают, что болото без черта не бывает, а болгары скажут «черт из водоворота». Из этих лексиче-

ских фактов можно видеть, что слово *черт* в географической номенклатуре означает просто болото и выступает как нарицательный географический термин (Толстой Н. И. Из этнолингвистического словаря славянских древностей. Болото//Русская речь. 1989. № 4).

Злые силы, затрудняющие жизнь человека, под разными именами присутствуют и в неславянской топонимии. Так, например, в Таджикистане аджина-шамол летом приносит воздух с температурой до 50° в тени, массу раскаленного песка, повреждает культурные растения, выворачивает деревья. *Аджина (ажина)* «злой дух, нечистая сила», *шамол* «ветер». *Шайтан*, т. е. черт — так именуются ветры в разных местах: жестокая буря в Джунгарии, достигающая наибольшей силы в Джунгарских Воротах; вихрь на Каспийском море, пыльный вихрь в Белуджистане, Пакистане и Индии; сатана и дьявол пустыни — пыльный песчаный ветер (Прох Л. З. Словарь ветров. Л., 1983).

Шайтан и *сатана* — слова-близнецы. Их глубокая древность доказывается наличием второй формы в библейских текстах и во многих европейских языках: греческое *сатанас*, французское *satan*, немецкое и английское *Satan*. Обе лексемы известны в русском и украинском. Их истоки — в семитских языках: древнееврейское *сатан*, арабское *шайтан*. *Шайтан* в значении «черт» отмечено в словаре В. И. Даля как заимствование из тюркской лексики, куда оно попало из арабской. Топонимическая продуктивность двух форм разная: географических названий, производных от *сатана*, мало, а от *шайтан* очень много на Украине, в Поволжье, на Урале, в Сибири, в Казахстане, Средней Азии, где так именуются горы, реки, скалы, болота, селения.

В горах Крыма известно Шайтандере «чертово ущелье». Тяжелая крутая тропа, по которой можно подняться из Алупки на Яйлу, у татар называется Шайтан-Мердвень, опять же «чертова лестница». В Узбекистане, видимо, недоброй славой пользуется Шайтанкишлак, а в Казахстане горы Шайтанды, Шайтантас, Шайтантобе. Реки с названием Шайтанка отмечаются в бассейнах Днепра, Чусовой, Туры; Шайтанское озеро в бассейне Тавды, поселок Шайтанский Мыс на реке Северная Сосьва на Урале. «Топонимы такого рода прежде всего отражают отношение тюрков-мусульман (а также русских переселенцев, поскольку они тоже усвоили слово *шайтан*) к местам религиозного поклонения язычников манси, но могут относиться и к самим тюркам» (Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1987). Не исключая подобную мотивацию топонимов со словом *шайтан*, все же и в данном случае следует помнить о труднодоступности объекта для человека. Об этом же говорит А. К. Матвеев, когда объясняет северные названия с карельским словом *лембо* «черт» — Лемба, Лембова, Лембонема:

«Они совсем не обязательно указывают на то, что здесь, по поверьям, обитала нечистая сила, а могут обозначать плохое место» (Образное народное видение и проблемы ономастилогической и этимологической интерпретации топонимов// Вопросы ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977). Добавлю, что в окрестностях Санкт-Петербурга есть поселение Лембово. На примерах из карельской топонимии Н. Н. Мамонтова приводит ряд географических названий, производных от *hissi* «злой дух, леший, черт, бес»: озера Хижъярви (Гижэ озеро), Хижезеро, Гижино, населенные пункты Хиитойма, Хитоламбина. Древний бог саамов Тава-хранитель водной и лесной добычи. Его имя читается в гидронимах Таваярви, Таваёки, Таванд.

Такая же сопряженность понятий «нечистая сила, черт и плохое место» наблюдается и в чувашских географических названиях. Чувашское *сорам* «злой дух» повторяется в гидрониме Сорам (Сорма) в бассейне реки Цивиль. Знарок чувашской топонимии Г. Е. Корнилов в личном сообщении напомнил названия Сормовары, Сормопось, Сурам и связал их с *сорам*, *сорам киремече* «злой дух, нечистая сила».

У русского населения Среднего Поволжья *керемети* «мордовское кладбище, место молений и жертвоприношений». Культ *керемети*, *киремече*, *киремет* получил отражение и в гидронимии Татарстана. Ф. Г. Гарипова в своей работе «Исследования по гидронимии Татарстана» так характеризует *киремет* «грозный, мстительный злой дух, святое место, чудо» и приводит примеры речных и озерных названий: Киремет-Йылгасы, Киремет-Чишмесе, Киремет-Куле, которые в общей сложности повторяются более пятнадцати раз (М., 1991).

Таким образом, можно утверждать, что топонимы, включающие слово *черт*, народ присваивал для номинации каких-либо опасных мест, преград, болот, утесов, скал и других объектов, препятствующих освоению или преодолению, например, Чертова каменка — крупноглыбовая каменная осыпь, курум; чертова лестница — крутая горная каменная тропа, непроходимое топкое болото и т. д. Вспомним выражение «чертова дыра», означающее «глушь, далекую, неудобную для жизни местность, поселение».

Окончание следует

Из Свода детского фольклора

О. И. КАПИЦА

Ольга Иеронимовна Капица (1866—1937) — известный исследователь и собиратель детского фольклора, и этому благородному делу она посвятила всю свою жизнь. Занятия наукой О. И. Капица совмещала с педагогической работой. С начала 20-х годов она преподавала в Педагогическом институте имени А. И. Герцена и активно сотрудничала в Сказочной комиссии Русского географического общества.

Организованный в 1927 году при кафедре детской литературы кружок по собиранию и изучению детского фольклора объединил студентов и педагогов. Кроме того О. И. Капица помогала большая группа корреспондентов — учителей и работников дошкольных учреждений. Особо следует сказать о материалах Г. С. Виноградова. Он регулярно присылал записи текстов из Иркутской области, сделанные им самим и его учениками (в тексте публикации они обозначены как *ГСВ*). Немало текстов было получено и от членов Комиссии по изучению детского быта, языка и фольклора при отделении этнографии РГО, в которой работали Т. М. Ломаченкова, Е. П. Привалова, Н. М. Элиаш и др.

Собранный материал должен был образовать Свод русского детского фольклора, работу над которым О. И. Капица вела до последних дней жизни. Одним из разделов Свода и стали записи обращений к силам природы, растениям и животным и связанные с ними обряды. Следует отметить, что в детском бытовании сохранились черты древнейших анимистических верований, утраченные во взрослой среде под влиянием христианства. При этом внешняя оболочка сохранилась, а первоначальный магический смысл уступил место игре. Любопытно, что при этом одинаково переосмысливаются как языческие, так и христианские реалии и образы.

Тщательно систематизированные тексты широко использовались О. И. Капица при подготовке многочисленных сборников, ее основного труда — книги «Детский фольклор» (1928), проведении практических занятий со студентами. Особо следует отметить работу О. И. Капица в студии детских писателей при ленинградском отделении Детиздата, которой О. И. Капица руководила совместно с С. Я. Маршаком. В ней объединились уже известные писатели К. Чуковский и С. Маршак с начинавшими в то время творческий путь В. Бианки, Т. Габбе, Л. Пантелесевым, Д. Хармсом, Е. Швар-

цем. Предоставляемый в их распоряжение фольклорный материал служил основой для многочисленных детских книг, сказок, пьес. Так, в рамках студии были подготовлены книги «Пятьдесят поросят» К. Чуковского, «Лесная газета» В. Бианки и многие другие.

Вошедшие в настоящую публикацию тексты воспроизводятся по машинописной копии, сделанной самой О. И. Капица. В процессе подготовки проведена сверка с оригиналом, уточнены паспортные данные некоторых текстов, прочтения отдельных слов. В целях сокращения объема варианты, совпадавшие текстуально, исключались. Нумерация текстов принадлежит публикатору. Место хранения рукописи: Отдел рукописей ИРЛИ РАН, колл. 69, папка 30, ед. хр. 11.

*Ф. С. Капица,
кандидат филологических наук*

Обращения к животным и растениям

1.

Муха-горюха,
Пьешь ли вино?
— Я пью, не пью,
Только честь люблю.
Архангельская губ. Пинега

2.

Комар пищит,
В баню дров тащит.
Комариха верещит,
В баню веник тащит.
Архангельская губ. Пинега

3.

Втыкая послушенный прутик в разрытую сверху муравьиную кучу, говорят:

Мурашка-мурашка,
Садовая кашка,
Дай мне кваску,
А я тебе медку!
Харьковская губ. Купянский уезд

4.

Подходя на пасеке к ульям, говорят:

Пчелки гудят —
В поле летят.
С поля летят —
Медок несут.
Псковская губ. Порховский уезд. 1924

5.

Услышав крик лягушки, дети передразнивают:

Ква, ква, ква, лягушечка,
Ква, ква, пампушечка,
Ква, ква, страбушечка,
Ква, ква, мягкинья.
Хороша кума!
— И ты такова!
Харьковская губ. Купянский уезд

6.

Еж, еж, где живешь?
— На починочке живу,
Хомутиночку плету.
У ежа два ножа.
Катеринушка жена.
*Вятская губ. Яранский уезд. Санчурская
волость. д. Крутое. 1927*

7.

Когда гонят стадо коров с поля, дети становятся в круг и поют:

Стадо гонится,
Богу молится,
Умывается,
Утирается.
*Владимирская губ. Вязниковский уезд.
с. Мстра*

8.

В Егорьев день, выгоняя скот со двора, дети говорят:

Выгоню коровушку со двора голиком,
Приходи ко мне коровушка со всем молоком.
*Тверская губ. Бежецкий уезд. Топольковская
волость. д. Роца*

9.

Коровушка-буренушка,
Поддай молочка
Покорми пастуха.
Ярославская губ. Пошехонский уезд

10.

Когда видят маленького теленка, говорят:

Телеш, телеш,
Куда бредешь?
— В лес, волков есть.
Смотри, телеш,
Тебя переж.
Казанская губ.

11.

Поп, поп, поп, выпусти собак,
Поп, поп, поп, выпусти собак.

Говоря это, дети держат в одной руке цветок «попика» (повник, белая ромашка), а другой рукой водят по тычинкам цветка, пока из-под них не выползут черненькие букашки.

Вологодская губ. Вельский уезд. 1925

12.

Поп, поп, выпусти собак,
Барс едут,
Озимь топчут.

13.

Поп, поп, выпусти собак,
На боярский двор, на дворянских ребята.

Эти песенки дети распевают, держа в руках цветки дикой ромашки. Песенка поется до тех пор, пока из середины цветка не выползут черненькие маленькие букашки — «поповы собаки».

Ярославская губ. Пошехонский уезд

14.

Поп, поп, выпусти собак,
Кони во ржи,
Жеребята во овсе.

*Тверская губ. Бежецкий уезд. с. Введенское.
1929*

15.

Выдавливая сок из луковой головки, дети говорят:

Тпручка-тпручка,
Дай молочка,
Из подойничка.
А не дашь молочка,
Заколю, зарезу,
На крючок повешу.

*Тверская губ. Бежецкий уезд. с. Введенское.
1927*

16.

Сорвав одуванчик, дети расщепляют нижний конец стебля и, взяв его в рот, повторяют до тех пор, пока расщепленные концы завернутся:

Баба, выведи коня,
Баба, выведи коня.

Владимирская губ. с. Осовец. 1929

17.

В конце июня — начале июля, когда в огородах поспевают овощи, ребят привлекает горох, но добывать его приходится хитростью, так как его охраняют хозяева, а кроме того в горохе живет полудница (вариант: колудница, болудница) — дряхлая, лохматая старуха. Она ловит ребят, берущих овощи, и душит. Подходя потихоньку к грядке с горохом, ребята зовут ее:

Кодлуница-болудница,
Съешь меня!

По представлению ребят, она все время находится в огороде. Если при их зове не происходит ничего, внушающего опасения, ребята смело идут к гороху. А если листья гороха зашевелиятся от ветра, то ребята стрелой убегают прочь.

Иркутская губ. (ГСВ)

18.

Когда дети идут в лес за ягодами, они кричат, бросая мостинку:

Болотник-Тимошка,
Наполни лукошко!

Затем кидают лукошко и смотрят, как оно упало — боком или правильно, и говорят:

Мышка-матушка,
Скажи правдушку —
Целу наберу,
Али нет?

*Тверская губ. Бежецкий уезд. с. Введенское.
1927*

19.

Тимка-Тимошка,
Набери цело лукошко,
Встань дыбком,
Аль перевертышком!

*Тверская губ. Весьегоицкий уезд. с. Лукино.
1929*

20.

Когда деревенские ребяташки отправляются в лес по грибы, то дорогой они обыкновенно бросают впереди себя корзинку и по положению, которое она примет после падения, стараются отгадать результат своего похода: если она ляжет на землю дном, то будет набрана полностью, если станет ребром — то только наполовину, а если вверх дном, то останется совсем пустой. При этом они приговаривают нараспев:

Ставчик-буравчик,
Сам кавурчик,
Стогом-рогом,
Свинья под порогом.

Стогом-рогом,
Свинья под порогом.

Возвращаясь из леса с удачной добычей, дети приговаривают так:

Уж ты гриб грибовой!
Доведи меня домой,
Либо сам, либо сын,
Либо пасыночек,
Либо барчоночек.
Владимирская губ.

21.

Когда собирают грибы, приговаривают:

Боровик-боровик,
Красная головка,
Дам тебе морковку.

22.

Синюха-гнилуха,
Синюха-гнилуха,
Покажись, покажись!
Новгородская губ. Демьяновский уезд

23.

Грибок, выставь лобок,
Я тебя поцелую.

24.

Жили-были мужики,
Брали грибы-рыжики.

Продолжение следует

«Преданья старины глубокой...»

Поэтическая память слова

Д. И. МЕДРИШ,
доктор филологических наук

Рассмотрим некоторые особенности фольклоризма А. С. Пушкина на примере использования в его поэзии таких канонических фольклорных построений, как постоянный эпитет и противопоставление (антитеза).

1. Непостоянный «постоянный эпитет»

Постоянный эпитет — едва ли не самый традиционный образ фольклора: *темный лес, синее море, чистое поле, белая береза*. Особенно велика его роль в зачине — наиболее устойчивой части песенного текста: «Ой да не *белая* зорюшка занималась...»

В ряде случаев к одному слову могут присоединяться различные эпитеты. Лес, например, бывает то *темный*, то *дремучий*, заря — то *белая*, то *светлая*, то *румяная*. Иногда, напротив, один и тот же эпитет соотносится с различными словами: *белая* — береза, заря, лебедушка, *белый* — свет, снег, заюшка. Нередко в различных вариантах песни выбор эпитета не совпадает: там, где у одного певца береза *белая*, у другого — в той же фразе — она *кудрявая*. А, бывает, полюбившийся исполнителю постоянный эпитет щедро используется в одной песне — в различных сочетаниях:

По этой по пороше по *белу* снежку
 Не *бел* зайушко ли он прискакивал,
 Не *белая* куропаточка там напурхивала,—
 Наезжал удалой добрый молодец ...

(Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.—Л., 1949—1951. № 33. С. 324).

Как будто то же — у Пушкина, в «Сказке о медведихе»:

Как весенней теплою порою
 Из-за утренней *белой* зорюшки,
 Что из лесу, из лесу дремучего
 Выходила медведиха
 Со милыми детушками медвежатами (...)

Прервем на время цитату, чтобы дать необходимые разъяснения. Эту «Сказку о медведихе» читал Ф. М. Достоевский на литературно-музыкальном вечере в Москве 8 июня 1880 года — наряду с «Пророком»; ее вспоминал он в своей знаменитой речи о Пушкине, а в «Дневнике писателя» заметил: «Сказание о медведе, у которого убили медведицу, — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное в его созерцании народа». «Сказка о медведихе» впервые была опубликована по сохранившейся в сундуке у Н. Н. Ланской-Пушкиной черновой рукописи и с тех пор печатается как произведение якобы недописанное, как «отрывок», «фрагмент». Конечно, это затянувшееся недоразумение: сказка «дописана» хотя бы уже потому, что последние строки ее — типичная скоморошья концовка, после которой никакого продолжения быть не может. Безусловно, «Сказку о медведихе» следует рассматривать как завершенное — в композиционно-образном плане — произведение. Учитывая это, вернемся к прерванной цитате:

(...) Со милыми детушками-медвежатами
 Погулять, посмотреть, себя показать.
 Села медведиха под *белую березою* (...)

И позже — в третий раз — тот же постоянный эпитет: мужик «распорол ей брюхо *белое*». Пушкин приберег эпитет для третьей, заключительной, сцены, хотя мог бы использовать при том же слове и раньше: ведь об убийстве медведихи рассказано дважды — как будто так же, как и в народной поэзии, где отдельные фразы повторяются, с большей или меньшей (это несущественно в устном повествовании) мерой точности. В первой половине сказки:

А мужик-то ей брюхо порол,
 Брюхо порол да шкуру сымал (...)

Мужик действует привычно, по пословице: «где медведь, там и шкура». Во второй половине сказки, повествующей о медведе и его горе, при повторе прибавляется одна деталь:

Дошли вести до медведя черно-бурого,
 Что убил мужик его медведиху,
 Распорол ей брюхо *белое* (...)

(Нужный эпитет поэт нашел не сразу: вначале было «брюхо голое».) У черно-бурой медведихи брюхо — *белое*; это не только указание на цвет — добавлен постоянный эпитет, встречающийся и в лирической песне, и в былине, когда речь идет о человеке:

И выдергивал чинжалище булатное,
 Хочет вспороть ей груди *белыя*.

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 192).

В «Сказке о медведице» эпизоды связаны между собой не только временной последовательностью событий, но и внутренним, подспудным развитием образов. Трижды на протяжении сказки, как бы опускаясь с неба на землю (*белая зорюшка — белая береза — белое брюхо медведицы*), звучит эпитет *белый*, становясь все более одухотворенным: зорюшка — явление природы, начало дня; береза — растение, которое одним из первых начинает зеленеть и в народном сознании знаменует приход весны; медведь — животное, с которым издавна связывалась идея магического возрождения жизни (Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 106). Тем трагичнее развязка, тем явственнее пафос произведения — страстная защита всего живого на всем белом свете.

А вот в «Сказке о рыбаке и рыбке», напротив, обновляется эпитет — при неизменном определяемом слове. Здесь образ *синего моря* проходит почти через все повествование, начиная с первых строк:

Жил старик со своею старухой
 У самого синего моря.

И затем десять раз подряд море названо *синим* — даже когда оно *почернело*. Такое постоянство эпитета при слове *море* находим в сборнике Кирши Данилова (который Пушкин хорошо знал), тогда как в позднейших, уже послепушкинских поры сборниках иначе. Так, в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга море *синее, синее, синее, глубокое, славное, широкое, синее, глубокое, синее, синее, синее, а в сборниках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева — соленое, черное, аранское, глубокое* (Евгеньева А. П. Очерки по языку русской народной поэзии в записях XVII—XX веков. М.—Л., 1963. С. 317).

Однако и тогда, когда на протяжении одного текста или даже целого сборника употребляется при слове *море* один и тот же эпитет, и тогда, когда слово встречается с различными постоянными эпитетами, перед нами явления одного порядка. В фольклоре «замена одного постоянного эпитета другим не меняет существа образно-тематической характеристики», — справедливо считает В. П. Аникин и приводит в качестве примера два варианта былины «Вольга и Микула», записанные от одного и того же исполнителя с промежутком в десятилетие. «Стихам из сборника П. Н. Рыбникова „Щукой-рыбою ходить ему в *глубоких* морях“ и „Уходили все рыбы в *синие* моря“ соответствуют в сборнике А. Ф. Гильфердинга: „Щукой-рыбою ходить Вольги во *синих* морях“ и „Уходили-то все рыбушки во *глубоки* моря“. Здесь все эпитеты при слове *море* поэтически равнозначны, а потому и взаимозаменяемы» (Аникин В. П. Изменение и устойчивость традиционного языкового стиля и образности в былинах // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 17—18).

У Пушкина иначе. Уже после того как море названо *синим* даже тогда, когда оно почернело, одновременно с отказом от ожидаемой речи («Ничего не сказала рыбка») изменяется и эпитет: «И ушла в *глубокое* море».

Море в «Сказке о рыбаке и рыбке» *синее* в начале и на всем протяжении сказки, *глубокое* — в конце, когда золотая рыбка ушла, чтобы уже больше никогда не вернуться.

И все же: если море *почернело*, то отчего оно по-прежнему *синее*? В фольклоре застывший эпитет характеризует предмет, не касаясь частных, преходящих признаков и подчеркивая его наиболее важные, наиболее существенные и устойчивые свойства. И потому в русской народной лирике дерево или луг всегда *зеленые*, даже зимой, когда они покрыты снегом, а в былине возможно «бело личико — *чернехонько*»; *белые* руки в сербской песне не только у героя-юнака, но и у его антипода Черного Арапина, и даже изменившая герою любимая — «*верна* любя». И если у Пушкина «Почернело синее море» (отброшены варианты: «Разыгралось синее море»; «Пошел он к синему морю, / Видит: бурно черное море»), то это, с одной стороны, поддержанный поэтом типичный фольклорный алогизм (литературоведы в подобных случаях пользуются термином «оксюморон»). С другой стороны, однако, «алогизм» у Пушкина логичен, надо только эту логику почувствовать. Строится она на исторической памяти слова, которая пробуждается в поэтическом образе.

Действительно, если исходить из исконных, древнерусских обозначений света и цвета, то сочетание «почернело синее море» не покажется таким уж парадоксальным. Память о былой близости

понятий сохраняет народная поэзия, и верный признак их функционального сходства — их взаимозаменяемость в вариантах. В одном варианте:

Не темна та туценька затуцилась,
А не синё облако накаetaan (...)

В другом:

А не темная туценька востуцила,
А не чёрно бы облако накаталось (...)

Здесь *синий* и *черный* функционально равнозначны, потому что для древнерусского сознания *синий* — не цвет, а «степень яркости темного цвета, все равно какого: и собственно синего, который раньше назывался другим словом (сизый), и фиолетового, и черного, и даже темно-красного. Поэтому *синее море*, *сизый ворон* и *черная кручина* это всего лишь разные вариации черного в представлении наших предков» (Колесов В. История русского языка в рассказах. М., 1982. С. 35). Знаменательно, что в былине — стихотворном жанре, в котором текст, по сравнению с прозаической сказкой, более устойчив, за эпитетом *синий* — прежде всего именно в сочетании *синее море* — сохранилось «цветовое значение „черное с синим отливом“, „иссиня-черный“ и символическое значение „печальный, горестный“» (Никулина Т. Е. Прилагательное *синий* в языке русских волшебных сказок по сборникам и записям XIX века // История слова в текстах и словарях: Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1988. С. 119). В мгновенном пушкинском образе море народной поэзии всколыхнулось до самых глубин.

Так наполняются новым смыслом традиционные, «постоянные» эпитеты. Впрочем, иногда поэт изменяет форму такого эпитета; это почти незаметно внешне, но чрезвычайно существенно для его внутреннего смысла. Вспомним «Сказку о попе и о работнике его Балде»:

Беденький бес
Под кобылу подлез (...)

И хотя вся фраза, включая и рифму, имеет фольклорное соответствие («Как бес под келью подлез» — В. Даль), за традиционным, казалось бы, повествованием ощущается личное авторское отношение к незадачливому противнику Балды. Благодаря эпитету: *беденький*. Постоянный фольклорный эпитет *бедный* при слове *бес* проник в пословицы и поговорки: «Беден бес, что у него Бога нет»; «Скуден да нужен человек, а беден бес». По свидетельству этнографов, в некоторых регионах России вообще считалось неприличным говорить «бедный» о человеке, так как люди только убоги, а бедны — черти (Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета.

Л., 1990. С. 127). «Бедный бес» — это совершенно в духе русского фольклорного сознания. У Пушкина, однако, не просто *бедный*, а — *бедненький*, почти ласково. Впрочем, изменение может быть объяснено и конкретными обстоятельствами: под кобылу подлез не сам старый черт, а его внук — маленький бесенок. В пушкинской сказке чёрта, как и в фольклоре, дурачат, ибо он, бес, не то что любви — и сочувствия не заслуживает. А вот пожалеть его, обманутого, следует... *Бедненький бес!*

Недаром Гоголь писал о Пушкине: «Его эпитет так отчетист и смел, что заменяет целое описание».

Даже тогда, когда эпитет этот — «постоянный».

Продолжение следует

Волгоград

ПРИТВОРНЫЙ ВО СЛЕЗАХ КРОКОДИЛ

О. В. БЕЛОВА

Выражения *крокодиловы слезы*, *плакать крокодиловыми слезами*, *лить крокодиловы слезы* широко известны в европейских языках. О притворном сожалении украинцы скажут *літи крокоділові сльози*, поляки — *wylewać łzy krokodylowe* или *plakać krokodylowymi łzami*, чехи — *ronit krokodylí slzy*, немцы — *Krokodilstränen weinen*, французы — *verser des larmes de crocodile*. Неискреннее, лицемерное сочувствие болгары назовут *крокодилски сълзи*, чехи — *krokodýlův pláč*, англичане — *crocodile tears*.

Среди языковедов утвердилось мнение, что образцом для всех известных ныне «крокодиловых слез» послужило греческое изречение *krokodēilu dakrya*, означающее притворное выражение сочувствия. Оно встречается в сборниках начиная с XV века. В одном из них истолкование выражения «крокодиловы слезы» приписано Василию Великому (Василий Кесарийский, ок. 330—1.1. 379; христианский церковный деятель), создателю знаменитого «Шестоднева» (IV в.). Позднее легенда о плачущем крокодиле включалась в состав средневековых сочинений о «естестве животных», где помимо реальных свойств зверей, птиц и пресмыкающихся описывались их фантастические черты, повадки.

В основе же самого фразеологизма лежит поверье, что крокодил плачет, поедая свою жертву. Столь необычное поведение свирепого хищника, отразившееся в поговорке, по-разному трактовалось составителями средневековых сборников пословиц. Одни ссылались на античного автора Элиана, который в своем трактате о животных сообщал, что крокодил, набрав в пасть воды, поливает крутые

тропинки, по которым люди и животные спускаются к реке. Когда жертва поскользнется и упадет, крокодил хватает ее. Другие уверяли, что крокодил, проглотив туловище человека, смачивает его голову слезами и после этого проглатывает. Согласно третьей точке зрения, слезы крокодила — это своеобразный признак разыгравшегося аппетита (ср. выражение *слюнки потекли*): крокодил «плачет», когда увидит издали добычу (Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Кисв, 1897).

В русском языке одну из первых словарных записей фразеологизма *крокодиловы слезы* мы находим в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана 1731 г., где русская часть словаря написана переводчиками Академии наук в Санкт-Петербурге. Таким образом, *крокодиловы слезы*, как фразеологическая единица соответствует немецкому (*Krokodilstränen*).

Но образ плачущего крокодила был известен и древнерусской письменности. С XVII века он встречается в повестях и словарных сводах — азбуковниках. Вот с каким красочным описанием мог познакомиться древнерусский читатель: «Крокодил. звѣрь водной. хребѣт егѡ аки хобот [церковнослав. «хвост». — О. Б.] змиев. глаvá василискова. а егда имет члка ясти тогда плачѣтся и рыдает, а ясти не престает. главу отрав зря на нея плачет а хоботом биет на котораго разгневається, а как зинет то весь оуста бывається» (азбуковник XVII в. из собрания Д. В. Пискарева). А из «Повести бывшего посольства в португальской земли...» можно было узнать, что среди животных «неснедаемых и змиина приречения» главными являются «великий кит имениты, иже и притворный во слезах коркодил» (Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905).

Источником сведений о слезах крокодила в древнерусских памятниках можно считать обширное сочинение греческого книжника XVI века Дамаскина Студита «Собрание о неких собствах естества животных». Перевод «Собрания» на русский язык появился в XVII столетии. Дамаскин Студит повествует о крокодиле следующее: «Коркодил есть животно видом яко ящерица: обаче есть велик зело» (из собрания ГПБ, С.-Петербург). Чешуя крокодила «яко черепахи́на кожа», зубы «подобны псовым», их столько, сколько дней в году; живет крокодил в Ниле, нападает на человека «яко злый волк»; после того, как крокодил проглотит несчастную жертву, он «сидит и плачет притворными слезами» (на полях рукописи переписчик сделал пометку: «лицемерными»); о притворно плачущем человеке же говорят «яко уподобляется коркодилу» (там же).

Из всех зоологических трактатов, имевших хождение на Руси, только «Собрание» Дамаскина Студита упоминает о крокодиловых

слезах, причем подчеркивает их «неискренность». Так, «плачущий крокодил» прочно связывался в сознании древнерусского читателя с понятием притворства, неискренности, лицемерного сожаления. Кроме того, приведенные описания наглядно показывают, что выражение *крокодиловы слезы* уже почти оформилось в самостоятельный фразеологизм, готово «оторваться» от породившего его сюжета и начать в языке независимую жизнь.

О сходном процессе превращения сюжетного рассказа в поговорку писал исследователь древнерусской книжности А. Д. Карнеев: «Известно, что многие поговорки являются сокращением животной сказки, сведенной только к возможно большей степени краткости (...) и что конечному выводу предшествовал сжатый пересказ сказания» (Карнеев А. Д. Отзвуки «Физиолога» в живой речи // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897). При этом из рассказа извлекается краткое изречение, которое постепенно сокращается в поговорку или афоризм. Вероятно, нечто подобное происходило с выражением *крокодиловы слезы*. Во всяком случае, древнерусские тексты довольно четко демонстрируют нам процесс формирования фразеологизма в русском языке.

Благодаря образам баснословных животных, подробно и интересно описанных древней книжностью, наша речь обогатилась многими эмоционально окрашенными эпитетами и экспрессивными выражениями. Помимо «притворного во слезах крокодила» свой след в языке оставили ехидна, аспид, василиск...

ДЕНЕГ КУРЫ НЕ КЛЮЮТ

И. А. ПОДЮКОВ,
кандидат филологических наук

Об отсутствии денег мы обычно говорим — *сичу на мели, карманная чахотка*. О деньгах в избытке — *денег куры не клюют*. Попробуем выяснить, причем здесь неприхотливая домашняя птица.

Известны более прозрачные народные определения богатства типа псковского *денег черт не унесет (не схватит)*, ярославского — *денег черт под гору не сволочет*. В этих выражениях, несомненно, использовано представление наших предков о недюжинной силе черта. Они подразумевают очень безалаберное, а то и бессмысленное обращение с мешками денег упоминаемой нечисти. Особенно это видно в выражениях, которые использовали знатоки народной речи: «Денег у меня черт на печку не вскинет, — серьезно подтвердил Василий» (Ю. Казаков. В город); «Куда же ты деньги кладешь? Ты их столько накопил (...) что черт на крышу не забросит, — подсказал Ермоха» (В. Балябин. Забайкальцы).

Сходство в оформлении «куриной» и «чертовской» оценок богатства очевидно. И та и другая используют отрицание *не*, явно наделенное неким усилительным значением. Разница же, и очень существенная, заключается в том, что выражение *денег куры не клюют* содержит отрицание не потенциального, а реального действия.

Современные русские говоры содержат много выражений, где указывается на реальное действие с теми же самыми «куриными» персонажами, либо какими-то другими птицами — *петуху некуда клюнуть, коршуну негде клюнуть, журке негде клюнуть*. Довольно распространены они и в художественной речи, например: «Взглянул он на лист, весь исписанный цифрами, так что по пословице, „курице клюнуть негде“» (И. Селиванов. Провинциальные воспоминания); «Ефрейтор Пенкин (...) рябой-рябой, курочке клюнуть негде» (С. Клычков. Сахарный немец); «Век не забыть, как станцию Валушки брали (...) Сверху сто самолетов, двести фугуют нас бомбами, вся земля в железе, куры некуда клюнуть, госг.ди...»

(В. Личутин. Душа горит). Из текстов видно, что отмеченные выражения воплощают здесь не столько идею «много», сколько идею «тесно» и характеризуют пространство, плотно покрытое, или усеянное какими-либо предметами. Но как же так получилось, что в современной речевой практике в широком обиходе утвердилась именно денежная тема в связи с образом ключющей птицы?

Значение «много» (безотносительно к деньгам) у этого выражения отмечал еще В. И. Даль, приводя поговорку *работы столько, что куры не клюют*. Не вместо *негде*, настоящее время глагольной формы вместо *клюнуть* сильно затемняет мотивировку оборота. Однако профессор В. М. Мокшенько, учитывая прожорливость кур, считает, что мотив заключается в указании на пресыщенность.

Главная же причина привязки оборота к деньгам, на наш взгляд, складывается из того, что в русском и в других языках устойчиво, как символы изобилия, богатства, закреплены мелкие предметы, мусор: все, что не поддается счету и так любимо дворовой птицей. Особое место среди всего этого мусора и россыпей занимают, между прочим, грязь и (...) навоз. Вероятно, отсюда широко известные просторечные выражения *денег как грязи*, *денег хоть лопатой гребь*. Для сравнения приведем немецкие диалектные выражения, отмеченные в Мекленбурге: *Geld as Meß*, *Geld as Müll* — *денег как навоза*, *денег как мусора*.

Когда для характеристики богатства используются такие малоэстетичные соотнесения, говорящий как бы подчеркивает свое презрение к деньгам. Тем более что чаще такие оценки даются не себе, а другому: «У меня сосед — таксист. У него денег как грязи. Во! — Слава коснулся ребром ладони подбородка» (И. Штемлер. Таксопарк).

Пермь

Мафия и мафиози

А. В. ЗЕЛЕНИН,
кандидат филологических наук,
Н. Е. МИХАЙЛОВА

История слова *мафия* (от ит. *maf(f)ia* — банда, шайка разбойников, мошенников) в русском языке достаточно продолжительна. Уже в конце XIX века, в словаре Брокгауза и Ефрона можно было найти: «мафия [именно в таком написании.— А. З., Н. М.]— разбойничье общество в Сицилии». Выходцы из военных бригад, помогавших Гарибальди, после их роспуска в 1860 году, не пожелав самоликвидироваться, начали преступную деятельность (т. 36, полумом А, 1896). Фиксирует это слово, но в другом написании, «Большая энциклопедия» под ред. С. Н. Южакова: *маффия* (т. 12, 1903). В «Энциклопедическом словаре» братьев А. и И. Гранат встречаем — *мафия* (т. 28, 1913).

В словарях русского языка конца XIX — начала XX вв. наблюдалась орфографическая, но не семантическая вариативность этого слова, причем — следует заметить — у Брокгауза и Ефрона оно зафиксировано в той фонетической форме, которая характерна для европейского произношения: *мафия*. Вариативность написания — *мафия* и *маффия* — отражает орфографическое колебание итальянского источника — *mafia/mafia*. Форму *маффия* при этимологической отсылке к итальянскому прототипу *Maffia* или *Mafia* отмечает 1-е издание Большой Советской Энциклопедии (т. 38, 1938). Колебания в написании — *маф(ф)ия* — дает «Словарь иностранных слов» (М., 1937; 1949). С выходом 2-го издания Большой Советской Энциклопедии (т. 26, 1954) и «Словаря иностранных слов» (М., 1954) закрепилось единственное, ставшее нормативным написание *мафия* при отсылке на ит. *maf(f)ia*.

Еще в 50-е годы слово *мафия* кажется экзотическим и поэтому малоупотребительно. Его оживление происходит в середине 60-х годов. Оно появляется либо в рецензиях на фильмы иностранных режиссеров (чаще итальянских), либо в путевых заметках и статьях журналистов-международников. Мафия — это «кровавая гангстерская организация», у нее «свои глаза и уши... в торговых конcernах... и в политических партиях, и в правительственных учреждениях» (Комс. правда. 1967. 13 дек.).

Таким образом к концу 60-х годов XX в. в русском языке утвердилось следующее понятие слова *мафия* — это преступная итальянская организация, аналогичная американским гангстерским группам (англ. *gangster* — бандит, от *gang* — шайка, банда).

В итальянском языке существует производное от *maf(f)ia maf(f)ioso* — существительное (или прилагательное) мужского рода единств. числа. Во множ. числе оно оканчивается на *-i*: *maf(f)iosi*. Наряду с правильным (с точки зрения нормы итальянского языка) употреблением слова *мафиозо* (*мафьозо*) в единств. числе и *мафиози* (*мафьози*) во множ. числе, встречаются и неправильные употребления: «Борьба горожан с мафией на выборах в муниципалитет окончилась победой прогрессивных сил... Мафиозо разразились рядом угроз» (Комс. правда. 1967. 13 дек.). Нарушенное, исходя из грамматических норм итальянского языка, согласование существительного *мафиозо*, стоящего в единств. числе, с глаголом *разразились*, стоящим во множ. числе, русским читателем воспринималось как норма. Поскольку по своей форме *мафиозо* входило в состав неизменяемых существительных типа *кино*, *метро* и т. п. В русском языке существительных муж. рода на *-о* (если бы возможно было выделить в слове *мафиозо* окончание *-о*) нет. Такие существительные могут быть только среднего рода или неизменяемыми. Поскольку существительных среднего рода на *-о*, *-е* со значением «лицо, человек» в русском языке также нет, то остается одно: признать существительное *мафиозо* неизменяемым. Именно это мы и наблюдали в последней приведенной цитате.

80-е годы дают неожиданный и интенсивный всплеск в употреблении, переосмыслении понятия и новой словообразовательной активности слова.

Оказалось, что мафия существует не только «там», но и «здесь». Заговорили, помимо итальянской, американской, азиатской, ямайской, и о «русской мафии»: «Отечественная мафия родилась только после смерти отца всех народов. В условиях полного запрета на гласность она оставалась неизвестной широким слоям населения и крепла, черпая лучшие кадры из партийно-государственного аппарата» (Комс. правда. 1991. 20 февр.); «Старая и неповоротливая... мафия была атакована представителями нового поколения „двадцатилетних“, мафиозные „аппаратчики“ им просто мешали» (Комс. правда. 1991. 12 марта).

Это понятие стало настолько расплывчатым и неопределенным в современном русском языке, что данным термином пользуются как расхожим штампом, говоря о «национальной мафии», «партийной мафии», «местной мафии», «кладбищенской мафии», «антиперестроечной мафии», «молодежной неформальной мафии», «кинематографической мафии» и т. д. Расплывчатость и неопределен-

ность не мешают слову в расширении сферы употребления и приобретению переносных значений: «Без божьих коровок и некоторых других их союзников насекомая мафия взяла бы верх, а это... привело бы к необходимости более широкого использования ядохимикатов» (Наука и жизнь. 1971. № 1). Так, у Е. Евтушенко в книге «Ягодные места» слово *мафия* употреблено уже в бытовом понимании: «Вы все в сговоре против меня. Здесь какая-то мафия... Вас всех накажут!.. — дергался Ситочкин».

Освоение и приспособление слов *мафиозо* и *мафиози* к грамматическим нормам русского языка происходит в 60-е годы. Форма *мафиози* взяла на себя все грамматические особенности *мафиозо*, поскольку в русском языке иностранные существительные на *-и* часто относятся к неизменяемым, например, *жалюзи*, *киви* и т. п. Для неизменяемых существительных в русском языке безразлична категория единственного и множественного числа, поэтому форма *мафиози* обозначает одно лицо или группу лиц: «[Зося] сказала, не будь дурой... и уходи от своего гопника и мафиози к пенсионеру Скворцову» (СПб. ведомости. 1992. 25 янв.); «Дагомыс — известное место отдыха и криминальных разборок советских мафиози разного уровня» (Смена. СПб., 1991. 24 дек.). В первом примере *мафиози* обозначает единичное лицо, во втором — группу лиц, хотя грамматически это никак не выражено. Дублетность двух форм устраняется изгнанием из языка одной из них. Так, к концу 80-х годов, форма *мафиозо* практически не встречается, абсолютно преобладает *мафиози*.

Появляются новые прилагательные и существительные от *мафия*, *мафиози*: «мафиозные дельцы», «мафисподобные организации», «мафиозность», «мафизация».

Так, за столетие произошло освоение русским языком иноязычного слова *мафия*. Оно претерпело семантические сдвиги в сравнении с языком-источником, образовало новые слова. Наполняясь нашим, «отечественным», содержанием, приспособилось к грамматической системе русского языка.

Санкт-Петербург

ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА *

Фразеология

§ 38. Понятие о фразеологизме и фразеологии

1. Прочитайте отрывок из воспоминаний артиста Московского Художественного театра В. И. Качалова (дается в сокращении):

«Хорошо помню молодого Горького на первом представлении „Вишневого сада” — чествовании А. П. Чехова. Помню, как страшно был утомлен Антон Павлович этим чествованием.

— Надо же меру знать! Таким вниманием можно совсем убить человека, — волновался и возмущался Алексей Максимович.

— Ложитесь скорей, *протяните ноги*.

— Ложиться мне незачем и *ноги протягивать* еще не собираюсь, — отшучивался Антон Павлович. — А вот посижу с удовольствием».

Ответьте на вопросы:

Какое из двух выделенных словосочетаний можно заменить одним словом? Почему сказано, что Антон Павлович отшучивался? В чем заключается эта шутка?

Можно ли в первом словосочетании вместо *протяните ноги* сказать *вытяните, положите ноги*?

Можно ли во втором словосочетании без утраты его смысла сделать подобную замену (то есть сказать: *вытягивать, класть ноги*)?

2. В следующем тексте из рассказа А. Гайдара «Голубая чашка» передается разговор отца с маленькой дочкой Светланой. Прочитайте его и ответьте на вопросы.

«А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печи мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

— А куда твои глаза глядят?

— А глядят они, Светлана, через окошко, вот на ту желтую поляну, где пасется хозяйская корова».

*Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1993. № 2.

Все ли так поняла Светлана, как сказал ей отец? Если не все, то как она его поняла и почему вы так думаете?

Объяснил ли отец Светлане то, что ей было непонятно?

В лексику языка входят не только отдельные слова, но также устойчивые, как бы застывшие, сочетания слов, в которых без утраты смысла нельзя изменять их словарный состав: заменять слова (ср. *протянуть ноги — вытянуть, положить ноги*), добавлять новые (ср. *куда глаза глядят — куда твои глаза глядят*).

Такие устойчивые сочетания называются несвободными сочетаниями или фразеологизмами, фразеологическими оборотами, выражениями (по-гречески *phrasis* (фрасис) значит «выражение»). Совокупность фразеологизмов образует фразеологию языка.

Упр. 86. Сравните предложения правого и левого столбцов. Укажите в них словосочетания, состоящие из одичаковых слов. Какие из них являются свободными словосочетаниями, а какие — несвободными, то есть фразеологизмами? Что значат эти фразеологизмы?

Председатель отряда — правая рука вожатого.

В нашем классе

Коля Зайцев — пустое место.

Эй! Возьми меня в работники,

Поработать руки чешутся!

(В. Некрасов.)

Советую вам подумать о вашей матери, если вы махнули рукой на себя.

(К. Федин.)

Правая рука больного была забинтована.

Единственное пустое место в зале было в последнем ряду.

От укусов комаров чешутся руки.

Богатырь ты будешь с виду

И казак душой.

Провожать тебя я выйду —

Ты махнешь рукой ...

(М. Лермонтов.)

Упр. 87. Объясните значение фразеологизмов *сесть в лужу, подливать масло в огонь, на стенку лезть*. Составьте с ними предложения.

§ 39. Употребление фразеологизмов в речи

Упр. 88. Укажите фразеологизмы в следующих предложениях. Замените их соответствующими по значению словами-синонимами.

Наш Алексей человек себе на уме. Всем очки втирает, будто очень занят, сам же целый день лодыря гоняет, а если что и делает, то все через пень колоду валяет. На собрании задали ему жару! Теперь придется ему шевелить мозгами и работать засучив рукава.

Как вы считаете, что более ярко, выразительно, с большим чувством называет обозначаемые понятия в этом тексте — фразеологизмы или заменившие их синонимы?

Упр. 89. Прочитайте словарную статью Нос из Словаря С. И. Ожегова (дается сокращенно). Обратите внимание на пометы разг., прост. (в скобках). Они указывают, что выделенный фразеологизм употребляется преимущественно в разговорной, непринужденной, простой, бытовой речи. На каждый фразеологизм придумайте предложение.

Нос, -а(-у), о носе, в (на) носу, мн. -ы, -ов, м.

1. Орган обоняния, находящийся на лице у человека и на морде у животных. *Горбатый нос...* 2. Передняя часть лодки, судна, самолета и т. п. 3. Клюв птицы. 4. То же, что носок... *Туфли с острым носом.* Под носом (разг.) — о находящемся, происходящем очень близко. Из-под носа взять (разг.) — воспользовавшись чьей-н. невнимательностью, взять то, что находится прямо перед глазами. На носу (разг.) — о том, что должно скоро наступить. С носом остаться или с носом оставить кого (разг.) — обмануться в расчетах или одурачить кого-н. Нос не дорос у кого (разг., шутл.) — молод или недостаточно опытен для чего-н.; Носом землю роет (разг.) — очень старается... С носа (получить, взять, сложиться и т. п.; прост.) — с каждого человека.

Большинство фразеологизмов (хотя и не все) употребляется главным образом в непринужденной разговорной речи. Им свойственна большая яркость и выразительность (ср. *взять с носа по пять копеек* — *получить с каждого по пять копеек*).

§ 40. Дословная непереводаемость фразеологизма на другие языки

Фразеологизмы, как правило, не могут быть дословно переведены на какой-нибудь другой язык. При переводе фразеологизма на другой язык его значение передается или свободным словосочетанием, выражающим это значение, или соответствующим по смыслу фразеологизмом, имеющимся в языке, на который переводят. Например, фразеологизм *собаку съел* (на чем-нибудь) в значении «имеет большой опыт, навык в чем-нибудь» на немецком языке передается: *er ist darin ein grosser Meister* («он в этом большой мастер»), на английском — *that is his strong*, на французском — *c'est son fort*, что в этих языках имеет общий смысл: «в этом его сила, он всего сильнее в чем-то». Русский фразеологизм *пустить козла в огород* на немецком языке передается фразеологизмом *den Hund nach Bratwürsten schicken* (дословно: «собаку за жареными колбасами посылать»). Фразеологизм *сложить голову, кости* (погибнуть) на французский язык переводится фразеологизмом с тем

же значением — *laisser ses bottes* (дословно: «оставить свои ботинки, сапоги»), имеющим свое историческое объяснение.

§ 41. Из истории фразеологизмов

Упр. 90. Составьте устно предложения со следующими фразеологизмами, попутно объясняя их значения. Ответьте на вопросы, поставленные в конце задания.

Спустя рукава, за тридевять земель, собаку съел (на чем-нибудь), бить баклуши, на босу ногу, как пить дать, ни зги не видно, во всю ивановскую (кричать), чучело гороховое, темна вода во облацех, ходить гоголем, всю подноготную узнать (выведать), среди бела дня.

Есть ли в этих фразеологизмах непонятные слова? Употребляете ли вы в вашей речи (не в фразеологизмах) выделенные слова в тех формах, в которых они даны в фразеологизмах?

Непонятные слова (например, *баклуши*, *зги*) и не обычные для современного языка формы слов (*спустя*, *босу*, *бела*, *во облацех*), иногда встречающиеся в фразеологизмах, — это старые, раньше всем понятные и обычные слова и формы слов, широко употреблявшиеся в русском языке в древние периоды его истории. Эти слова и формы исчезли затем из языка, заменились другими и сохранились в современном русском языке только в устойчивых словосочетаниях — фразеологизмах.

Сохранение старых слов и форм в составе фразеологизмов указывает на связанность, слитность всех входящих в них слов в едином смысловом целом. Для нас важен общий смысл словосочетания, а понимание значения каждого входящего в него слова вовсе не обязательно.

Не зная значения слова, входящего в состав фразеологизма, мы не можем, конечно, догадаться, как возникло его современное значение. Например, не зная, что такое *зга*, нельзя понять, почему фразеологизм *ни зги не видно* значит «очень темно». Но даже когда каждое слово в составе фразеологизма понятно, мы далеко не всегда можем понять и объяснить, как возникло его значение. Казалось бы, общий переносный смысл фразеологизма *делать из мухи слона* («придавать пустякам чрезмерно большое значение») можно выразить и так: *делать из мошки (букашки, таракана) слона* или *делать из мухи бегемота (буйвола, мамонта)*. Ведь мошка, букашка, как и муха, — маленькие насекомые, а бегемот, буйвол, мамонт — достаточно крупные животные. Но так не говорят! Слова *муха* и *слон* — именно они, а не другие, даже и подходящие к общему переносному смыслу этого фразеологизма, прочно в нем закреплены.

Узнать, как возник тот или иной фразеологизм, можно только на основании специальных лингвистических и исторических иссле-

дований. Ученые-лингвисты установили происхождение многих фразеологизмов.

Ни зги не видно. *Зга* означало то же самое, что *стезя*, *стежка*, *тропинка*. Все выражение значило «не видно пути, дороги».

Чучело гороховое — первоначально означало пугало на поле, засеянном горохом.

Бить баклуши возникло в среде кустарей, изготавливавших различные деревянные поделки. Первоначально означало «раскалывать, разбивать осиновый чурбан на чурки (баклуши) для изготовления ложек, поварешек и т. п.». Работа эта несложная, поэтому считалось, что кто бьет баклуши, тот как бы ничего не делает — бездельничает.

Во всю ивановскую (кричать) произошло от названия Ивановской площади около колокольни Ивана Великого в Московском Кремле, где в старину оглашались царские указы. Чтобы всем было слышно, приходилось кричать очень громко.

За тридевять земель вошло в литературный язык из сказок. Тридевять значит 27 (3 × 9) и указывает на существование некогда счета не десятками, как теперь, а девятками.

Ходить гоголем. Гоголь — разновидность утки, отличается красным оперением, важной, щеголеватой походкой. Вот что пишет о гоголях директор Московского зоопарка И. Сосновский: «Самые забавные из появившихся птенцов — это утята гоголя. При выходе из скорлупы они ростом всего с воробья. Но если воробей появляется на свет голым, беспомощным, то гоголята с первых часов жизни „ходят гоголем“ в бархатной пестрой одежде. Ничего не боятся — быстрые, ловкие».

§ 42. Об источниках русской фразеологии

Большинство фразеологизмов русского литературного языка имеет своим источником русскую разговорно-бытовую речь. Например, такие фразеологизмы, как *в чем мать родила*, *чучело гороховое*, *потерять голову* и многие другие, возникли в разное время в непринужденной беседе и затем в своем общем переносном значении закрепились в литературном языке. Немало из них было создано в устной речи различных профессиональных групп населения, о чем нередко свидетельствует их лексический состав, например: *топорная работа*; *без сучка, без задоринки*; *разделать под орех* — в речи столяров; *ставить в тупик, зеленая улица* — в речи железнодорожников; *задавать тон, играть первую скрипку* — в речи музыкантов. Такие распространенные фразеологизмы, как *довести до белого каления*, *привести к общему знаменателю*, *катиться по наклонной плоскости*, вошли в общий литературный язык из речи специалистов разных профессий. Из книг, которые

были известны уже в Древней Руси, в литературный язык вошли также многие фразеологизмы: *глас вопиющего в пустыне*, *не от мира сего*, *на сон грядущий* и др.

Некоторые фразеологизмы вошли в литературный язык из древнегреческих сказаний (мифов), которые издавна переводились на Русь, например: *сизифов труд*, *ахиллесова пята*, *прокрустово ложе*.

Есть такие фразеологизмы, которые являются буквальными переводами фразеологизмов различных иностранных языков: *задняя мысль* (фр. *aggiène pensée*), с птичьего полета (фр. *à vol d'oiseau*), *холодная война* (англ. *cold war*), *не взирая на лица* (нем. *ohne Ansicht der Person*).

§ 43. Крылатые слова

В своей речи мы нередко пользуемся различными меткими выражениями, созданными писателями, поэтами, политическими деятелями и вошедшими в общее употребление. Например, выражая свое недоверие к чему-нибудь, мы говорим: «Свежо предание, а верится с трудом» (Грибоедов. *Горе от ума*); отмечая, что не обратили внимания на самое важное: «Слона-то я и не приметил» (Крылов. *Любопытный*).

Такие выражения называются крылатыми словами. Они как бы вылетели за пределы произведений, в которых первоначально были созданы их авторами, вошли в литературный язык, получив в нем более широкое, переносно-обобщенное значение.

Упр. 91. Объясните, в каких случаях, с какой целью вы могли бы употребить следующие крылатые слова из басен И. Крылова.

А ларчик просто открывался. А Васька слушает да ест. Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку. Услужливый дурак опаснее врага. Как белка в колесе.

Вопросы для повторения

1. Что такое фразеологизм? Приведите примеры. Чем фразеологизм отличается от свободного словосочетания?
2. Как возникают фразеологизмы? Каковы их источники?
3. Что такое крылатые слова? Приведите примеры.

Кто такой Индрик?

В повести «Подвиг» Владимира Набокова, в разделе I, есть такие строки: «Если фамилия деда Мартына цвела в горах, то девичья фамилия бабки, волшебным происхождением разнясь от Волковых, Куницыных, Белкиных, относилась к русской сказочной фауне. Дивные звери рыскали некогда по нашей земле». В первом же абзаце этого же раздела сказано: «Эдельвейс, дед Мартына, был, как это ни смешно, швейцарец,— рослый швейцарец с пушистыми усами, воспитавший в шестидесятых годах детей петербургского помещика Индрикова и женившийся на его младшей дочери». Значит, бабка имела фамилию Индрикова, но какое отношение это имеет к «сказочной фауне»?

В. Г. Лебедюк,
Москва

Существуют две версии происхождения слова *Индрик*. Первая, ставшая традиционной, была разработана историками древнерусской литературы и культуры.

Индрик — сказочный зверь, упоминаемый в духовном стихе о Голубиной книге. Название стиха о Голубиной книге идет от осмысления глубины премудрости, заключающейся в ней. Голубиной книгой, то-есть духооткровенной, стало называться у народа под влиянием символа святого духа (в виде образа голубя) одно из распространенных произведений древнерусской литературы. Такая популярность стиха объясняется тем, что он давал древним читателям ответы на самые важные сакральные вопросы, открывающие тайны тайн, и в то же время сообщал различные сведения фантастического характера о разных предметах на Земле. Исследователями предложено объяснение слова *Индрик* и его вариантов (*Вындрик, Индрок, Индрия, Индра*) как результат трансформации древнерусского иньрогъ, инорог «единорог». В этом случае название *Индрик* объясняется искажением либо греческого слова *енудра* «выдра», либо *еньдропа*, морского зверя, известного в славянских списках сборника Физиолог.

Зверь Индрик или Индрия упоминается также в Азбуковниках как зверек, похожий на пса, живущий в реке Ниле и убивающий крокодила.

В разных списках стиха о Голубиной книге наблюдаются различные черты в изображении Индрика, но во всех он называется «всем зверям отец» или «матерью всех зверей». Он ходит по подземелью, посещает реки и кладези, или живет на Фавор-горе, когда он поворачивается, все звери ему поклоняются; или живет он на Святой горе и пьет из Синего моря, никому обиды не делает; или ходит рогом по подземелью, «аки солнце по поднебесью». Индрик-Зверь упоминается и в русских былинах.

Но в работах специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, истории мировой культуры, появившихся в последние годы, была предложена другая этимология слова *Индрик*.

Вяч. Вс. Иванов обратил внимание на то, что в описании сказочного древнерусского Индрика-Зверя объединяются различные фантастические представления и что «фантастическое животное, у которого рыбы плавники сочетаются с головой и ногами млекопитающих животных (чаще всего слона, но иногда тапира, носорога и других копытных), в высшей степени показательно для поверий, отраженных и в изобразительном искусстве Индии и стран индийской культуры (в том числе и для таких областей Средней Азии, как древний Пянджикент)» (Иванов Вяч. Вс. Название слона в языках Евразии. 1. Русск. индрик, индер//Этимология. 1975. М., 1977. С. 149). Подтверждение высказанному он находит в труде проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946. С. 226), где приводится общая культурно-историческая типология подобных фантастических «комбинированных» животных — драконов, которые характерны для мифологии и искусства древних государств: Египта, Вавилона, Индии, Греции, Китая, где дракон обычно состоит из двух, трех, четырех и более животных, чаще всего пресмыкающегося и птицы, но иногда и других животных (пантеры, льва, козла и т. д.).

Приведенные Вяч. Вс. Ивановым данные древнеиндийской и сибирских мифологических систем позволяют понять и несомненную связь русского Индрика-Зверя с санскритским индер «мамонт в виде змея», «поскольку „мамонт“ и „слон“ оказываются взаимозаменяемыми мифологическими образами сказочных животных. В свете указанных фактов кажется возможным искать в общих мифологических русских терминах отражение старого обозначения одного из этих животных (а не единорога). Такое обозначение могло бы быть либо заимствовано из индоарийских языков, либо вторично переосмыслено (в случае, если непосредственный источник следует искать в греческом) в связи с Индрой — санскритским обозначением бога, чьим священным животным был слон» (Иванов Вяч. Вс. Там же. С. 152).

«Символика Индрика в Голубиной книге, сам его образ восходит, видимо, к древнейшему ведийскому пласту», — пишет историк культуры К. Г. Мяло (Космогонические образы мира: между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира. М., 1977. С. 248).

Итак, слово *Индрик* представляет собой заимствование, засвидетельствованное в Голубиной книге и в некоторых других памятниках древнерусской литературы, в которых отмечаются индийские мифологические влияния.

Слову *Индрик* не повезло со словарной фиксацией. Его нет в «Словаре Академии Российской» (ч. II. СПб., 1809), в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года (Т. 2. СПб.), в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (Вып. 2. М., 1979), в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 5. М.—Л., 1956). Фамилия *Индриков* не упомянута в книге Б. О. Унбегауна «Русские фамилии» (М., 1989).

Слово *Индрик* можно найти в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля с таким неопределенным толкованием значения: «Какой-то сказочный зверь, поминаемый в стихах и песнях в народе» с примером из песни: «У нас индрик-зверь всем зверям отец» (Т. 2. М., 1989. С. 44) и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, где значение его определяется так: сказочный зверь в устном народном творчестве, мать всех зверей (Т. 2. М., 1986. С. 132).

Традиционная точка зрения на происхождение слова *Индрик* и формирование этого понятия в русской филологии XIX в. приводятся в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (Т. 25. С. 170). Эти же сведения в кратком виде излагаются в недавно вышедшем «Мифологическом словаре» (М., 1991. С. 247).

В. П. Вомперский,
доктор филологических наук

О лесковском, русском, индийском и других левшах

Прошло уже более 100 лет со дня выхода в свет «Сказа о тульском косом левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)» Н. С. Лескова. Произведение это популярно и часто цитируется. Имя же тульского мастерового, умельца, который способен был выполнить самую тонкую работу, стало нарицательным.

Чаще всего оно используется в контекстах, где говорится о поразительном таланте миниатюристов: «Известный мастер микро-миниатюры, «Левша» из Жмеринки Михаил Маслюк подготовил у себя в квартире маленькую выставку — итог его последних творческих устремлений в микрокосмос» (Одинец М. Руками «Левши»//Правда, 1986. 24 марта); «В Политехническом музее проходит интереснейшая выставка макетов морских и космических кораблей. Но чтобы увидеть некоторые из них, нужен микроскоп. Члены общества «Эрудит» из Армении — миниатюристы» (Левши из «Эрудита»//Моск. комс. 1989. 22 авг.); «Целый арсенал может уместиться в спичечном коробке. Тут и пушки, и винтовки, и пистолеты. Один из самых миниатюрных экспонатов — действующая модель револьвера весом чуть более одного грамма» (Наследие Левши//Веч. Москва. 1987. 16 февр.).

В некоторых контекстах связь с литературным прототипом подчеркивается упоминанием автора сказа или одного из славных дел Левши (он подковал английскую стальную блоху): «Лесковскую историю о тульской стальной блохе павловчане переиначили на свой лад. Левша-де блоху подковал, а наши мастера на нее цепочку и замок изготовили и к коробочке приковали, чтобы не ускокала» (Заботин А. «Левша» из Павлова//Комс. правда. 1988. 20 марта); «Он под стать Левше — блоху может подковать» (Сапов В. Монгольский Левша//Правда. 1989. 21 янв.). Иногда вместо имени героя используется перифраз: «А уж мастер (...) истинно тульский умелец. Запросто блоху подкует, а не то что там кран новый поставить или, допустим, бачок» (Адамов А. Г. Инспектор Лосев. М., 1985. С. 578).

Авторы редко вспоминают о других «дсяниях» Левши или о его трагической судьбе: «У Лескова Левша, побывав в Лондоне, больше всего был погрязен тем, что англичане не чистят ружья толченым

кирпичом. Воротясь в Петербург и умирая в полицейском участке, он просит передать это царю, а то в русских ружьях от усиленной чистки пули болтаются и они „храни Бог войны, стрелять не годятся“. У нас было так много бдительных людей, обнаруживали даже корону в букете на ученической тетради, но никого не волновало то, что все наши военные повозки, „храни Бог войны“, ездить не годятся» (Кузнецов А. Бабий Яр. Киев, 1991. С. 140—141); «Участь русского Левши незыблема — во все времена он тихо угасает на задворках истории в волнении об Отечестве: ружья-то кирпичом не надо чистить» (Черношкур Л. Левша. Его талант удивляет и сегодня, но не находит применения. Почему?//Комс. правда. 1988. 4 ноября).

В большинстве же случаев ни имени Н. С. Лескова, ни знаменитых дел Левши не упоминается, так как считаются общеизвестными, знакомыми всем владеющим русским языком. На это указывает и то, что имя героя нередко выносится в название публикаций.

Уже из приведенных примеров видно, что значение слова *левша* в современном русском языке не исчерпывается единственным из зафиксированных в словарях: «Тот, кто владеет левой рукой лучше, чем правой» (ССРЛЯ. Т. 6. С. 96). Может быть, стоит ввести в словари и переносное значение, связанное с именем литературного персонажа: «Умелец, способный выполнить самую тонкую работу»? «Тонкую» не означает обязательно миниатюрную, скорее — сложную, требующую мастерства: «„Не красна изба углами, а красна пирогами“, — гласит русская пословица. Глядя на дом преподавателя местной школы-интерната А. Авдеева, думаешь иначе. Сработанный Алексеем Митрофановичем чудо-теремок — будто из сказки. (...) Много и других умельцев под стать знаменитому Левше живет в здешнем таежном крае» (Под статью Левше//Правда. 1987. 2 апреля); «Наша беседа с Левшой из Бор-Нура проходила вскоре после съезда рационализаторов, участником которого он был» (Сапов В. Монгольский Левша//Правда. 1989. 21 янв.).

Нет единообразия в употреблении этого слова в тексте. В большинстве случаев его пишут с заглавной буквы, как бы сохраняя связь с именем литературного персонажа: «Индийский Левша» (Труд. 1987. 6 марта); «Монгольский Левша» (Правда. 1989. 21 янв.); «Под статью Левше» (Правда. 1987. 2 апр.). В некоторых материалах слово оформлено кавычками, обращаящими наше внимание на «непрямое» значение: «„Левша“ из Павлова» (Комс. правда. 1988. 20 марта). Однако способ оформления проводится непоследовательно. Так, в названиях двух заметок, посвященных творчеству умельца М. Маслюка, имя лесковского героя подается по-разному: «Левше на зависть» (Труд. 1987. 5 апр.) и «Руками

„Левши“» (Правда. 1986. 24 марта). Есть публикации, где это слово пишется с маленькой буквы, правда чаще всего в таком случае оно употреблено во множественном числе: «А наши „левши“ во многом могут поспорить с западными коллегами. Например, отечественную игру „Тетрис“, чем-то напоминающую кубик Рубика, уже полюбила вся Европа. Но — неофициально» (Моск. комс. 1990. 23 марта).

Отсутствие значения слова, связанного с именем лесковского персонажа, в словаре, так же, впрочем, как и значений некоторых других слов, возникших из имен популярных персонажей литературы, приводит к отсутствию их в двуязычных словарях, что представляет особенную трудность для переводчиков, не знакомых в полной мере с культурно-литературным фоном. А незнание приводит к курьезам, об одном из которых поведал журналистам Посол Великобритании в Москве Родрик Бретвейт: «... ни чутья, ни газет, ни книг недостаточно, чтобы адекватно судить о стране и народе. Люди ведь говорят полутонами, скрытыми цитатами, в их речи много всего того, что произрастает из глубин истории и культуры. К примеру, когда Горбачев в 84-м году был в Лондоне, он говорил об умении русских подковать блоху. А наши недоумевали: какой странный человек, почему его так мучают блохи?» (Спутник. 1992. № 4. С. 96).

*О. А. Давыдова,
кандидат филологических наук*

О склонении топонимов

Лингвистический и логический анализ показывает, что, по-видимому, фиксируемая справочными пособиями норма правописания сочетаний слова «республика» с наименованиями на *-ия* нуждается в уточнении и унификации.

Так, в пособии Л. Граудиной и др. «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976. С. 144) находим: «В сочетаниях со словом „республика“ склоняются лишь наименования на „-ия“: „в Социалистической Республике Румынии“, „договор с республикой Югославией“ (...) (но см.: „посол Республики Кения“ — Правда. 1971. 13 янв.)».

Более подробные рекомендации даны недавно Н. В. Трифионовой (Русская речь. 1992. № 1. С. 63—65): «В именительном падеже имя собственное в составном названии предпочтительно не изменять, так как именительный падеж собственного имени выполняет „назывательную“ функцию, например: *Народная Республика Болгария*, хотя употребляется и другая форма — *Народная Республика Болгарии*». Родительный падеж в названиях такого рода был закреплен в официальном названии «Федеративная Республика Германии». После объединения Германии закреплено название *Федеративная Республика Германия*. (...) В тех случаях, когда родительный падеж имеет формальное значение, наблюдается смешение форм: *Народная Республика Болгария* и *Народная Республика Болгарии*. В последнем примере предпочтительной является форма именительного падежа.

Норма склонения в косвенных падежах вариативна. Такие сочетания предпочтительно склонять: *в Народной Республике Болгарии*. Однако некоторые из названных сочетаний в последнее время испытывают тенденцию к неизменению, например: „Правительство Республики Грузия (...)“ (Труд. 1991. 3 апр.); „в Республике Армения (...)“ (Смена. 1991. 11 апр.) (...)

В официальных документах все собственные имена в составе номенклатурных названий имеют тенденцию к неизменению во всех падежных формах, поэтому в целях унификации таких написаний можно рекомендовать их не склонять».

Кратко сформулировав общий вывод Н. В. Трифионовой, получаем: «В косвенных падежах имя собственное в рассматриваемых сочетаниях предпочтительно склонять, но в официальных докумен-

тах в целях унификации написаний можно рекомендовать их не склонять».

Анализ печати последних десятилетий показывает, что дипломаты и другие официальные представители зарубежных государств очень часто пренебрегают рекомендацией Л. Граудиной и др., предпочитая находиться в рамках исключения, выделенного в цитате из справочника скобками. А именно, они не склоняют наименования своей страны, полагая, что форма именительного падежа лучше согласуется с понятием национального суверенитета. Напротив, у русскоязычного читателя в таких случаях возникает ощущение грамматической ошибки в тексте.

Трудно ожидать, что рекомендации Н. В. Трифионовой послужат в будущем удобным ориентиром пишущим, хотя бы из-за своей явной неоднозначности — зависимости от субъективного отнесения конкретного контекста к категории «официальных» / «неофициальных» документов. В то же время практика дает простой и однозначный критерий того, когда следует/не следует склонять наименование страны. Оба возможных случая и ныне четко различаются графически: в высоком, официальном, стиле речи все компоненты топонима пишутся с заглавной буквы. А в неофициальном, обыденном, с заглавной часто пишется только имя собственное в составе наименования (ср. примеры в приведенной цитате из Л. Граудиной и др.).

Итак, вполне естественным было бы использование имени собственного в именительном падеже в первом случае и его нормальное склонение — во втором. Так, например, следовало бы писать «в Федеративной Республике Германия» и «в республике Германии». Как нам представляется, предлагаемое уточнение существенно упростило бы правило, сделало его более понятным функционально.

*И. П. Тиндо,
кандидат физико-математических наук,
Э. Баркер (ФРГ),
доктор филологических наук*